

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение

Высшего профессионального образования

**«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича
Столетовых» (ВлГУ)**

Педагогический институт
Исторический факультет
Кафедра новой и новейшей истории

**Исторический опыт
мировых цивилизаций и Россия: материалы международной
научно-практической конференции,
15 ноября 2013 г.**

Владимир 2014

ББК 63.3 (О)
УДК 94 (100)

Рецензенты:

Борисова И.Д., к.и.н., д.юрид.н., проф.

Демидов С.В. д.и.н., проф.

Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия: материалы международной научно-практической конференции, 15 ноября 2013 года / отв. ред. И.К. Лапшина, О.В. Захарова; Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. – Владимир, 2014. – 247 с.

ISBN

Сборник содержит тексты докладов и сообщений участников международной научно-практической конференции «Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия», проведенной кафедрой новой и новейшей истории ВлГУ имени А.Г. и Н.Г. Столетовых в ноябре 2013 г. Представленные материалы отражают современные подходы к изучению разнообразных тенденций цивилизационного развития Запада, Востока и России.

В сборник включены исследовательские проекты студентов кафедры новой и новейшей истории, специализирующихся по истории стран Запада и Востока. Материалы даются в авторской редакции.

Редакционная коллегия:

Лапшина И.К., д.и.н., проф., - отв. редактор

Захарова О.В., к.и.н., доцент – зам. отв. редактора

© ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, 2014

© Редакционная коллегия, коллектив авторов, 2014

Содержание

Раздел I. Материалы международной научно-практической конференции

«Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия».

- Аболмасов В.В.* Формирование «Национального правительства» 11
Великобритании и его деятельность.
- Аронина Н.В.* Египет и египтяне глазами художника И.Я. Билибина 14
(20-е годы XX века).
- Добровольский Е.С.* Христианство и «христианский социализм» в 18
послевоенной Германии.
- Дэвис Дон Е.* Падение Горбачева и развал Советского Союза глазами 22
американского историка.
- Жолудов М.В.* Россия и опыт британского парламентаризма XIX 27
века.
- Ищенко А.А.* К вопросу о взаимовосприятии странами друг друга: 30
российско-американский опыт.
- Каркозашвили Н.Ш.* Значение сочинений британских 35
путешественников об американской демократии первой половины
XIX века для модернизации общественно-политических систем
современных государств.
- Клюквин М.А.* К вопросу о распространении социалистических 40
идей в Корее после окончания второй мировой войны.
- Костылева Е.Н.* Роль Крестьянского банка в мобилизации 44
земельной собственности в Российской империи в 1882-1906 гг. (по
материалам Рязанской губернии).
- Кошелева Е.А.* Социально-экономические проблемы в 48
произведениях Луи-Наполеона Бонапарта.
- Лабутина Т.Л.* Вестернизация политической элиты и ксенофобия в 51
российском обществе в XVIII веке.

- Лапшин А.Г.** Ересь Вальдесия из Лиона: возрождение апостольской миссии в Европе XII века? 56
- Лапина И.К.** Россия и США: формирование нового научного видения Другого после окончания холодной войны. 64
- Макеев Д.А.** Российская общественная мысль о межцивилизационных отношениях на евразийском пространстве. 69
- Минаев А.И. В.Ф.** Дерюжинский об общественном мнении Англии и его влиянии на законодательство XIX века. 80
- Мостяев Ю.Н.** Этнополитические конфликты: причины и пути решения. 85
- Новиков С.С.** Демографическая ситуация в бывшей Югославии накануне и в ходе кризиса (конец XX – начало XXI вв.). 90
- Осяев А.Г.** Влияние внешней и внутренней политики на формирование политического режима государства на примере королевства Швеции с 1700 по 1719 гг. 97
- Петелин Б.В.** Возвращаясь к Хантингтону: цивилизационный хаос XXI века. 102
- Писчикова Н.П.** К вопросу о финансовом положении России в начале XX века. 105
- Пылёнова С.С.** Современные подходы в преподавании новой и новейшей истории в школе. 109
- Райкова В.А.** Джордж Ф. Кеннан и реализация «доктрины сдерживания» в 1950-1980-е гг. 117
- Савосина Ю.В.** Цели социального протеста в восприятии английских и советских рабочих (на примере забастовочных движений в Великобритании в середине 1920-х годов). 123
- Смирнов А.А.** Демократическая оппозиция в Конгрессе и разработка внешнеполитического курса по отношению к СССР в период администрации Рональда Рейгана (1987-1988 гг.). 126

- Соколов А.С.** Международная финансовая конференция в Брюсселе (1920 г.) 131
- Соколов В.И.** Феномен квебекского национализма и политика многокультурности в Канаде. 134
- Толмачев Ю.О.** Китайско-индийские отношения в конце 40-х – начале 50-х годов XX века. 137
- Усманов С.М.** Россия и «Восток Ксеркса»: размышления Владимира Соловьева. 145
- Щербаков В.Ю.** Партия «зелёных» ФРГ и проблема иностранной преступности. 162
- Эрлихсон И.М.** Дальний Восток в представлениях европейца Нового времени («Географическое и историческое описание Формозы», 1704). 167

Раздел II. Студенческая наука.

- Агафонов А.Р.** Ронины в японском обществе первой половины XVII века. (Научный руководитель – к.и.н., доцент Н.В. Аронина). 173
- Бельчикова Н.О.** Программа «Войны с бедностью» администрации Дж.Ф. Кеннеди (1961 — 1963 гг.). (Научный руководитель – д.и.н., профессор И.К. Лапшина). 177
- Ванягина И.Ю.** Египет в 80-90-е годы XVIII века: государственный строй и социально-экономическое положение. (Научный руководитель – к.и.н., доцент Н.В. Аронина). 182
- Гуськова А.Г.** Политическая риторика Ф.Д. Рузвельта. (Научный руководитель – д.и.н., профессор И.К. Лапшина). 186
- Дунаева Е.С.** Мирное урегулирование североирландского конфликта в 70-е – начале 90-х годов XX века. (Научный руководитель – д.и.н., профессор И.К. Лапшина). 190
- Егорова М.С.** Особенности французского абсолютизма XVIII века. (Научный руководитель – к.и.н., доцент О.В. Захарова). 194

- Еропова Е.В.** Германское гражданское уложение 1900 года о 199
положении женщины в семье. (Научный руководитель – д.и.н.,
профессор И.К. Лапшина).
- Живулько Е.О.** Быт и нравы эфиопов глазами поэта Н.С. Гумилева 205
(начало XX века). (Научный руководитель – к.и.н., доцент Н.В.
Аронина).
- Красавина И.Н.** Социальное видение Вальтера Ратенау. (Научный 209
руководитель – д.и.н., профессор И.К. Лапшина).
- Макарова Н.П.** Русская колония в Тунисе в 20–е годы XX века. 213
(Научный руководитель – к.и.н., доцент Н.В. Аронина).
- Нам А.М.** Будни и праздничные дни плантации Юга США в 218
середине XIX в. (Научный руководитель – д.и.н., профессор
И.К. Лапшина).
- Нарейко А.А.** Естественные и гражданские права человека через 224
призму взглядов Томаса Пейна. (Научный руководитель – к.и.н.,
доцент О.В. Захарова).
- Потопнина Н.А.** Лорета Джанета Веласкес – уникальный солдат 229
Гражданской войны в США. (Научный руководитель – д.и.н.,
профессор И.К. Лапшина).
- Шаповалова А.Э.** Внутренняя политика Пу в Китае: попытка 234
реорганизации департамента двора (20-е годы XX века). (Научный
руководитель – к.и.н., доцент Н.В. Аронина).
- Сведения об авторах.** 239

К читателю

Предлагаемое издание включает материалы международной научно-практической конференции «Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия», которая была проведена кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета Педагогического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых 15 ноября 2013 г. Участникам было предложено обменяться мнениями по вопросам, вызывающим не только научные, но и серьезные общественно-политические дискуссии: демографические тенденции и межэтнические конфликты в современном мире; эволюция международной политики и взаимовосприятия Запада, Востока и России; модернизация политических структур в странах Запада и Востока и современные российские реалии; исторический опыт и новые тенденции в государственной социальной и экономической политике; вестернизация политической элиты и ее роль в развитии российского государства; религия и церковь в меняющемся социополитическом пространстве Запада, Востока и России; «Россия в контексте мировых цивилизаций» как предмет изучения в современной школе.

В работе конференции приняли участие историки, представители экономической и педагогической науки, Владимирской митрополии РПЦ, Римско-католической церкви, преподаватели системы образования, аспиранты и студенты. Видением проблем межцивилизационных отношений, путей преодоления межнациональных конфликтов, исторического опыта решений социальных и политических вопросов поделились ведущие специалисты и молодые ученые из Института всеобщей истории РАН, Института США и Канады (ИСКРАН), Университета штата Иллинойс (г. Нормал, США), НИУ «Высшая школа экономики», Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, Южного Федерального университета, высших

учебных заведений гг. Москвы, Иванова, Рязани, Череповца, Ярославля, Владимира.

Поставленные вопросы вызвали живой интерес аудитории, значительную часть которой составили студенты исторического факультета (более 150 учащихся). Прослушанные доклады и сообщения дали богатый материал для дальнейших размышлений об основополагающих тенденциях развития современного мира и историческом фундаменте происходящих процессов.

Традиционно в сборник включены материалы, отражающие направления научно-исследовательской работы студентов кафедры новой и новейшей истории ПИ ВлГУ, специализирующихся по истории стран Запада и Востока.

Надеемся, что представленные материалы будут интересны профессиональным историкам, студентам, аспирантам, учителям истории, всем, кто интересуется проблемами современной исторической науки.

*И.К. Лапина,
зав. кафедрой новой и новейшей истории ВлГУ,
д.и.н., профессор*

ФОРМИРОВАНИЕ «НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА» ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Аболмасов В.В.

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,

г. Рязань, vadima@mail.ryazan.ru

Затянувшийся финансовый кризис на рубеже 1920-30-х гг. в значительной мере повлиял на настроения в Британском парламенте – большинство депутатов восприняли всерьез предупреждение финансовых кругов о надвигающейся катастрофе и предложили сконцентрировать все усилия на принятии мер по спасению экономики и подготовке сбалансированного бюджета. Они настаивали на введение лимита на увеличение налогов и принятие более решительных мер по борьбе с безработицей. При этом первостепенной задачей представлялось сократить отток золотовалютных запасов из Британии, что негативным образом сказывалось на покупательной способности фунта стерлингов. Однако все эти меры могли быть неоднозначно восприняты в обществе, поэтому консервативное большинство в правительстве постаралось максимально разделить ответственность за проводимую политику с представителями других партий.

«Правительство Национального Единства» представляло собой разумный компромисс между основными политическими силами в стране, но для большинства консерваторов союз с лейбористами выглядел более предпочтительным чем коалиция с либералами, лидером которых был сэр Герберт Сэмюэль. Значительную роль при формировании правительства сыграл Невил Чемберлен, который сплотил консервативных политиков и призвал их к совместной работе на благо общества. В свою очередь существенное значение имела деятельность короля по организации коалиционного правительства. Король предложил сформировать коалиционное правительство лидеру лейбористов Рамсею Макдональду, однако на партийной конференции руководство лейбористской партии

запретило ему вступать в коалицию с консерваторами и либералами и исключило его из партии. В лейбористской партии назрел раскол, Макдональд, освободившись от партийных обязательств, уже как частное лицо начинает работу по формированию правительства. По инициативе короля в состав коалиционного правительства был включен один из наиболее влиятельных британских политиков этого времени, лидер консерваторов - Стэнли Болдуин.

24 августа 1931 г. на встрече в Букингемском дворце с лидерами парламентских фракций Георг V высказался за создание коалиционного правительства и предложил войти в его состав наиболее влиятельным политикам из числа трех крупнейших партий Великобритании. Таким образом, консерваторы получили карт-бланш на принятие чрезвычайных мер для спасения экономики, поставив государственные интересы выше партийных. И одним из первых мероприятий, предпринятых национальным правительством, было повышение налогов, что должно было повысить доходы государственного бюджета.

На партийной конференции, состоявшейся 28 августа 1931 г. в Кингсвей Холле лидер консерваторов Болдуин выступил с речью перед однопартийцами и заявил, что введение новых налогов является вынужденной мерой, и промедление в условиях разрастающегося кризиса вряд ли допустимо. Все шаги правительства были обусловлены ситуацией в экономике и диктовались состоянием промышленности и финансов. При этом Болдуин, как и большинство других консервативных членов национального единства стремился показать, что их участие в его работе является вынужденной мерой и вызвано интересами общества.

В течение последующих двух месяцев состав Национального правительства стабилизировался, и большинство его членов, под давлением обстоятельств, принимали самое активное участие в решении финансовых проблем государства.

В 1931-1932 гг. парламент принял ряд важных законов, в частности закон об обложении таможенными пошлинами в размере не менее 10% от стоимости всех видов ввозимых товаров. Англия впервые в своей истории изменила принципам свободной торговли и перешла к протекционизму.

Золотой стандарт фунта стерлингов и свободная торговля всегда являлись фундаментальными основами Британской империи. Теперь они были ликвидированы, и новая экономика резко отличалась от прежней. Политика протекционизма сказалась, прежде всего, на развитии новых отраслей промышленности: автомобильной, авиационной, электротехнической и химической.

Введение протекционизма создало для них благоприятные условия внутри страны и на внешних рынках Британской империи. С другой стороны, высокие протекционистские барьеры привели к переориентации капиталовложений на внутренний рынок.

Вследствие отказа от золотого стандарта вывоз капитала из Англии стал невыгодным, а отказ от политики фритреда и переход к протекционизму привели к благоприятной ситуации на внутреннем рынке, так как быстро развивались новые отрасли промышленности.

Основной поток инвестиций теперь устремился в жилищное и автомобильное строительство, а с середины 30-х годов - в военное производство, авиационную и автомобилестроительную промышленность. В 1936 г. английские капиталовложения за рубежом составили 61 млн., а внутри - 217 млн. фунтов стерлингов.

Переориентации частных инвестиций на внутренний рынок способствовала и финансовая политика правительства. Была установлена низкая кредитная банковская ставка для частных предпринимателей - 2%, ранее она составляла 10-12%. Это привело к небывалому росту жилищного строительства.

Таким образом, необходимо отметить, что экономическая политика правительства «Национального Единства» может быть признана вполне

эффективной и в целом способствовала стабилизации экономического положения в стране. С преодолением кризисных явлений в середине 1930-х гг. необходимость в нем отпала и ему на смену вновь приходит однопартийное правительство сформированное консерваторами.

ЕГИПЕТ И ЕГИПТЯНЕ ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКА И.Я. БИЛИБИНА (20-Е ГОДЫ XX ВЕКА)

Аронина Н.В.

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,

г. Владимир, natalya.aronina@mail.ru

К 1917 г. в Египте проживало около четырёх тысяч русских [3: 167-168]. Целый поток беженцев хлынул в Египет из Новороссийска весной 1920 г. Главным образом, это были раненые и больные военнослужащие вооружённых сил Юга России [1: 180]. Одним из центров притяжения иммигрантов в Каире стал Русский клуб, открытый ещё в 1910-х годах и просуществовавший до 1980 г. В клубе располагалась бесплатная библиотека, давались концерты, ставились спектакли, читались лекции [1: 184]. Русские врачи организовали в пригороде Каира Гелиополисе «Поликлинику русских врачей-специалистов». При этом медицинском учреждении был устроен домовый храм в честь святителя Николая [4: 390]. Иконостас этого храма был выполнен по эскизу художника Ивана Яковлевича Билибина, который, не приняв Октябрьский переворот, приехал в Египет в 1920 г. Необходимо заметить, что он не рассчитывал в скором времени вернуться в Россию, а хотел как художник «обогатиться всем, что ему могли дать Египет и Палестина, а затем двинуться в Европу» [2: 269].

Пребывание художника в африканской стране совпало с кардинальными переменами в её жизни. Принятием Февральской декларации 1922 г. Великобритания признала Египет независимым государством (с 1914 г. Египет находился под протекторатом Великобритании). Как отмечает Д.А. Макеев, «с получением

независимости, хотя и ограниченной, для Египта было покончено с классическим колониальным положением и открылись перспективы для вступления в отношения с зарубежными странами» [5: 17]. Тем не менее, даже с принятием конституции 1923 г., созданием парламента, проведением выборов, появлением политических партий позиции англичан в политике и экономике Египта не были поколеблены [5: 17].

Несколько лет назад доктором исторических наук В.В. Беляковым были опубликованы документы и материалы о пятилетнем пребывании И.Я. Билибина в Египте, которые являются ценнейшим источником для изучения жизни и творчества художника в Африке, а также, как отмечает составитель, они «чрезвычайно важны как источник по истории и культуре Египта того времени и образовавшейся в этой стране в начале 1920-х гг. российской диаспоре» [2: 8].

Оказавшись в Египте, Билибин, в первую очередь, познакомился с европейским Каиром – большим миллионным городом, европейская часть которого была очень чистой и нарядной. Для развлечения был кинотеатр, который художник любил посещать. Удивлялся Билибин тому, что в таком большом городе не было драматического театра. На творчество же художника, как вспоминала ученица и помощница Билибина Л.Е. Чирикова, вдохновлял Египет мусульманский [2: 265].

Сам Билибин в одном из писем друзьям из Каира отмечал: «Египтов... два: древний, классический, и мусульманский. Прежде всего, первым номером, меня зачаровал второй, так как он понятнее и ближе. Кроме того, мусульманская старина, если хотите, жива и сейчас, а жизнь осталась почти та же. Мусульманские кварталы в Каире очень специфичны, архитектура великолепная, старины очень много, и тут же кругом базары, лавчонки, торговцы, нищие, бедуины, негры, верблюды, разукрашенные ослики, ковры, сладости, фрукты – словом, садись и рисуй восточную сказку. Другой Египет – древний, величественный, непонятный и страшный – молчит, и насколько оглушительно крикливы, до боли в ушах, все эти

разноцветные люди, от белых до негров, в фесках и тюрбанах, настолько же тихи и бессловесны остатки того далёкого мира. Моя работа не пристала ни к тому, ни к другому Египту, и специальностью моей сделалась Византия» [2: 28-29].

Художник И.Я. Билибин известен, прежде всего, по непревзойдённым иллюстрациям к народным сказкам. Его любимая работа – книжная графика – в африканской стране оказалась невостребованной. В первое время жизни в Египте Билибин занимался в основном оформлением различных декоративных панно в византийском духе для богатой греческой колонии Каира. Позднее он сосредоточил своё внимание на изучении древнеегипетского искусства. За время жизни в городе Александрия Билибин проявляет особенно большой интерес к коптскому и византийскому искусству. Так, им были созданы эскизы росписей для сирийского православного храма в Александрии. Художнику удавалось выкраивать время и для небольших работ – портретов, пейзажей. Колорит Востока Билибин находил в сочетании богатства и роскоши мечетей с уличной пестротой и живописной нищетой. А когда в Египет на гастроли приехала балерина Анна Павлова, Билибин вместе со своей женой художницей А.В. Щекотихиной-Потоцкой принимали участие в разработке костюмов и декораций для её балетной труппы [2:243].

При прочтении писем Билибина из Египта складывается ощущение, что африканская страна произвела на него гораздо более приятное впечатление, нежели люди, её населяющие. Приведём типичные высказывания художника: «проклятые тарбуши», «идиоты», «крикливые», «негостеприимная публика», «бездарные». В одном из писем художник в красках отмечает: «Египтяне, т.е. попросту арабы, носящие пиджаки, говорящие по-французски и корчащие из себя парижан, ещё очень далеки от эстетических потребностей. То, до чего они дошли, это – любовь к автомобилям и сидение (совсем *comme en Europe*) за столиками в ресторанах. Очень любезны и столь же жадны на деньги. Платить очень не

любят. Охотно делают вам чуть ли не миллионные обещания, из коих решительно ни одного никогда не исполняют» [2: 29-30]. В Египет художник был влюблён, египтяне же, по большей части, вызывали раздражение и неприятие.

В одном из писем друзьям из Каира Билибин называет себя «единственным настоящим художником на весь Египет» [2: 30]. И далее продолжает: «Всё остальное – ниже даже уровня общества петербургских художников» [2: 30]. Работать в африканской стране русскому художнику было трудно, «ибо в художниках здесь не нуждаются» [2: 30]. Действительно, завоевание Египта Османской империей, а затем вторжение англичан приостановило на несколько столетий развитие самобытной египетской культуры и египетской живописи. Нельзя забывать и о другом объективном обстоятельстве: к полному забвению художественных традиций Древнего Египта привёл существующий в исламе запрет на изображения людей и животных. Как отмечает В.В. Беляков, первая в современном Египте школа изящных искусств открылась в Каире лишь в 1908 г., занятия в ней вели французские и итальянские преподаватели. Художественного общества в стране пока не было [2: 289].

Отметим в качестве заключения, что в декабре 1924 – январе 1925 гг. в Александрии состоялась выставка Билибина и его супруги. Почти все работы с этой выставки были закуплены и попали в США и Грецию. Выставка была высоко оценена местными критиками.

Примечания.

1. Беляков В.В. Русские женщины в Египте: прошлое и настоящее // Африка. Гендерное измерение. М., 2010.
2. И.Я. Билибин в Египте (1920-1925): Письма, документы и материалы. М., 2009.
3. Гриценко Т.Г. Русская эмиграция 1920-30-х гг. как этап межкультурного диалога (на примере колоний белоэмигрантов в Египте и Тунисе) // Запад – Восток: традиции, взаимодействия,

- новации. Материалы III Международной научной конференции. Владимир, 2000.
4. Игумен Ростислав (В.Е. Колупаев). Храмы, приходы и общины, созданные русскими эмигрантами в Африке в XX в. (материалы для справочника) // Архитектурное наследие Русского зарубежья. Спб., 2008.
 5. Макеев Д.А. Россия – Африка: из истории дипломатических и торгово-экономических отношений (первая половина XX века). Владимир, 2011.

ХРИСТИАНСТВО И «ХРИСТИАНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ» В ПОСЛЕВОЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Добровольский Е.С.

*Бюджетное образовательное учреждение среднего профессионального образования
Вологодской области «Череповецкий технологический техникум», г. Череповец,
Jekeedee@mail.ru*

«Следует отбросить и отринуть любой социалистический принцип, согласно которому любая частная собственность должна перейти в руки государства и превратиться в общественное достояние» – так отзывался о социализме один из основателей христианской демократии римский папа Лев XIII. В 1901 г. он огласил энциклику “Graves de communi” («Тяжкие всех»), которую принято считать «...чем-то вроде конституции христианской демократии». Но противоречивый, и, по мнению английского историка Эрика Хобсбаума, «короткий» XX век изменил отношения христиан к социалистическому феномену, вызвав некий религиозно-политический симбиоз, называемый «христианским социализмом». Весьма заметным он оказался в послевоенной Германии.

Вторая мировая война принесла человечеству много горя и несчастья, оголив фундаментальные националистически-политические противоречия между народами, предав забвению религиозные и человеческие ценности.

Поэтому появление христианских, межконфессиональных, открытых для всех социальных слоев народных партий было закономерным шагом в развитие не только Германии, но и послевоенной Европы в целом. Произошли важные изменения во взглядах католиков и протестантов, сблизившие представителей различных вероисповеданий, создав предпосылки политического союза между ними. Свое воплощение в послевоенной Германии в качестве организационной и социальной доктрины это нашло в создании Христианско-демократического союза (ХДС).

Для программных документов ХДС 1945-1947 гг. характерно влияние «христианского социализма» – социал-реформистского направления в христианстве. Так, в «Кельнских тезисах» (июнь 1945 г.) предлагалось передать некоторые отрасли народного хозяйства (почта, железные дороги) под государственный контроль. Тем самым, «засилье» крупного капитала, частных монополий и концернов было бы сломлено. Мелкие предприятия получали поддержку, и их число возрастало. В соответствии со сложившейся политической ситуацией весьма актуальной звучала мысль о немецкой экономике, целью которой являлась бы защита потребностей народа на основе свободного самоуправления.

«Идея социальной рыночной экономики, – писал один из ведущих западногерманских католических социологов Гетц Брифс, – представляет собой ...возможное решение, приемлемое для католического мышления. Государство должно быть стражем общего блага – в этом согласны католические социальные этики и нынешние социал-либералы». В свою очередь католическое социальное учение вовсе не выступает против конкуренции, а лишь стремится ограничить ее «разумными пределами».

Во «Франкфуртских тезисах» христианских демократов Гессена (сентябрь 1945 г.) подчеркивалось: «Мы выступаем за экономический социализм на демократической основе... мы стремимся к переводу

определенных крупных производств сырья, крупной промышленности и банков в общественную собственность...».

Своего рода вершиной христианского социализма ХДС стала «Аленская программа» ХДС, принятая в марте 1947 г. Христианско-демократический союз британской зоны был ведущей организацией в дискуссии по экономическим и социально-политическим вопросам. Этот документ отражал широко обсуждавшиеся в то время христианские социальные идеи, которые нашли отражение во многих земельных конституциях. Главным спорным пунктом оставался вопрос о социализации частной собственности. Уже при выработке программы возникли острые противоречия.

Лидер христианских демократов западных зон оккупации Конрад Аденауэр выступал против огосударствления ключевых отраслей индустрии, но за введение общественного хозяйства. Общественное хозяйство, по его мнению, означало тип смешанного хозяйства, основанного на партнерстве рабочих и предпринимателей. Все это нашло отражение в Аленской программе, декларировавшей декартелизацию концернов, существование которых по техническим и социально-экономическим причинам не являлось необходимым.

В программе указывалось, что капиталистическая система не оправдала себя и является несправедливой в отношении жизненных интересов немецкого народа. Поэтому в Германии необходимо построить такой «социальный и экономический порядок, который будет соответствовать праву и достоинству человека, служить духовному и материальному возрождению Германии и обеспечивать внутренний и внешний мир». Исходным пунктом всей экономической политики является признание личности, свобода которой в экономической и политической области тесно связаны. Для этого необходимо улучшение экономического положения и обеспечения свободы отдельного человека, предотвращение концентрации экономических сил в руках отдельных личностей, обществ,

частных и общественных организаций, которые могли бы причинить вред экономической и политической свободе.

Если в Западной Германии христианский социализм был воплощен преимущественно в экономике, то несколько другое применение он нашел в советской зоне оккупации. Главным политическим лозунгом восточногерманского ХДС также стала идея христианского социализма, обоснованная одним из создателей партии Якобом Кайзером. Христианский социализм рассматривался им как «третий путь между капитализмом и советским социализмом». ХДС при этом, как народная христианская партия становился его носителем в противовес КППГ и социал-демократам, которые следовали марксистской доктрине.

Эти программные положения союза нашли свое отражение в документе «Социализм из христианской ответственности». В нем подчеркивалось, что партия отвергает социализм в марксистском понимании и отрицает «революционный путь классовой борьбы и диктатуры как средство достижения социализма». Тем самым ХДС отмежевался от научного социализма. Под «социализмом» христианские демократы понимают «борьбу, которую ведет рабочий класс за признание человеческого достоинства и полного равноправия». Кроме того, в этом документе Кайзер указывал и цель своего социализма: «...развертывание насколько возможно независимого существования во всех областях социального строительства, а также внутри самого рабочего класса».

Далеко не во всем взгляды Аденауэра и Кайзера совпадали. В то время как Аденауэр поддерживал обособление западных зон и встраивание Западной Германии в «свободный Запад», Кайзер боролся за германское единство и считал это первостепенной задачей для ХДС. По сути, этот факт и вызвал конфронтацию между двумя христианскими демократами, и как следствие между партией капиталистического Запада и социалистического Востока Германии.

Все же союз объединил своих сторонников не столько консервативными или реформаторскими программами, сколько артикуляцией христианских принципов, мыслью о политическом и конфессиональном союзе и решительным дистанцированием от национализма и социализма Третьего рейха. Однако в условиях разнообразной социальной среды духовно-религиозные, политические и социально-экономические различия и противоречия интересов внутри ХДС вынуждали его к отказу от строгого следования христианским принципам. Со временем это не могло не привести к тому, что прагматизм стал характерной чертой политической практики ХДС, а христианские социальные идеи стали отходить на второй план. При этом церковь все меньше становилась политическим наставником и попутчиком партии христианских демократов.

THE FALL OF GORBACHEV AND THE COLLAPSE OF THE SOVIET UNION VIEWED BY THE AMERICAN HISTORIAN

Donald E. Davis

Professor Emeritus, Illinois State University, Normal, USA

ПАДЕНИЕ ГОРБАЧЕВА И РАЗВАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНСКОГО ИСТОРИКА.

Дэвис Дон Е.

Почетный профессор Университета штата Иллинойс, г. Нормал, США,

ddonald46@gmail.com

I should like to explore two items: First, the “Gorbachev Enigma”. Second, the revolt of the apparatchiki. Let’s look at the “Gorbachev Enigma”. Part of the solution to this special enigma, I think, is that it so totally contradicted Soviet reality. Gorbachev’s enigma first surfaced when the “Gorbies” – Mikhail and Raisa – were visiting Margaret Thatcher in December 1984. He was still the rising star of Victor Chernenko’s Politburo. The PM, in her subsequent TV interview of December 17, when asked whether she was more or less optimistic about détente

and world peace, replied: “I am cautiously optimistic. I like Mr. Gorbachev,” she said. “We can do business together.”

On the following March 11, 1985, Chernenko died. Three hours after his death, the Politburo elected Gorbachev as its General Secretary (Gensek). Then Gorbachev’s enigma skyrocketed. Was he Thatcher’s likable liberal, people asked, or was he Andrei Gromyko’s man of “steel,” that is, the man of “steel teeth”? The London “Times”, taking its queue from Thatcher, touted Raisa Gorbacheva as just another one of the Mayfair crowd, taking her tea at Connaught’s, dining at the Savoy, and sipping cocktails at the embassies. After all, wrote the “Times”, hadn’t Russian VIP’s often-raided Harrods like a Mongol horde? The likable Misha, with his glamorous Raisa—overnight Westernized and lionized by the media—gained verisimilitude.

The pieces of Gorbachev’s reforms began falling into place. Gorbachev’s doublespeak entered Soviet discourse: perestroika, glasnost, demokratizatsiya, uskoreniye, gospriyomka, novoe myshlennie, and so forth. The April 1985 Plenum of the Central Committee of the Communist Party approved Gorbachev’s “new thinking”: rapid technological modernization; increased industrial and agricultural output; bureaucratic reform; quality control. Eduard Shevardnadze replaced old Gromyko, followed by an anti-alcohol campaign; Andrei Sakharov returned to Moscow; multi-candidate elections occurred; more non-party persons entered government; enterprises became semi-independent; de-Stalinization quickened; foreign investment came courting. Nevertheless, Gorbachev emphasized to his Eastern European lackeys, “Many of you see the solution to your problems in resorting to market mechanisms in place of direct planning [as] a lifesaver [but] comrades, you should not think about lifesavers but about the ship, and the ship is socialism.”

Gorbachev topped his reforms by introducing a presidential system with a popularly elected Congress of People’s Deputies; the Congress voted for a Supreme Soviet; its Supreme Soviet chose him as its Chairman on May 25, 1989; on March 14, 1990 the Congress, by a two-thirds vote, made him president.

As fast as the pieces of Gorbachev's "Great Reforms" were gathered, they began flying apart. Here, parenthetically, I am painfully reminded of the fate of Tsar Alexander II's "Great Reforms" of the 1860-s and 1870-s. They ended in his assassination and later the collapse of Imperial Russia.

Gorbachev's "Great Reforms" started unraveling abroad, precisely where his enigma had begun, beginning that first April of his reign and continuing to the end of the communist autocracy. Gorbachev initiated moves to extricate the USSR from its foreign adventures. After all, he needed rubles for internal investment: he suspended SS-20 deployment; he met President Ronald Reagan in Geneva and Reykjavik; he proposed destroying all nukes; he ended the USSR's Afghan intervention; he abandoned the Brezhnev Doctrine; he lectured the EU on a "common European home"; he oversaw the tearing down of the Berlin Wall. Stalin's empire vanished—with, or without, Gorbachev's blessings: it cost too much. His enigma, the one Thatcher had initiated, then mounted to unimaginable heights: he was awarded the Nobel Peace Prize on October 15, 1990.

Second, let's check into the August 1991 revolt or the apparatchikii that attacked the Gorbachev enigma and the USSR. The hardline apparatchikii, strong in the Communist Party and military, opposed any alteration of the Soviet Union and nursed the deepest hatred of Gorbachev's "Great Reforms". On the eve of the new Union Treaty's scheduled signing for August 20, the apparatchikii struck. The Union Treaty would have created a much-weakened Soviet federation. Hardliners in the Soviet leadership, calling themselves the "State Committee on the State of Emergency", launched the "August Days," their 1991 putsch. The immediate goal was to remove Gorbachev to prevent his signing the new Union Treaty. Gorbachev spent three days under house arrest in the Crimea before being "restored." But he now found that neither the attempted new union nor former state-party structures supported him. Most had swung over to Boris Yeltsin, President of the Russian Federation.

Yeltsin's defiance, on Tuesday, August 20, led to the coup's collapse. Then, standing alone on a tank in front of the Russian White House, Yeltsin declared,

“Your commanders have ordered you to storm the White House and to arrest me. But I, the elected President of Russia, give you the order to turn your tanks [around] and not to fight against your own people”.

Gorbachev desperately fired large numbers of his bureaucracy and arrested many of them. Those arrested for high treason included the “Gang of Eight”, who had led the coup: Kryuchkov, Yazov, Pavlov; Yanayev, Starodubtsev, Tizyakov, Baklanov, and Pugo, who shot himself; Marshal Akhromeyev, who had offered them his help, hanged himself. Supposedly, they were Gorbachev’s allies. After all, he was the one who had promoted them.

Following the coup attempt, Yeltsin ordered the CPSU to suspend its activities in the RSFSR and closed the Central Committee’s building at 4, Staraya Square. Peter the Great’s tricolor naval ensign of white-blue-red now flew beside Lenin’s hammer and sickle on the Kremlin walls. Communist rule formally ended on August 24, when Gorbachev resigned as Gensek and ordered the Central Committee dissolved. The Supreme Soviet of the Congress of Deputies suspended all of its activities.

After the “August Days,” the Soviet Union disintegrated without a whimper as the remaining republics declared their independence. This deterioration culminated when Ukraine SSR voted its independence on December 1, ending chances for Gorbachev’s new union. The Presidents of Russia, Ukraine, and Belarus met in Belovezh, Belarus on December 8, establishing the Commonwealth of Independent States (CIS). Gorbachev resigned as president on December 25 and the Soviet Union formally dissolved the next day. On December 27, Yeltsin unceremoniously moved into Gorbachev's old Kremlin office. George F. Kennan once predicted that this seemingly invincible empire was nothing but a supernova—a huge, hollow, red shell that would implode overnight.

Gorbachev, an enigma — puzzling and contradictory though he was not much of a liberal, as Thatcher and the rest of the West portrayed him. He used force to suppress independence movements in the Baltics and elsewhere. He sought to preserve some version of the Soviet regime, however weakened, but not

end it. He was, of course, less ruthless or repressive than Lenin or Stalin, Khrushchev or Brezhnev. But Gorbachev's liberalization of the "evil empire", spun out of control and led to an outcome he did not intend.

Among those still favoring some version of the Soviet Union, not surprisingly, there is Gorbachev. As he had repeatedly told me and everyone else, "Some say over and over that the Soviet Union's collapse was inevitable," he said, "but I keep saying that the Soviet Union could have been preserved." Then, he added, looking me straight in the eye, "You criticize me: weak as Jell-O, more or less, in those terms. But what if that Jell-O wasn't in that position at that time, who the hell knows what might have happened to us".

He can take little satisfaction that, according to a polling agency, "those who wish to return to the Soviet past are mostly members of the vestiges of the Communist Party, and elderly people, and people who live in small towns and villages". The poll was conducted in July 2011, with 1,600 adults. It had a margin of sampling error of plus or minus three percentage points. Only 10% of respondents viewed the "August Days" or December 25 as a victory for democracy. Nevertheless, it can be said that the number of people who called these events tragic has grown to 39%, up from 25%, at the tenth anniversary. But, then, Gorby's successors took their training under the hammer and the sickle and the big red star.

So let me end by seeing Russia's future "as in a mirror darkly". I am, I suppose, like someone viewing Gogol's troika speeding through the night. Russia has been my near-constant companion for 40 professional years and then some. When the USSR suddenly came tumbling down, all the red tsar's horses and all the red tsar's men couldn't put humpty-dumpty together again. Americans then lost interest in Russia. The Cold War had worn us out. Russia all but disappeared from public discourse.

And now? Now Russia, when it does surface, appears usually in negatives — witness the tiresome "nyets" from the Putin-Medvedev team about Syria or the continuing crackdown against dissidents. But Russia, like Gogol's troika, has

sped by me and disappeared over the horizon. Churchill had it right. Russia was and is a “riddle, wrapped in a mystery, inside an enigma”. However, the major problem with the Gorbachev enigma remains: he was almost all enigma, a little bit of riddle, but no mystery, especially when it came to his most basic concern—saving some version of the USSR. Let’s thank the gods that that effort was a colossal failure.

РОССИЯ И ОПЫТ БРИТАНСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА XIX ВЕКА

Жолудов М.В.

*Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
г. Рязань, mikhailzhol@yandex.ru*

В XIX в. в Великобритании динамично шел процесс становления гражданского общества и правового государства. Важным его компонентом было формирование парламентского режима правления, нового образа жизни на политико-правовом уровне, которое проходило в острой борьбе против старых институтов власти и старых порядков в социально-политической сфере. Упрочение парламентаризма в Великобритании явилось следствием успешного проведения в этой стране парламентских реформ 1832, 1867 и 1884-1885 гг., а также совершенствованием британской двухпартийной системы.

Поэтому неудивительно, что значительную роль в становлении российской парламентарной системы в дореволюционный период сыграл конституционный опыт Великобритании, пристальный интерес к которому проявляли российские интеллектуалы в поисках конституционно-демократического пути развития страны. Эти поиски осложнялись тем, что на протяжении веков Россия и Великобритания представляли два противоположных полюса общественно-политического устройства: Англия считалась образцом демократических порядков, Россия – страной, где господствовали автократические, самодержавные методы государственного

управления. Однако на протяжении всего XIX века в России остро стояла проблема политической модернизации. И значительной частью либерально мыслящего общества в качестве основной альтернативы традиционной автократии выдвигался парламентарный строй британского образца.

Определенный интерес к британскому конституционному опыту в России проявился уже в начале XIX в., что было связано с реформационными ожиданиями начала правления Александра I. Достигнув своего «пика» в период деятельности декабристов, составлявших конституционные проекты переустройства России, этот интерес несколько падает. Однако, уже тогда некоторые представители русской демократической мысли идеализировали британские порядки, стараясь найти в них образец для подражания. Государственное устройство Великобритании – родины классического либерализма – стало в России с 1830-х гг. объектом пристального внимания западников, а затем их преемников – либералов.

Во второй половине XIX в. российские либералы обратились к идее постепенной трансформации неограниченного самодержавия в конституционную монархию по английскому образцу. В политическом строе Англии русская буржуазия увидела столь необходимую для сохранения и упрочения своего господства гарантию экономического и социального благополучия. Поэтому не удивительно, что за пример будущего государственного устройства России была взята модель английской конституционной монархии. Крупнейшие представители отечественной либеральной мысли середины – второй половины XIX столетия, Б.Н. Чичерин, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, М.Я. Острогорский, авторы журнала «Вестник Европы» размышляли о применимости английского опыта к российской действительности. Желание воплотить английский опыт в России породил немалое количество статей, публикаций в печатных органах и отдельных книг по этому вопросу, призванных воздействовать на широкое общественное мнение.

Российские либералы подробно останавливались на структуре и функциях, позитивных и негативных сторонах деятельности британского парламента. Среди достоинств британской представительной системы отмечались выборный характер ее формирования, значительный объем властных полномочий парламента и характер его отношений с короной. Либералы учитывали, что в силу исторических и геополитических причин «ни в одном конституционном государстве монархическая власть так не стеснена, как в Англии». Более того, в эпоху королевы Виктории, когда монархия стала общепризнанной нравственной силой, она являлась гарантом демократического характера английского государства.

К отрицательным сторонам деятельности парламента мыслители относили несовершенство повседневной работы, загруженность второстепенными биллями, выявленную при оценке результатов избирательных реформ 1832, 1867 и 1884-1885 гг. ограниченность избирательного права, а также характер верхней палаты, отношение к которой было неоднозначным и вполне соответствовало тем дискуссиям, которые велись британскими политическими деятелями со второй половины 1880-х гг. Весь спектр мнений укладывался в два основных подхода. Первый был связан со скорейшим упразднением палаты лордов, которая стала тормозом развития парламентаризма, и совпадал с видением ее судьбы лидером английских либералов У. Гладстоном. Ведь именно лорды срывали реализацию основного направления его политического курса – гомруля (предоставление частичного самоуправления Ирландии. – М.Ж.). Второй, не столь категоричный подход, разделяемый многими представителями русской либеральной мысли, представлял мнение, что, несмотря на архаичность верхней палаты, она соответствует некоторым чертам британского национального сознания. Поэтому ее надо не ликвидировать, а постепенно лишать наиболее значимых функций.

Уровень анализа государственно-политического развития Англии российскими либералами второй половины XIX в. был высоким для своего

времени. Важной составляющей их теоретических изысканий было рассмотрение возможностей использования британского политического опыта в условиях российской действительности. Несмотря на различие оценок по ряду вопросов, он был признан позитивным, хотя и не абсолютизировался. Понимая специфику национально-исторического развития двух стран, либералы России вели речь не о простом копировании, а о применимости отдельных элементов британской демократии – свободы, монархизма, местного самоуправления – в России на рубеже XIX-XX в. Выбор элементов заимствования в государственных устройствах европейских стран диктовался коренными российскими факторами.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОВОСПРИЯТИИ СТРАНАМИ ДРУГ ДРУГА: РОССИЙСКО – АМЕРИКАНСКИЙ ОПЫТ

ИЩЕНКО А.А.

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,

г. Владимир, anna-ischenko@mail.ru

Проблематика взаимовосприятия странами друг друга вызывает большой интерес у исследователей – гуманитариев. Представляя особую значимость в контексте развития современных международных отношений, изучение данного вопроса требует комплексного и всестороннего анализа.

Имагологический подход обосновывает необходимость изучения социокультурного контекста формирования образа Другого [3]. Исследование взаимных представлений России и Америки друг о друге, таким образом, предполагает изучение самовосприятия стран. Внутренний образ страны связан с формированием ее идентичности, которая предполагает определение приоритетных системы ценностей и культурного вектора развития страны; ее роли в системе международных отношений.

Разная система ценностей русской и американской культур, подробно проанализированная Э.Я. Баталовым [2], во многом является причиной существующего непонимания между двумя странами. Особенно большое

значение данному фактору придает руководство Америки, которое часто акцентирует внимание на отсутствие свободы слова в России, неразвитости демократических институтов власти, нарушении прав человека, что способствует негативному формированию представления о нашей стране в США.

Действительно, вступившая в XXI век Россия столкнулась с проблемами не только экономического и политического характера, но, прежде всего, с проблемой поиска своей идентичности. Как следует из анализа материалов Конгресса представителей США, к 2000-м гг. главными чувством в отношении России была неопределенность [7]. Ясного представления об образе своей страны не было и в общественном сознании россиян.

За первый период президентства В.В. Путина ситуация в стране изменилась. Как показывают данные социологических опросов граждан России, страна встала на путь преобразований: 27 % респондентов сказали, что одним из достижений президента было повышение оптимизма. Улучшение уровня жизни граждан, рост зарплат и пенсий констатировали 37% опрошенных. Экономическое развитие страны отнесли к достижениям 21% [6: 61]. В Посланиях президента России страна позиционировалась «подобной/равной странам «Запада» [5: 95], прежде всего, США; прослеживалась идея о том, что «границы между Нами и Другими не абсолютны, а условны. Россия – и другая, и такая же (или становится такой же)» [5: 90].

Одной из сторон неопределенности восприятия является логическое стремление понять, дать рациональную оценку Другому, основанную на анализе объективных факторов. Но, несмотря на улучшение внутренней ситуации в России и восприятие США как партнера, качественной переоценки образа страны в Америке не произошло. Многие в США, не замечая позитивных изменений, по-прежнему продолжали считать, что

«углубление автократических тенденций» [4] во внутреннем развитии России мешает партнерству двух стран.

Внутренний образ США, как отмечают многие исследователи – прежде всего, реализация американской мечты. Ценности американского общества стали одновременно и правилом, и обоснованием политики США на международной арене, и главным фактором, определяющим отношение к Другим. Американский исследователь А. Ливен отмечает, что каждый раз, когда США нужно найти оправдание своих действий, они пользуются аргументом, который имеет глубокие исторические корни и объясняет военные действия Америки не желанием улучшить свое экономическое благополучие, а борьбой против зла [8]. Таким образом, внутренний образ США – это образ страны, которой «предназначено быть мировым лидером, образцом для других, на что не может претендовать ни одна другая страна в мире» [2]. Поэтому таким сложным является восприятие возвращающей статус Значимого Другого и претендующей на самостоятельную роль в международных отношениях России.

Политика, которую проводили США в 1990-х гг. «подорвала авторитет Америки в глазах россиян» [2] и способствовала негативному отношению к США в начале 2000-х гг., обостренному внутренними проблемами российской действительности. Нельзя отрицать и тот факт, что восприятие Америки в России обусловлено исторически сформировавшимися стереотипами, например о «мелочной расчетливости» западного человека и «особой душевности» русского [6: 141]; об индивидуализме американцев и ценности общности в России. Данные установки способствуют восприятию США как другой цивилизации со своими законами и укладом жизни. Но в большей степени они относятся к эмоциональному компоненту сознания и не становятся причиной или руководством к действию. Одними из самых распространенных ассоциаций с Америкой, согласно опросу граждан России в 2005 г. были: бесцеремонность (35%), сила (30%), самомнение (33%) [1]. Причиной их

появления стала, прежде всего, внешняя политика США, которая является катализатором негативных суждений о стране и оживления стереотипов в ее восприятии.

Формирование взаимовосприятия является не только результатом действия вышеперечисленных факторов, но и само выступает своеобразным механизмом, который, как правило, способствует появлению зеркальных представлений странами друг о друге, которые могут быть как ложными, так и правдивыми. Одной из особенностей взаимовосприятия России и Америки являются неоправданные ожидания стран, основанные на разном видении мира, а, следовательно, и подходах к разрешению международных конфликтов, целях внешней политике и средствах ее реализации. Россия признает многополярность как основу развития современного мира, в то время как США на практике демонстрируют чрезмерное увлечение играть роль единственной державы. Современное восприятие странами друг друга всегда предполагает конкуренцию, но не противостояния, как это было в годы холодной войны. Однако быстроменяющийся климат международных отношений показывает, что США с трудом удастся признать и увидеть в России конкурентоспособную державу, у которой есть все основания и силы проводить политику, отвечающую национальным интересам страны.

Примечания.

1. Барак Обама во главе США и перспективы российско-американских отношений. Пресс-выпуск № 1077. [Электронный ресурс] – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=10862> (дата обращения: 17.01.2014).
2. Баталов Э. Русская идея и американская мечта. [Электронный ресурс] – URL: <http://bookz.ru/authors/eduard-batalov.html> (дата обращения: 17.01.2014).
3. См. В.И. Журавлева Изучение имагологии российско-американских отношений по обе стороны Атлантики: итоги и перспективы // Американский ежегодник. 2008/2009. – М., 2010. – С.142–166.

4. Макфол М. Новый разговор с Россией // Россия в глобальной политике. 2004. № 5. Сентябрь – Октябрь. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/10> (дата обращения: 5.03.2013).
5. Малинова О.Ю. Образы России и «Запада» в дискурсе власти (2000-2007 гг.): попытки переопределения коллективной идентичности // Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация / Отв. ред. И. С. Семенов. – М.: ИМЭМО РАН, 2008. – С. 86–106.
6. См. Общественное мнение – 2008. – М., 2008. [Электронный ресурс] – URL: <http://socioline.ru/files/5/39/levada2008.pdf> (дата обращения: 3.03.2013).
7. См. Hearing before the Committee on Government Reform. House of Representatives. One hundred sixth Congress. Second Session. January 24, 2000. Serial No. 106–158. [Электронный ресурс] – URL: <http://purl.access.gpo.gov/GPO/LPS7993> (дата обращения: 12.06.2013).
8. См.: Lieven A. America Right or Wrong: An Anatomy of American Nationalism. – Oxford University Press, 2004. – 288 p.

**ЗНАЧЕНИЕ СОЧИНЕНИЙ БРИТАНСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ
ОБ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX
ВЕКА ДЛЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
СИСТЕМ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ**

Каркозашвили Н.Ш.

*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль,
nelikob6@list.ru*

К началу XIX века в общественном устройстве Великобритании сохранялось немало уже устаревших институтов – архаичная система правосудия, олигархическая форма власти, влиятельная государственная церковь. Поэтому взоры многих британцев, обеспокоенных социальными и политическими проблемами своей страны, стали обращаться к США –

государству, образованному на основе широких демократических принципов. Многие из них отправлялись за океан, чтобы поближе познакомиться с жизнью американской республики.

Наибольшее внимание путешественников привлекали свободные штаты Севера и Северо-востока страны, особенно заметно контрастировавшие с привычными для них реалиями. Вернувшись на родину, британцы охотно делились своими впечатлениями об Америке в специально изданных в форме дневников, писем, путевых заметок сочинениях. Эти публикации стали главным «каналом» связи между Великобританией и США, посредством которого осуществлялось культурно-информационное взаимодействие двух стран. Подобный диалог особенно важен в переломные эпохи исторического развития, каковой для обоих сообществ стала первая половина XIX века. В это время в Соединенных Штатах активно продолжался процесс государственного строительства, а в Великобритании назревали глубокие общественные преобразования.

Одной из ключевых основ американской демократии являлась законодательно закрепленная невиданная прежде гражданская активность населения. Широкие возможности американцев оказывать влияние на систему государственного управления всецело приветствовал живший в США в 1817-1819 гг. известный общественный деятель Уильям Коббет: «Если те, кого выбрали, не оправдают надежд, их не перевыберут во второй раз». Он выразил глубокое сожаление по поводу того, что англичане, в отличие от жителей Америки, не имели прямого контроля над должностными лицами.

Главным инструментом осуществления американцами права участвовать в политической жизни была система выборов. По словам поэта и журналиста Чарльза Маккея, посетившего североамериканскую республику в конце 1850-х гг., «в США не проходило и дня, чтобы не

потребовалось всеобщего голосования: то для избрания простого муниципального служащего, то судьи, то членов местной легислатуры».

Демократическая система голосования весьма актуализировала проблему борьбы со злоупотреблениями во время избирательных кампаний. Широко применявшимся приемом предвыборного противостояния проживавшая в США в середине 1830-х гг. писательница Гарриет Мартино назвала «трескучее фразёрство» – шумные декламации, обманчивые обещания. О подкупах, клеветничестве, шантаже и других противозаконных «средствах» политической борьбы писал ученый-геолог Чарльз Лайелл, путешествовавший по США в 1840-е гг.

Практически все путешественники уделили внимание роли партий в американском обществе. Хотя и была отмечена важная для обширного государства «связующая, сохраняющая единство Союза» роль разветвлённой партийной системы, в основном, путешественники акцентировали пагубные последствия её функционирования. Порочный «партийный дух», который «заполняет собой все поры общественного организма американской республики, проникая буквально во все сферы его деятельности», британцы считали главным злом политической системы США. Закономерным результатом активного участия партий в политике стало окончательное утверждение в эпоху «джексоновской демократии» так называемой «системы добычи», в соответствии с которой все государственные должности раздавались сторонникам победившей партии. По мнению Ч. Маккея, в США принцип неукоснительного соблюдения законов официальными лицами зачастую нарушался, поскольку для них гораздо важнее было сохранение приверженности партийному курсу: победившая на выборах партия принимала выгодные для себя решения, нередко закрывая глаза на нарушения законности своими креатурами. Партийную работу делало весьма доходной значительное пополнение партийных касс, происходившее благодаря тесным связям между политическими партиями и представителями бизнеса.

Гегемония партийных группировок в политической жизни вела, по словам путешествовавшего по США в 1840-е гг. ученого-геолога Чарльза Лайелла, к формированию подлинной «аристократии партий», которая не допускала к власти «по-настоящему достойных людей». По наблюдению Ч. Маккея, партийными функционерами, в основном, становились те, «у кого не было необходимых сил и умений для успешного предпринимательства, но было достаточно алчности, ...полагавшие, что за победой партии должно последовать их личное продвижение». Посетивший заокеанскую республику в 1837 г. писатель Фредерик Марриат называл её правительство «коррупцированным в высшей степени и на самом высоком уровне».

Путешественники пытались выявить причины небывалой коррупцированности органов власти в США. По мнению консервативно настроенных британцев, ключевое значение имело утвердившееся к началу 1830-х гг. в большинстве американских штатов «всеобщее избирательное право», благодаря чему «в политическую сферу вовлекались огромные массы невежественных и беспринципных людей». По словам прибывшего с визитом в США в начале 1830 -х гг. писателя Томаса Хэмилтона, поскольку доступ в активную политику имели люди, привыкшие быть нечестными – беззастенчиво лгать, «раболепствовать перед толпой», то ожидать от занимающих государственные должности лиц порядочности не приходилось

Одним из главных факторов коррупцированности государственных органов в Америке Г. Мартино считала сращивание власти и бизнеса. Широкомасштабная коррупция, укрепление позиций «плутократии» и усиление «партийного духа» в политической жизни не позволяли сложившемуся в США аппарату власти функционировать эффективно. По словам журналиста и писателя Александра Маккея, побывавшего в США в середине 1840-х гг., «свокорыстные интересы могут расстроить самую налаженную политическую машину».

Путешественники предлагали разные способы борьбы со злоупотреблениями в системе управления США. По мнению Г. Мартино, во всех образовательных заведениях следовало ввести преподавание политических наук, что способствовало бы формированию зрелого политического мышления у рядовых американцев. Одновременно необходимо было активизировать борьбу со злоупотреблениями во власти на законодательном уровне.

По оценке Т. Хэмилтона, лучшим средством для предотвращения злоупотреблений чиновников должна была стать открытость деятельности должностных лиц. Писатель привёл в пример британских министров, которые, «не реже одного раза в полугодие выступают с публичным объяснением своей политики, за которую несут ответственность».

Одной из главных причин неэффективности органов управления в США путешественники считали низкий образовательный и культурный уровень большинства участников политической жизни. По словам А. Маккея, «невежество оказывает пагубное влияние даже на самые лучшие институты». Неспособностью малообразованного народа сделать правильный выбор британцы объясняли непрофессионализм должностных лиц. Т. Хэмилтон, побывавший на заседании конгресса, привёл несколько примеров бесплодных, многодневных дебатов по элементарным вопросам, которые так ни к чему не привели и были перенесены на следующую сессию конгресса.

Пессимистично оценивавший будущее американского государства Ф. Марриат полагал, что «люди еще недостаточно просвещены для самоуправления», не веря в наступление эпохи, «когда человечество сможет самоуправляться». В публикациях критиков американской демократии неоднократно акцентировалась мысль о пагубности предоставления политических свобод «необразованной толпе». В подобного рода суждениях читается ответ на вопрос о способах совершенствования демократической формы власти. Важнейшим из них может стать

целенаправленная политика правительства по приобщению граждан к всевозможным культурным достижениям, гуманистическим ценностям, для совершенствования их нравственного облика, формирования умения мыслить широко и критично. Лишь всеобщая просвещенность, высокий уровень духовного развития населения позволят демократии осуществить свое предназначение и стать залогом подлинного общественного прогресса.

В сочинениях английских путешественников первой половины XIX в. была представлена принципиально новая для того времени демократическая модель общественного устройства, охарактеризованная представителями более традиционного, по сравнению с американским, британского общества преимущественно с критических позиций.

Однако уже со второй четверти XIX в. в Великобритании началась «эра великих реформ». Ускорившаяся с начала 1830-х гг. модернизация государственного устройства происходила в обстановке растущей активности широких народных масс. Различные группировки и движения, возникавшие как политические, общественные, профессиональные объединения, оказывая всё больший нажим на власть, побуждали её быстрее осуществлять назревшие реформы. В результате к концу столетия были созданы прочные основы гражданского общества, формировалась «срединная культура», возникла почва для консолидации нации. Немаловажную роль в этом процессе сыграл «американский опыт», воспринятый британским обществом через публикации путешественников и оказавшийся востребованным благодаря все более очевидным успехам североамериканского государства.

Осмысление глубоко проанализированного путешественниками из Великобритании опыта общественно-политического развития США в первой половине XIX века на современном этапе могло бы помочь вступающим на путь демократизации странам извлечь из него необходимые уроки и избежать возможных ошибок.

К ВОПРОСУ О РАСПОСТРАНЕНИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В КОРЕЕ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Клюквин М.А.

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, mikeklukvin@gmail.com*

В середине 1945 года на Корейский полуостров прибыли советские и американские войска, чтобы принять капитуляцию японской армии и сделать, до этого времени находящуюся в японской колониальной системе, Корею «в должное время» [б: 142] свободной. Различное понимание основ государственного устройства будущей независимой Кореи вкупе с внутривосточной нестабильностью на полуострове привело к тому, что в 1948 году образовалась две Кореи – Северная и Южная с границей, по которой еще в 1945 году проходила демаркационная линия принятия капитуляции японских войск.

На пути создания лояльных государственных аппаратов СССР и Соединенные Штаты встречались с рядом трудностей. Последние, в частности, отмечали господство левых убеждений в среде корейского населения, что способствовало быстрому распространению социалистических идей на полуострове [2]. Ряд исследователей даже полагают, что Сталин особой инициативы в Корейском вопросе не проявлял, так как был убежден, что при любом раскладе Корея после своего освобождения рано или поздно втянется в орбиту советского влияния [1]. Из-за сложившейся в годы японской оккупации социально-экономической и политической ситуации, особую непопулярность на полуострове получил капиталистический путь развития. Еще с 30-х годов, в эпоху нестабильности и кризиса мировой капиталистической системы, в Корею начали внедряться крупные японские корпорации. Ярким примером является деятельность концерна «Нихон Тиссо» («Японские азотные удобрения»), который в 1930 году запустил крупнейший во всей Восточной

Азии завод минеральных удобрений. Открывающиеся заводы и предприятия использовали дешевой труд корейских рабочих – бывших фермеров, разорившихся под японским гнетом. Тем корейцам, которые хотели, чтобы их собственный бизнес процветал, приходилось сотрудничать с японскими властями, вызывая ненависть своего народа, который считал их предателями. Поэтому капитализм воспринимается коренным населением как что-то чуждое, навязанное ненавистными оккупантами. К тому же в экономической сфере было сильно влияние традиционных конфуцианских ценностей - производственная сфера основывалась на кланово-семейных отношениях [5: 8].

Знакомство с основами марксистского учения через подпольные кружки и печатные издания 1930-х годов стало одним из факторов способствовавших тому, что сразу после освобождения страны в до 70% населения в некоторых районах Сеула называли «социализм» идеальным строем для будущего Кореи [4: 147]. К тому же левые были в первой половине 1930-х годов практически единственным активным выразителем стремлений корейского народа к независимости от японского владычества (многие националисты правого толка покинули полуостров, образовав Временное правительство в Шанхае, задача которого была найти поддержку в среде других держав в деле завоевания Кореей независимости). Лидеры коммунистического подполья 30-х годов Ли Хен Сан и Ли Гван Суль в апреле 1939 года организовали Кенсонскую коммунистическую группу. Главной опорой подпольной организации в условиях гонения были рабочие, крестьянские и студенческие организации радикального характера в провинциях Северная Кенсан и Хамген.

Нужно отметить, что левые идеи распространялись на полуострове не сами по себе – этому процессу способствовали засланные Коминтерном агенты в 20-е - 30-е годы. Среди них выделялись: Ким Ен Бен – прошел подготовку в Коммунистическом университете Владивостока. Заслан в Пхеньян в начале 30-х годов с целью создания подпольной

коммунистической организации. Пак Дон Хон – обучалась в Москве, была заслана в Пхеньян в 1937 году по линии Коминтерна [5: 40].

Помимо специальных агентов были также и советские граждане корейского происхождения. Их в основном использовали для ответственных должностей в аппарате Советской гражданской администрации и в создаваемых на местах органах власти в Северной Корее.

Третью группу составляли коммунисты-корейцы, прошедшие специальную подготовку в Яньани – штаб-квартире китайских коммунистов. Там существовала «корейская фракция», создавшая «Лигу независимости» во главе с Ким Ду Боном.

Отметим также, что более благоприятной почвой для распространения коммунистической пропаганды была территория Северной Кореи. В Пхеньян – будущую столицу КНДР отправлялись советские агенты. Учитывалось, что основные металлургические центры были сосредоточены в северной части полуострова. Численность рабочих в августе 1945 года по данным, опубликованным в работе Ф.И. Шабшиной с ссылкой на корейский экономический журнал, составляли 2 млн. человек [7: 7]. Превратив рабочих в реальную политическую силу, советское командование могло полностью взять под контроль управление страной.

Таким образом, к моменту освобождения Корейского полуострова от японских сил в силу особенностей развития социально-экономической и политической сфер на территории Кореи в большей степени были популярны социалистические идеи. Это в свою очередь могло обеспечить выбор пути развития северной части по советской модели управления и затрудняло формирование капиталистического устройства в Южной части, что стало одной из причин более успешного социально-экономического развития на первоначальных этапах северной части Кореи. Эта особенность неоднократно отмечалось, как американской [3: 153], так и советской историографией. Возможно, если бы левым силам удалось в должно время консолидироваться и создать определенную программу действий, Корея

пошла бы по согласованному пути развития, предотвратив раздел и создание двух сепаратных государств.

Примечания.

1. Mark Peterson. A Brief History of Korea. New York, 2010. P. 166.
2. War Department Incoming Classified Message, October 1, 1945. URL: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/koreanwar/index.php (дата обращения 25.05.2013).
3. Воронцов В.Б. Корея в планах США в годы Второй Мировой войны, М., 1962.
4. Ким Н. Корея в поисках общенационального единения в условиях деколонизации 1945-1946 гг. // Проблемы Дальнего Востока 2008, №4.
5. Попов И.М., Лавренов С.Я., Богданов В.Н. Корея в огне войны. К 65-летию начала войны в Корею 1950 – 1953. М, 2005.
6. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941-1945: В 6-ти тт. Т. 2. М., 1978-1980.
7. Шабшина Ф.И. Очерки Новейшей истории Кореи (1945-1963 гг.). М., 1958. С. 7.

**РОЛЬ КРЕСТЬЯНСКОГО БАНКА В МОБИЛИЗАЦИИ ЗЕМЕЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1882-1906 ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Костылева Е.Н.

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, г. Рязань.

lena-kostyleva@yandex.ru

Исторический опыт развития Российской империи во II пол. XIX – нач. XX в. характеризуется попытками правительства решить вопросы перераспределения аграрной собственности с помощью системы государственных ипотечных учреждений, представленной Крестьянским поземельным и Государственным Дворянским земельным банками. Они находились под контролем Министерства финансов, выдавали ссуды под

залог недвижимости и получали средства путем выпуска облигаций или закладных листов [12: 80].

Крестьянский Поземельный банк – это государственное учреждение долгосрочного кредитования в Российской империи, находившееся в ведении Министерства Финансов, созданное для «облегчения крестьянам всех наименований способов к покупке земли» [7] и имевшее целью «содействие развитию мелкой частной земельной собственности крестьян, а также облегчение для них возможно дешевого и устойчивого арендного пользования землею» [11: 1].

Ипотека в России напрямую связывалась с решением внутриполитических проблем. Опыт создания банков в 80-е гг. XIX в. обнаружил новую тенденцию соединения кредита и политики: необходимо было восстановить налоговый потенциал главного податного сословия – крестьянства, при этом сохранив первенствующее место дворянства как главную опору самодержавной власти в экономической и политической жизни страны.

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть региональные особенности работы Рязанского отделения Крестьянского поземельного банка в период с 1882 по 1906 гг. и его роль в движении земельной собственности. Основу источниковой базы исследования составляют документы Государственного архива Рязанской области (ГАРО) – фонд Рязанского отделения Крестьянского поземельного банка (151). Для исследования структуры государственных ипотечных учреждений и изучения особенностей землевладения в Рязанской губернии привлекаются законодательные документы и публицистические материалы [9; 11; 4: 61-70; 6: 39-62].

В 1882-1895 гг. доля приобретенной с помощью Крестьянского поземельного банка земли в Российской империи была незначительной. Это обуславливалось тем, что в первый период работы деятельность учреждения была направлена только на расширение площади крестьянского

землевладения, не преследуя задач землеустройства [1]. Удельный вес Крестьянского банка в общем объеме операций составил 11,6% по числу ссуд, 3,8% по их сумме, 4,5% по площади заложенных земель [8: 318]. Банк по всем показателям уступал частным акционерным земельным банкам, лидировавшим в системе ипотечного кредита, и даже Дворянскому, образованному позже, но стремительно наращивавшему объемы своих операций. Итоги первого периода деятельности кредитного учреждения были весьма неутешительными: банк разорял значительную часть своих клиентов и ухудшал собственное финансовое положение ввиду крестьянских недоимок и убыточности хозяйства на оставшихся на них землях.

В конце XIX – начале XX вв. с помощью Крестьянского поземельного банка было приобретено уже 15,9% земель [8: 318]. При рассмотрении таких покупок к одному крестьянскому землевладению значение банка становится более очевидным: в первый период деятельности на его долю приходилось 22,3%, а к концу века показатель увеличился до 48,8%. Таким образом, почти половину земель крестьяне покупали при содействии банка или у него непосредственно. Более всего данные показатели проявились в черноземной полосе, куда и переместился центр всех крестьянских покупок [8: 322].

До 1898 г. мобилизация земли в Рязанской губернии при посредстве Крестьянского поземельного банка занимала незначительное место в общей массе. Сделки, совершенные с помощью банка по пятилетним периодам, составили от 2,9% до 4,9 %, а за все время – 3,6 %. Купленная при содействии банка земля составила от 4,5% до 17,3 % от общей массы, а за все время – 8,7% [5: 41-42]. Данная ситуация обуславливалась местной спецификой деятельности Рязанского отделения Крестьянского банка на первоначальном этапе работы. Администрация не рекомендовала населению рискованных покупок земли по высоким ценам, ограничиваясь только необходимыми и выгодными сделками. С 1884 по 1890 г.

деятельность учреждения в губернии была сосредоточена на исправном поступлении платежей по выданным ссудам, главной целью было сохранение за крестьянами уже купленных ими земель [10: 301-302]. Существенно замедляло работу то, что в первые годы деятельности Рязанскому отделению приходилось считаться с рядом факторов, тормозивших его развитие: отсутствием опыта, ограниченностью личного состава учреждения, контингентом покупателей, спецификой каждой сделки [2]. Интересы дела требовали точного исследования качества покупаемых участков, существующих арендных и продажных цен. Только тщательное изучение материального положения покупателей могло определить действительную потребность населения в покупке земель и выявить реальное значение деятельности учреждения [3: 472].

Начиная с 1898 г., сделки по покупке земли при посредстве Крестьянского поземельного банка в губернии стали занимать видное место. С 1898 по 1902 гг. они составили 14,5 %, а площадь купленной земли – 30,9 %, т.е. почти 1/3 от всей массы [5: 41-42]. С 1903 по 1908 гг. роль банка в мобилизации земельной собственности стала более очевидна. За 6 лет при его посредничестве было куплено почти столько же земли, сколько за все годы с 1884 по 1902 (116430 дес. по 1049 сделкам) [5: 41-42]. С 1899 по 1902 гг. крестьяне приобрели 89416 дес., а при помощи банка – 61683 дес. Эта земельная площадь составила более 2/3, т.е. 68,9% от общего объема [5: 41-42].

Можно сделать вывод о том, что на первоначальном этапе Крестьянский поземельный банк играл ограниченную роль в перераспределении земельной собственности в пользу крестьянского сословия. Главная правительственная задача – расширение крестьянского землевладения – не выполнялась по объективным причинам. Общероссийская тенденция полностью соответствовала местной специфике функционирования Рязанского отделения Крестьянского поземельного банка. Это будет проявляться и в дальнейшем, когда в конце XIX – начале

XX вв. Крестьянскому банку в губернии будет принадлежать ведущее место в деле мобилизации земельной собственности в пользу крестьянского сословия.

Примечания.

1. ГАРО. Ф. 151. Оп. 21. Д. 74. Л. 1, об., 3, 4.
2. ГАРО. Ф. 151. Оп. 21. Д. 74. Л. 3.
3. Доклад Управы о результатах деятельности Рязанского отделения Крестьянского поземельного банка и сообщенные председателем отделения «Сведения о покупке крестьянами земель при содействии Крестьянского поземельного банка» // XX Очередное Рязанское Губернское земское собрание. 7-19 декабря 1884 г. Рязань, 1885.
4. Костылева Е.Н. К вопросу об историографии деятельности государственных ипотечных банков Российской империи в кон. XIX–нач. XX в. // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2013. № 2/39.
5. Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка в Рязанской губернии за 1899 – 1908 гг. // Экономический обзор Рязанской губернии. 1909 г. № 1.
6. Подоль Р.Я. Экономическое направление русской историософии начала XX в. // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2008. № 4/21.
7. Полное Собрание Законов III. Т II. № 894.
8. Проскурякова Н.А. Земельные банки Российской империи. М., 2002.
9. ПСЗ III. Т II; Указания и распоряжения о Крестьянском Поземельном банке. СПб., 1884.
10. Титов И.М. Обзор деятельности Рязанского отделения Крестьянского поземельного банка за время с 1884 г. по 1890 г., представленный председателем отделения в Губернскую управу для доклада Губернскому земскому собранию 1889 г. // XXV Очередное Рязанское Губернское земское собрание. 1-20 декабря 1889 г. Рязань, 1890.

11. Устав Крестьянского Поземельного банка. Спб., 1893.

12. Финансовая энциклопедия. Изд. 2-е / Под. ред. Г.Я. Сокольникова. М., 1927.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛУИ-НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

Кошелева Е.А.

Российский Государственный Педагогический Университет им А.И.Герцена,

г. Санкт-Петербург, lafrancenb@rambler.ru

Немногие из политических деятелей XIX столетия изучали социальные и экономические проблемы, возникшие из-за быстрого развития промышленности и как следствие формирования рабочего класса. С полной уверенностью к ним можно отнести Наполеона III, до государственного переворота 1851 г. известного как Луи-Наполеон Бонапарт. Социальные и экономические преобразования, произошедшие во Франции в период Второй империи, были одобрены и порой инициированы самим императором.

Лишь в последние десятилетия историки стали изучать систему взглядов последнего императора, анализируя его многочисленные произведения, написанные как до прихода к власти, так и в период нахождения на троне.

Уже в одной из первых своих работ «Политические мечтания» Луи-Наполеон заявлял «Первая потребность страны состоит в независимости, в свободе, стабильности, верховенстве достоинства и равном распределении достатка. ...Чтобы достаток был уделом всех классов, надо не только снижать налог, нужно, чтобы правительство отличалось стабильностью, которая успокаивает граждан и позволяет смотреть в будущее. Правительство будет стабильным, когда институты не будут исключительными, то есть когда не будут покровительствовать ни одному

классу, оно будет терпимым ко всем, и что особенно важно будет находиться в гармонии с нуждами и желаниями всех нации».

Основной заботой государства, как он считал, является положительное и скорейшее решение рабочей проблемы. «Первейший интерес страны состоит не в хорошем товарном обороте промышленных товаров, а в производстве новых рабочих мест. Создать как можно больше возможной активной деятельности, использовать все незанятые рабочие рук - такова должна быть первая забота правительства».

Из наблюдений за жизнью Великобритании принц вынес убеждение, что участие государства в экономической жизни общества должно быть сведено к минимуму. Он считал, что следует избегать пагубной тенденции, при которой государству приходится исполнять то, что частные лица могут сделать также и даже лучше. Однако по его убеждению, необходимым условием частной активности было существование в стране определенной стабильности и уверенности в будущем. Их обеспечение и должно входить в задачу правительства. Основой экономического процветания страны, по мнению Луи-Наполеона, являлось сельское хозяйство, способствовавшее сохранению в деревнях здорового и сильного населения. Промышленность же, как он полагал, слишком часто основывалась на эфемерном фундаменте, развивая у людей способности, она делала их при этом физически и морально слабыми. Кроме того, промышленные рабочие в любой момент могли оказаться без заработка. Следовательно, приходил принц к выводу, необходимо всячески способствовать развитию промышленного производства, таким образом, чтобы одновременно покровительствовать людям, занятым в сельском хозяйстве. Луи-Наполеон был убежден, что только правительство в состоянии разрешить проблему организации труда. При этом он сравнивал подверженную кризисам городскую промышленность Англии, и размещенную в сельской местности индустрию Швейцарии. Основное различие между ними заключалось в том, что

швейцарцы в случае промышленного кризиса могли добывать себе пропитание благодаря сельскому труду.

В полной мере взгляды принца на социально-экономическую проблематику раскрываются в ныне забытом «Уничтожении пауперизма», написанным им в период заключения в крепости Гам. Проблемы безработицы и появление большого числа нищих, Луи-Наполеон предлагал решить путем создания сельскохозяйственных колоний. Структура колонии, система управления, бюджет – все было продумано принцем и предложено на суд читающей публики.

Принц же видел будущее своего предприятия в идиллическом свете. «Повсюду поднимаются сельскохозяйственные колонии, - писал он, - предлагающие хлеб, образование, веру, работу, всем тем, кому этого не хватает, и Бог знает как много таких людей во Франции». Число колоний растет, и вскоре они распространяются повсюду, мечтал Луи-Наполеон. Благодаря этому общество будет основано на совершенно новом основании – труд создаст достаток, а достаток увеличит потребительскую способность населения. Вот истинные условия процветания страны. «Победа христианства сокрушила рабство, победа французской революции отменила крепостную зависимость, а торжество демократических идей уничтожит пауперизм», - заверял он.

Благодаря интересу к социально-экономической проблематике, изучению трудов, как известных утопистов, так и экономистов своего времени, к моменту прихода к власти в 1848 г. у Луи-Наполеона сформировалась собственная система взглядов и твердое убеждение в необходимости проведения реформ, в которых так нуждалось французское общество.

ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ И КСЕНОФОБИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В XVIII ВЕКЕ

Лабутина Т.Л.

Сотрудничество с Западом, с одной стороны, приобщало Россию к новой культуре, а с другой, - оказывало негативное влияние на менталитет, идеологию и политику ее правящей элиты, включая монарха. Процесс вестернизации сделался заметным уже в правление Ивана IV и Бориса Годунова. Западное влияние затронуло не только монархов, но и высшие слои русского общества. Молодые люди из знатных семей первыми перенимали внешние атрибуты одежды, поведения, обычаев европейцев: брили бороды, изучали иностранные языки, интересовались жизнью за рубежом. Сами цари, что называется, «задавали тон», всячески поощряя стремление своих подданных сблизиться с носителями западноевропейской культуры. Все иностранцы были единодушны в признании «большой любезности» к ним царей Ивана Грозного и Бориса Годунова, которые более всего тяготели к английской культуре, и ее носителям – выходцам с Британских островов. Не случайно, большинство ученых, в том числе и современных, называли Грозного «английским» царем, а Годунова «царем-англоманом».

Между тем, в последующие столетия вестернизация политической элиты России набирала обороты. Особенно заметной она сделалась в XVIII веке. Общение с обитателями Немецкой слободы, которые не только познакомили с бытом и нравами западноевропейцев, но и привили юному царю Петру I пристрастие к табаку, крепким напиткам и доступным женщинам, явилось одним из ощутимых шагов в этом направлении. Во время визита в Англию в 1698 г. царь столкнулся с попытками англичан завлечь его в свое «тайное братство». Король Вильгельм Оранский предложил Петру вступить в Орден Подвязки, однако царь ответил отказом, ссылаясь на то, что собирается создать подобный орден у себя на родине. Впрочем, судя по новейшим исследованиям, Петр был принят в масонскую ложу тамплиеров еще будучи в Голландии. Он также дал обязательство

английскому королю учредить в России Орден св. Андрея Первозванного, что и исполнил в 1698 г. Примечательно, что внешний вид ордена имитировал английский Орден Подвязки. В 1720 г. Петр стал гроссмейстером духовно-рыцарского Ордена иоаннитов. Во время визита в Англию высшее духовенство англиканской церкви заговорило об унии с православной церковью. Аналогичные попытки предпринимались и католическим духовенством, когда Петр I посетил в 1717 г. Францию. Английские церковники оказали влияние на русского царя и в вопросе реформирования государственных учреждений (к примеру, записка богослова Ф.Ли, в которой шла речь о коллегиальном устройстве правительственных учреждений: основание семи коллегий для поощрения развития науки, художеств, улучшения законов и нравов). Можно утверждать, что многие свои реформы царь проводил, также ориентируясь на англичан. Британский «след» наиболее ярко прослеживался в создании морского флота, промышленных мануфактур, делопроизводстве, церковной и образовательной реформах.

Между тем, в подобных заимствованиях были и свои отрицательные стороны, которые привели, прежде всего, к насильственному слому морально-этических и религиозных норм и традиций, господствовавших в ту пору в русском обществе (распространение табакокурения, открытие кабаков для продажи крепких спиртных напитков, бритье бород, западные костюмы, введение нового календаря и пр.). Проводимые под влиянием и по примеру Запада реформы Петра I насильно прививали к древу западноевропейской цивилизации совершенно иную, отличную от нее самобытную и самодостаточную русскую культуру. Естественно, что подобный процесс не мог пройти гладко и без издержек. Петровские реформы способствовали усилению ксенофобии в русском народе.

Следует отметить, что проявление ксенофобии впервые сделалось заметным уже при Иване Грозном. Укрепление позиций английского торгового и промышленного капитала в Московском государстве при

одновременном ущемлении национальных интересов в правление Грозного как раз и привело к зарождению ксенофобии в русском обществе. Русских людей возмущали не только преференции, которые получали иностранные купцы (прежде всего, англичане), но и неофициальные формы общения царя с иностранцами. Православных удивляло также обсуждение царя с иностранцами религиозных тем, а также то, что он разрешил отправление протестантского богослужения и дозволил строительство кирхи для иноверцев. Среди москвичей стали распространяться слухи о том, что царь даже подумывает о соединении церквей.

В XVII веке ксенофобия в русском обществе сделалась еще более ощутимой. После того, как московская торговля окончательно попала в руки иностранного, в первую очередь, английского капитала, и иностранные предприниматели намеревались захватить также обработку сырья на местах, русское купечество стало жаловаться на привилегии и льготы, которыми пользовались в России купцы из Англии и Голландии. Челобитные грамоты о злоупотреблениях «немцев» подавались неоднократно. Хотя правительство и принимало отдельные меры, ограничивавшие подобные злоупотребления, однако «не пускать иноземных купцов внутрь страны», как того требовали русские купцы, оно отказывалось. Против иноземцев ополчились также служилые люди и духовенство. В 1648-1649 гг. возникло движение против засилья «немецких» командиров.

Наиболее заметно ксенофобия усилилась в российском обществе при Петре I. Практически все общество встретило петровские реформы «в штыки». Дворяне были недовольны ущемлением своих властных полномочий. У них вызывало гнев переселение из Москвы в Петербург. В среде высшего духовенства возбудила «сильное волнение» церковная реформа, сопровождавшаяся снятием колоколов с церквей для переплавки их на пушки. Осуждающе воспринимало действия Петра даже его ближайшее окружение: А.Меншиков, Д. Голицын, адмирал Апраксин,

Я. Долгорукий, Б. Шереметев, С. Яворский и другие. Исследователь Н. П. Павлов-Сильванский полагал, что среди низших классов в петровскую эпоху было распространено «крайне враждебное отношение к личности Петра и его деятельности». Не понимая пристрастия царя к иноземным порядкам, народ верил легендам о самозванстве Петра и видел в нем «обменного шведа, немчина из Стекольного города», или даже антихриста. Многие возмущались тем, что царь «разрушает веру христианскую, велит бороды брить, табак тянуть, носить платье немецкое». Недовольство реформами Петра вскоре вылилось в открытое противостояние в ряде районов страны. Наибольшую известность получил Астраханский мятеж 1706 г. Как видно, проводить свои реформы Петру пришлось через насилие и «властное принуждение» над народом. Хотя отдельные новшества, заимствованные царем у иностранцев (доступ женщин, наряду с мужчинами, в общественные увеселительные заведения – ассамблеи; запрет на венчание без согласия на брак молодых людей и др.) встречали одобрение, однако в целом реформаторская деятельность Петра, во многом осуществленная под влиянием Запада, не находила общественной поддержки.

В постпетровскую эпоху процесс вестернизации политической элиты еще более активизировался. При Анне Иоанновне главенствующую роль в государственном правлении страны стали играть немцы, которые, по словам В. О. Ключевского, «посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении», чем вызвали ненависть русского народа не только к себе, но и к правящей российской элите в целом. В правление Елизаветы Петровны, а затем и Екатерины II в среде правящей элиты особенно ощутимым сделалось влияние французской культуры. В то же время нельзя сбрасывать со счетов и распространение британской культуры в России преимущественно через просветительскую литературу, образовательные программы и деловые контакты, а также деятельность масонов. Екатерина

II, хотя и была немкой по крови, однако не стремилась покровительствовать своим соотечественникам. Однако все это отнюдь не значило, что она противилась распространению западного влияния в России. Напротив, именно при этой императрице западное влияние стало, по признанию В.О. Ключевского, «сильнее и шире». Более того, именно сама императрица, по утверждению британского историка М. Андерсона, способствовала распространению западничества в России.

Если говорить о ксенофобии, то она продолжала сохраняться в российском обществе на протяжении первой половины XVIII века. В екатерининскую эпоху, как нам представляется, социальные конфликты, связанные с бедственным положением народа, в первую очередь, из-за крепостной зависимости, потеснили прежние представления об иностранцах как главных врагах граждан России. Более того, политическая элита все более консолидировалась вокруг императорского трона, активно приобщаясь к европейским «ценностям». Примером тому может служить распространение в правление Екатерины II в высшем свете такого явления, как англomania.

Таким образом, знакомство российского общества с западной культурой, с одной стороны, обогащало его достижениями передовой науки, техники, знаниями прогрессивной общественно-политической мысли, а с другой – способствовало расколу самого общества. Западное влияние распространялось по преимуществу на высшие слои общества, основная же его часть по-прежнему оставалась верна своим историческим корням – вере, традициям и укладу жизни, а потому не желало принимать никаких нововведений с Запада. В России ксенофобия возникла прежде всего как естественный протест народа против чужеземного влияния и чрезмерного засилья «немцев» в высших властных структурах общества. В результате уже в XVIII веке в российском обществе наметился заметный раскол между «верхами» - приверженцами западной культуры, и «низами» - сторонниками и защитниками традиционных национальных ценностей.

Этот раскол не был изжит и в последующие столетия. Его проявления очевидны и в современной России.

ЕРЕСЬ ВАЛЬДЕСИЯ ИЗ ЛИОНА: ВОЗРОЖДЕНИЕ АПОСТОЛЬСКОЙ МИССИИ В ЕВРОПЕ XII ВЕКА?

Лапшин А.Г.

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,

Владимир, a-lapshin@vlsu.ru

Особое место в типологическом ряду еретиков XII в., занимает Вальдесий из Лиона [15]. О нем и его обращении говорят разрозненные и немногочисленные источники, не всегда относящиеся ко времени описываемых в них событий. Не всегда совпадают и интерпретации этих событий. В публикациях, относящихся к католической исторической традиции, Вальдесий из Лиона представляется как несостоявшийся Франциск Ассизский: святой не состоялся по причине упорства церковных иерархов, отказывающихся понять новое явление [14: 12]. В этом аспекте он представляется не столько как еретик, сколько как раскольник. Для исследователей протестантской направленности Вальдесий является свободным проповедником, который предпочитает покорность Богу покорности любому земному авторитету, даже если это авторитет церкви [3: 55-61]. По вопросу об обращении Вальдесия в Лионского Бедняка историки обоих направлений соглашаются. Различия вновь появляются в связи с вопросом религиозно-практического выбора Вальдесия: что есть для Лионского Бедняка *христианская бедность* и *жизнь подаянием*? Одни исследователи полагают, что для Вальдесия *бедность* есть идеал, предложенный всем христианам (и лицам духовного звания и мирянам) как условие спасения [6: 101-108]. Другие утверждают, что *бедность* для Лионца стала мотивом размышлений и действий, восходящих к ортодоксальной традиции и трансформировавшихся в ересь [13]. Наконец, третьи определяют *евангельскую бедность* как один из конституциональных

элементов апостольства и призвания Вальдесия [11: 3-25]. При явном различии эти мнения часто апеллируют к одним и тем же источникам.

Последователи Вальдесия - *вальденсы, лионские бедняки, лионцы, ломбардские бедняки* неоднократно упоминаются в последующие столетия. Осужденные в XII в., они существовали в течении более 350 лет до Реформации, гонимые, преследуемые, подвергаемые наказаниям. Точное количество вальденсов, осужденных инквизицией и приговоренных к смерти, неизвестно, но по масштабам потерь их можно сравнивать с анабаптистам и иудеями. Общины вальденсов существуют и в настоящее время.

Несмотря на широкое распространение идей Вальдесия из Лиона о нем самом известно немного. Источники не содержат информации о дате его рождения, не сообщают ничего ни о его детстве и отрочестве, ни о последних годах его жизни.

Согласно одному из протоколов следствия инквизиции, обнаруженных в церковных архивах Каркасона, история Лионского бедняка началась в 1170 г. В документе говорится, что Вальдесий был богатым торговцем, который отказался от всего своего богатства и начал жизнь в бедности и простоте [8: 1-3; 14: 3-4].

В анонимной хронике, составленной около 1218 г. начало подвижничества Вальдесия относится к 1173 г. [10: 381-383]. Подвижничество Вальдесия этим не ограничивалось отказом от семьи и мирской жизни: доминиканец Бернар Ги, инквизитор Тулузы в 1307-1323 гг. в трактате "Учебник инквизитора" сообщал о том, что по заказу Вальдесия делались переводы на «народный романский язык» Евангелие и отдельные тексты Священного предания [2: 3-4]. Тулузский инквизитор определял следующим образом главный грех вальденсов: *«Основная ересь, вальденсов была и есть презрение к власти Церкви [...] Ошибающиеся последователи и кощунственные руководители этой секты утверждают, что они не подчиняются ни Римскому папе, ни прелатам Римской Церкви...»* [1: 44]. Последнее важно, поскольку позволяет предположить, что

богословских различий между Вальдесием и Римом сначала не было, а Римская церковь не осуждала деятельность Вальдесия и его сторонников.

В 1179 г. по случаю III Латеранского собора вальденсы прибыли в Рим и встречались с папой Александром III, которому представили книгу на старо-провансальском языке, включающую тексты и комментарии к Псалмам и многим книгам Ветхого и Нового Завета [16; 8: 9-14]. На соборе прозвучала критика вальденсов: каноник Вальтер Мап - представитель короля Генриха II Плантагенета - учинил вальденсам расспрос, в ходе которого, на вопрос каноника *«Веруете ли вы в Богородицу?»* вальденсы ответили *«Веруем!»*. *«... В этот момент члены суда рассмеялись, ибо, согласно схоластическому богословию, формулу "верую" можно было применять только к Троице. После этого расспроса, делегация удалась, покрытая позором, потому что они попали в ловушку вопроса. Им было приказано прекратить проповедовать и подчиниться их епископу»* [7: 14].

Вальтер Мап увидел в вальденсах не только богословское невежество и безграмотность, но и угрозу институциональной церкви: по его словам в случае их допущения, римская церковь будет прогнана [7: 14].

Решение собора либо не исполнялось, либо было необязательным: в 1180 году в Лионе под председательством цистерцианца, епископа г.Альбано Генриха де Марси была проведена церковная ассамблея, на которой Вальдесий и его сподвижники объявили об их полной ортодоксальности и выразили желание *«отречься от мирской жизни»* и стать бедняками во имя Христа. Таким образом, вопрос о признании вальденсов остался открытым.

В 1181 после смерти Александра III, римским папой избирается Люций III. Со сменой папы вальденсы обращаются в Рим за разрешением основать орден проповедников. Люций III отказал им, ссылаясь на то, что сподвижники Вальдесия самовольно облачились в монашеские одежды и

обули сандалии, также на то, что в их странствующих группах были и женщины и мужчины [5: 51]. В 1182 г. архиепископ Лиона Жан Беллисманибус запретил им проповедовать и изгнал Вальдесия и его сторонников из епархии. В связи с этим событием нет никаких упоминаний о расхождении идей вальденсов с доктриной церкви: они были изгнаны, т.к. не подчинились запрету их старшим проповедовать и выполнять то, что позволено было только лицам духовного звания [8: 89].

В 1184 г на соборе в Вероне папа Люций III издает декреталий *Ad abolendam*, в котором среди прочих еретиков отлучает от церкви и Лионских бедняков. Причина отлучения – высокомерие отлучаемых *«проповедовать как публично, так и индивидуально, получив запрет, или не будучи наделенным этим правом, вне какой-либо авторизации, полученной от апостольского трона или от местного епископа»* [9: 52]. Показательно, что декреталий, не придавая значения различиям между этими формами религиозности, осуждает сразу всех, кто действует без папского или епископского разрешения.

Несмотря на папское осуждение, движение вальденсов продолжает развиваться. Мы не знаем деталей проведения в жизнь декреталия *Ad abolendam*. Однако известно, что последователи Вальдесия вели проповедь до, в течении и после крестового похода против альбигойцев. На юге Франции - в центре района распространения катарской ереси, вальденсы были широко распространены; во многих поселениях имелись их молельни, школы и кладбища, создавались книги, продолжалась антидуалистическая полемика на площадях и в церквях. Так, в 1190 г. в Нарбонне состоялся публичный диспут с участием вальденсов, на котором обсуждались вопросы об авторитете римского папы и прелатов, о праве мирян (и мужчин и женщин) проповедовать, о совершении благодеяний для усопших и о молитвенных местах.

В северной Италии ситуация развивалась иначе - вальденские группы были более сплоченны, они не противопоставлялись катарам и жили сообща

не только с другими религиозными диссидентами, но и с католически настроенным населением. Например, в Милане в 1196 г. вальденсы получили от местных политико-административных институтов землю, на которой построили свой центр (*schola*) для литургических собраний и чтения Евангелия. Видимо, северо-итальянское понимание жизни в евангельской бедности отличалось от французского. Скорее всего, именно это и привело к разрыву Вальдесия с итальянскими сподвижниками в 1205 г. и возникновению автономной группы, названной "Ломбардские бедняки" (*pauperes Lombardi*).

Место и дата смерти Вальдесия не известны. Можно предположить, что это произошло после разрыва с ломбардцами (1205 г.) и до дискуссии в г. Памье (1207 г.). В последней со стороны вальденсов принимал участие Дюран д'Оска, со стороны римской церкви - епископ г. Осма Диего (друг и сподвижник Доменика ди Калеруега) и цистерцианские проповедники. Дискуссия выявила возможности признания католической церковью религиозных намерений вальденсов. Действительно, Иннокентий III в 1208 г. разрешает проповедовать Дюрану и его сподвижникам - рождается новый религиозный орден *Католических бедняков*, а в 1210 г., разрешение проповедовать получают ломбардцы во главе с Бернардо Прима - возникает орден *Примиренных бедняков*. Таким образом, смерть Вальдесия совпала с расколом в среде его сторонников и последователей.

Особенностью данных о жизни и деятельности Вальдесия является ограниченность информации о содержании его проповеди. Это затрудняет рассмотрение вопроса об учении Лионца. Однако, на основе материалов о диспуте в Нарбонне и при привлечении не прямых свидетельств, представляется возможным реконструировать доктрину вальденсов конца XII в. [11: 3-25; 12: 11-39]. Во-первых, согласно учению апостолов, Богу следует повиноваться более, чем человеку. Во-вторых, авторитет Священного Писания (в частности канонических текстов) не подвергается сомнению. В-третьих, все, включая мирян (мужчин и женщин), имеют право проповедовать. В-

четвертых, обеды, молитвы и милостыни на помин души не имеют никакого значения (некоторые из вальденсов при этом отрицали и чистилище). В-пятых, молитва, произнесенная в постели, комнате или конюшне, действительна не менее молитвы, произнесенной в церкви. Если эта реконструкция верна, то следует констатировать факт: положения ранней доктрины вальденсов были близки идеям, распространяемым Петром из Брюи и Генрихом из Лозанны. Вместе с тем, Вальдесий сильно отличается от них: Лионский Бедняк был мирянином, возложившим на себя апостольскую миссию, а не критически настроенным клириком. Его благочестие было в большей степени эсхатологическим, нежели аскетическим [14: 50]. Развитие критической религиозности мирян привело к появлению нового образа жизни, сторонники которого вдохновлялись Священным Писанием, практическая сторона жизни начальной церкви играла нормативную роль для Вальдесия и его сторонников [4: 219]. Таким образом, учение и деятельность Лионского Бедняка и его сторонников представляли собой наиболее раннюю апробацию служения в миру.

Некоторое время спустя после смерти Вальдесия началась трансформация его образа как инициатора новой формы религиозной жизни. Французские вальденсы придали первостепенное значение провиденциальному характеру обращения богатого лионского горожанина к апостольской миссии. Интеллектуальные усилия последователей Лионца в Италии были направлены на обоснование тезиса о том, что подвижническая деятельность Вальдесия была искуплением его грехов перед смертью. Как видим, и во Франции и в Италии идея вести жизнь апостола Христа являлась основополагающей, а история жизненного выбора горожанина по имени Вальдесий была отодвинута на второй план или почти забыта [9: 56]. Дальнейшая трансформация образа Вальдесия привела к рождению мифа о происхождении вальденсов от апостолов. В разные исторические эпохи этот миф интерпретировали по-разному, но при этом всегда включали в него оправдание и легитимацию тех, кто в условиях скрытности продолжал

проповедовать истинную (по мнению авторов мифа) христианскую веру. Вальдесий сохранился в исторической памяти инквизиторов и римско-католических полемистов в качестве автора наиболее упрямой ереси. Отсюда он перешел в протестантскую историографию как один из подвижников, гонимых за правду в эпоху папского господства. При этом его роль как инициатора движения вальденсов оспаривалась в пользу версии об их апостольском происхождении - версии привлекательной и объясненной, но имеющей мало общего с исторической реальностью и, таким образом, необоснованной.

Примечания.

1. Bernard Gui Manuel de l'Inquisiteur // Russell J.B Religious Dissent in the Middle Ages. New York, 1971. P. 44.
2. Bernard Gui Manuel de l'Inquisiteur // Tourn G. The Waldensians. The First 800 Years (1174-1974). Torino, 1980.
3. Bolton B. Medieval Reformation. London. 1983.
4. Lochman M. Not Just One Reformation: The Waldensians and Hussite Heritage // Reformed World. Vol.33. № 5.
5. Lucii PP. III Epist.,. 171. // В кн.: Ли Ч. История инквизиции. Т 1.
6. Manselli R. Il secolo XII: religione popolare ed eresia. Roma. 1983.
7. Mapes G. De Nugis Curialium, рукопись хранится в Bodleian Library (851) в Оксфорде // Tourn G. The Waldensians.
8. Melia P. The Origin, Persecutions and Doctrines of the Waldenses. London, 1870.
9. Merlo G.G. Eretici ed eresie medievali. Bologna, 1989.
10. Robinson J H Readings in European History. Boston, 1905.
11. Selge K-V. La figura e l'opera di Valdez // Bolletino della Societa di studi valdesi. 136 (174).
12. Selge K-V. Riflessioni sul carattere sociale e sulla religiosita del valdismo francese primitivo // Protestantism. XXIX (1974).
13. Thouzellier C. Catharisme e valdeisme en Languedoc a la fin du XII° et au

debut du XIIIe siecle. Paris, 1966.

14. Tourn G. The Waldensians. The First 800 Years (1174-1974). Torino, 1980.
15. В различных источниках Бедняк из Лиона именуется по-разному: Valdes, Valdesius, Valdensus, Waldo (Valdo). В научных публикациях в течении долгого времени Лионского Бедняка по ошибке называли Петр Вальдо.
16. Этот перевод был сделан в Лионе священниками Бернаром и Стефаном, которым Вальдесий заплатил за их работу. Об этом см.: F. Steven de Bellavilla Scriptores Ordinum Praedicatorum. // Melia P. The Origin, Persecutions and Doctrines of the Waldenses. London, 1870. P. 9-14.

РОССИЯ И США: ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО НАУЧНОГО ВИДЕНИЯ ДРУГОГО ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Лапшина И.К.

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,

г. Владимир, lapshina.nni2012@yandex.ru

«Образ врага» и «зеркальное отображение» определяли не только характер распространявшейся СМИ обеих стран информации друг о друге в годы холодной войны, но и накладывали существенный отпечаток на научные исследования, проводившиеся в соответствующих областях знаний в США и России. Отечественная американистика конца 1960-х – начала 1990-х годов характеризовалась доминированием марксистского подхода в его упрощенно-догматическом варианте, отвечавшего идеологическим требованиям господствовавшей политической системы. Это определило политическую тенденциозность подавляющего большинства работ, ограниченностью оценок внутривнутриполитических достижений американского государства, излишнюю категоричность суждений. Подчеркивалась реакционность политики Белого дома, преуменьшалась значимость межпартийной борьбы в решении социально-экономических проблем американского общества, преувеличивалась степень манипуляции

политическим процессом. Все это создавало упрощенную картину внутривнутриполитической жизни США, взаимодействия власти с партиями и социумом.

Прочное место в советской историографии сохраняла не оправдавшая себя теория общего кризиса капитализма, накладывавшая отпечаток на характеристику протекавших в Соединенных Штатах экономических и социальных процессов. В работах акцентировались негативные стороны американской действительности, «провалы правящих кругов», неуклонно нараставшие трудности, «которые переживает цитадель современного капитализма – американское государство», накопление неразрешимых проблем, завышалось обострение социально-экономических антагонизмов [7: 13, 28].

При рассмотрении идейных воззрений и политической практики республиканцев и демократов, что стало одним из важных направлений изучения двухпартийной системы Соединенных Штатов, исследователи акцентировали «общность» решаемых ими стратегических задач по укреплению «политического господства правящего класса», базисное сходство ведущих партий как «орудий крупного монополистического капитала» [6: 300].

Следует отметить, что «классовая» риторика в научных работах того времени нередко представляла дань господствовавшей идеологии, была неизбежна в существовавших обстоятельствах, но далеко не всегда служила препятствием для проведения серьезных обстоятельных исследований. В советский период было поставлено немало крупных проблем в изучении американского общества, намечены пути их решения, а многие научные труды характеризовались высоким профессиональным уровнем и основательностью. Именно подобного рода работы стали прочным фундаментом последующего развития отечественной американистики.

Движение к непредвзятому анализу вне каких-либо идеологических клише, преодоление односторонности видения исследуемых вопросов стало

отличительной чертой нового периода в изучении истории США после окончания холодной войны. В качестве теоретико-методологического основания работ к началу 2000-х годов на первый план вышли концепция постиндустриализма, теория социальной стратификации, цивилизационный и междисциплинарный подходы, значительно расширившие теоретический арсенал и научный инструментарий российских исследователей.

Принципы историзма, научной объективности, многофакторный и системный анализ, различные методологические схемы, в том числе предлагаемые американской политической наукой, сменили в трудах молодых российских ученых господствовавшие в советских диссертациях формулировки о «непреодолимом значении» ленинской теории государственно-монополистического капитализма.

Постепенно в новых исследованиях пост-советского периода по истории США формировался более непредвзятый взгляд на социокультурные и институциональные основы их развития, на содержание партийно-политических конфликтов, направленность политического процесса. В анализе политической жизни и властных институтов на первый план вышло выявление качественных отличий исторических типов американской демократии, соотношения политической теории и политической практики, раскрытие межпартийного соперничества в контексте эволюции политического плюрализма в постиндустриальной Америке [4]. Среди важнейших характеристик политического процесса в послевоенный период американской истории получили признание такие явления, как упрочение принципов процедурной демократии, демократизация политических партий, учет мнения граждан политической элитой [5: 479, 480, 489, 491].

Более взвешенными в российской американистике стали оценки двухпартийной системы США, вклада либеральной и консервативной идеологий в решение экономических и социальных проблем американского общества [1; 2: 32-33]. Если советская историография в анализе партийной

политики подчеркивала демагогический характер деятельности партий, направленной на манипуляцию гражданами, то сегодня признается реальный учет ими массовых настроений и интересов американцев, наличие «обратной связи между правителями и управляемыми» [3: 5, 6].

Одну из последних наиболее значимых работ по истории Демократической партии отличает стремление автора дать объективную и всестороннюю картину ее деятельности и взаимоотношений со своим электоратом, выявить на основе разнообразных солидных источников реальные механизмы формирования партийной стратегии и тактики, обеспечивающие ей жизнеспособность и особое место в американском политическом процессе как «главного реформатора американского капитализма» [3].

Таким образом, за период 1990-х – начала 2000-х годов российская американистика претерпела существенную эволюцию в формировании нового научного видения США. Выработка сбалансированного подхода в оценках социо-политических реалий ведущей западной державы, воссоздание полноценной картины жизни американского общества позволяют непредубежденно осмысливать как наиболее позитивные стороны американского опыта государственного управления, решения социальных и экономических проблем, так и его негативные аспекты. Это представляет не только научный, но и безусловный практический интерес, в том числе для российской правящей элиты, определяющей вектор внутри- и внешнеполитического развития страны. Заметим, что в стремлении к объективности историкам следует избегать опасности создания новых исследовательских лакун и следования новой политической или идеологической конъюнктуре, чью пагубность для развития научной мысли со всей очевидностью продемонстрировал советский период.

Определенные изменения произошли и в американской русистике, хотя они представляются менее значимыми в сравнении с отечественными исследованиями США. Среди положительных моментов следует отметить

сохранение значительного интереса к истории России, о чем свидетельствует, в частности, активное пополнение библиотечного фонда Института научной информации по общественным наукам РАН в последние годы соответствующими американскими изданиями (более 1000 новых названий по одной истории), рост внимания к социокультурной проблематике.

Вместе с тем выступления американских историков на международной научной конференции в Институте всеобщей истории РАН «Меняющееся восприятие России в США. Меняющееся восприятие США в России. 1933- 2013», состоявшейся в ноябре 2013 г., показали, что в преобладающем в США научном образе России весьма устойчиво сохраняются былые стереотипы в восприятии российской действительности и истории. Этому способствует сохраняющееся не только в политических, но и научных кругах имперское сознание, в основе которого лежит изначальная уверенность «в абсолютном превосходстве Западной цивилизации» и Соединенных Штатов Америки в глобальном мире. Оно существенно препятствует формированию нового научного видения России, которая продолжает восприниматься как авторитарное государство, далекое от «истинной демократии». В целом отношение американцев к России в настоящее время можно назвать «рациональным», однако представления широких слоев формируются, прежде всего, под влиянием достаточно негативной информации, которую они получают из СМИ.

В Приветствии Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова к участникам конференции подчеркивалось, что деятельность научного сообщества должна поддерживать диалог наций, способствовать укреплению климата доверия в российско-американских отношениях. Это настоятельно ставит перед историками обеих стран задачу достижения объективного подхода в изучении Другого. Нельзя не согласиться и с прозвучавшими в выступлении Посла США в СССР в 1987-1991 годы господина Дж. Мэтлока словами о том, что и США, и Россия – «часть

решения сложных мировых проблем», и они не должны соревноваться за влияние. Исследование позитивных моментов в их взаимодействии по преодолению кризисных ситуаций должно стать одним из наиболее значимых направлений в исторических изысканиях российских и американских ученых, которые могут противопоставить науку политической конъюнктуре.

Примечания.

1. Гарбузов В.Н. «Рейгановская революция»: Теория и практика американского консерватизма (1981-1988). Санкт-Петербург-Псков, 1999.
2. Консервативная традиция в американском обществе: истоки, эволюция, современное состояние. М., 2006.
3. Печатнов В.О. От Джефферсона до Клинтона: Демократическая партия США в борьбе за избирателя. М., 2008.
4. Согрин В.В. Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. М., 2011.
5. Согрин В.В. Исторический опыт США. М., 2010.
6. США: политическая мысль и история. М., 1976.
7. США: проблемы внутренней политики. М., 1971.

**ПРОБЛЕМЫ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ НА
РОССИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

Макеев Д.А.

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, nov-ist@vlsu.ru*

В литературе и публицистике имеются оценки исторического опыта мировых цивилизаций, места и роли России в межцивилизационных связях. Культурно-цивилизационным взаимоотношениям посвящено немало научных конференций и дискуссий. Их участники отмечают, что на Востоке издавна Запад воспринимался завоевателем и колонизатором, а с другой стороны – носителем хотя и чуждой, но высокой культуры, передовой

техники и науки. Россия всегда считалась представителем христианской цивилизации.

Христианский мир далеко не един, в нем имеются историко-культурные различия между католической и протестантской частями. Но в целом Европа представляет собой совокупность германо-романских народов. Россия к этому миру не принадлежит, а относится к греко-славянскому типу и является наследницей традиций православной Византии как в духовно-культурном плане, так и в политико-экономическом. Наследуемая от поколения к поколению православная религия прочно вошла в повседневную жизнь русского народа, стала фактором «социализации людей» и культурной интеграции различных народностей и этносов. Православие сохранило принадлежность России к христианской цивилизации Европы.

Историк-востоковед Л.Б. Алаев, отмечая роль религии в формировании той или иной национальности, утверждает, что на этот процесс влияют и культы, существовавшие до принятия той или иной мировой религии. Относительно «русской веры» исследователь пишет: «это не совсем то «православие», которое было заимствовано из Византии» [2: 8]. Русская духовная общность стала особым типом христианской цивилизации, в основе которой находится православие, но обогащенное наследием и культурой других народов.

Представляется целесообразным обратить внимание на труды известного историка и географа Л.Н. Гумилева, отличавшего русскую цивилизацию от российской цивилизации, которая по-существу представлялась им в качестве общности интересов народов, населяющих евразийское пространство. Здесь строилась общая государственность, «исходя из принципа первичности *прав каждого народа* на определенный образ жизни» [6: 299]. Постепенно складывалась многокультурность, которую Л.Н.Гумилев именуется евразийской цивилизацией.

Сторонник евразийской концепции, исторический писатель К.А. Пензев, отмечая азиатские истоки России, выделяет ее цивилизационные особенности и утверждает: *«Евразийство это цивилизационная доктрина, а никак не национальная. Она берет свое начало в идеях славянофилов, но не имеет ничего общего с идеей *всеславянства* (иначе панславизма), просто потому, что значительная часть славян входит в состав Западной цивилизации. Евразийство ни в коей мере не отрицает какого-либо национализма, тем более русского, но национализм в понимании евразийцев должен иметь, прежде всего, вид культурной работы, а не политиканства, что более чем логично, поскольку этническая самобытность выражается именно в культуре, созданной в ходе исторического развития»* [16: 235].

Известно, что материальная цивилизация Запада, решительно ворвавшаяся в «застойное общество» Востока, разбудила его и стала приобщать покоренные народы к мировому хозяйству и христианской культуре. Перед восточными странами открывался доступ к техническим, научно-культурным и прочим достижениям западной цивилизации. Одновременно с этим Запад сеял семена, из которых выростала общественно-политическая сила, способная содействовать преодолению экономической отсталости восточных стран и укреплению их позиций в соперничестве со странами Запада [11: 290, 9: 287-288]. Место России в колонизаторском процессе оказалось менее значительным, поэтому восприятие ее на Востоке отличалось от восприятия Запада. В связях с Россией восточные народы не проявляли особого беспокойства, они стремились к коммерческому и политическому сближению с ней. Известные представители российской общественной мысли отмечали способность русского государства стать соединителем миров Европы и Азии, взять на себя миссию посредника в обмене не только товарами, но и идеями и различными достижениями между цивилизациями Запада и Востока.

Русский философ Н.А. Бердяев, признавая способности своего государства расширить собственные владычества, писал о том, что Россия не стремилась «к колониям, потому что в ней самой есть огромные азиатские колонии, с которыми предстоит еще много дела». По его признанию, в жизни России, «в ее духовном, а не материальном универсализме, в ее пророческих предчувствиях новой жизни, которыми полна великая русская литература, русская мысль и народная религиозная жизнь» проявлялась мирная миссия России [4:122]. Признание Н.А. Бердяева было основано на учете многолетней практики. Еще в 1829 г. философ-западник П.Я. Чаадаев писал, что Россия, «раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим – на Германию», смогла проявить способности стать объединителем обоих миров [22: 18, 24-25].

Начиная с рубежа XV и XVI столетий, с расширением своих земельных пространств в Сибири, Средней Азии и на Дальнем Востоке российское православное государство объединяло народы разных исторических судеб. В его географических пределах формировался мир с многообразием культур и идентичностью национальных интересов разных народов и этносов.

Взаимодействие культур в российских пределах было настолько велико, что русский человек, как утверждал Ф.М. Достоевский, становился не только европейцем, но и азиатом. В.С. Соловьев отмечал, что в силу воздействия азиатского элемента русские люди становились бесповоротными европейцами, «только с азиатским осадком на дне души» [20: 696]. Сказывалось долговременное нахождение русских земель под золотоордынским владычеством, а также и многочисленные военные нашествия, как со стороны кочевников Юга, так и со стороны католического Запада. Во все времена русские люди сохраняли веру в православие - национально-духовную основу своей повседневности. Благодаря союзу православной церкви с государевой властью крепла воля народа к

отражению вторжений немецко-литовских рыцарей, позволяло достойно встретить нашествие войск монгольских кочевников. Веротерпимая многонациональная империя монголов оказалась для Руси менее опасной и страшной, чем агрессии со стороны воинственного католического Запада, представители которого выжигали православную веру «каленным железом» [15: 39].

Со временем русские необъятные пространства поглотили монгольских кочевников, которым пришлось отойти «к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена» [17: 217]. Не удалось поставить Русь на колени ни золотоордынским ханам, ни немецким и польско-литовским интервентам, ни шведам, ни Наполеону Бонапарту, ни фашистским нацистам. Известный философ И.А. Ильин справедливо отметил, что история русского народа есть «история муки и борьбы от печенегов и хазар – до великой войны двадцатого века». Это было время «тревоги, века бранного напряжения, века неудачи, ухода, собирания сил и нового, непрекращающегося ратного напряжения». Всем недругам Руси не удалось ее одолеть, они «сами изжились и выродились, иссякли и захирели, но не истощили утробу нашего духа» [10: 22-23]. Русское государство сохранило свои духовно-культурные силы и способности национального развития, не идеализируя и не заимствуя чужой образец.

Интересным, на мой взгляд, представляется замечание историка Н.В. Королькова относительно оценки А.С. Пушкиным «Истории русского народа» Н.А. Полевого, сочинений других авторов, стремившихся выяснить специфику становления социального уклада России, который, по их мнению, развивался «опираясь преимущественно на теоретическое положение, сложившееся у европейских аналитиков, в частности у Гизо». Н.В. Корольков отметил, что великий поэт не был согласен с попытками своих современников перенести европейский опыт на российскую почву. Пушкинский взгляд ясен, писал он: «Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европою; что история ее не требует другой мысли,

другой формулы, не той, которую выводит Гизо из истории Запада» [13: 277]. Россия не изолировалась от политических, экономических и культурных связей с западными странами, сохраняя свою самобытность.

По признанию В.С. Соловьева, сближение с Европой для России приобрело принципиальное значение: через европейское просвещение «русский ум раскрылся для таких понятий, как человеческое достоинство, права личности, свобода совести и т.д., без которых невозможно достойное существование, истинное совершенствование, а, следовательно, невозможно и христианское царство» [18: 298].

Европа, не в меньшей мере и Азия, стимулировала рост значительного потенциала русской цивилизации. Накладывался глубокий отпечаток на взаимоотношения между народами, населявшими российскую территорию. В.С. Соловьев писал: Россия - это «не только русский народ», а целая семья народов, объединенных «не насилем, но добровольно» [14: 22]. В ее пределах происходило взаимопроникновение различных культур, осуществлялся поиск путей и стимулов для самостоятельного цивилизационного развития, а веротерпимая русская цивилизация впитывала в себя ценности цивилизаций Запада и Востока. В мирном взаимодействии русско-православной, исламской, буддийской, иудаистской, католической и других цивилизаций в пределах единой страны проявилось своеобразие развития многонациональной России.

В отечественной литературе встречаются утверждения и свидетельства, подтверждающие тот факт, что русский народ, отстояв и сохранив свою веру и государственность, проявил духовно-нравственные способности в примирении цивилизаций Востока и Запада [8: 160; 21: 26-41]. Подтверждением тому служит становление и развитие самого российского многоконфессионального государства. С одной стороны, в его регионально-географических пределах сохранялась верность духовно-историческим традициям русско-православной цивилизации и культурно-психологическая принадлежности к христианской цивилизации Запада. С

другой - утверждались партнерские отношения между христианской, исламской, буддийской и другими цивилизациями и культурами.

Вошедшие в состав России Северный Кавказ и Закавказье, Средняя Азия и сибирские земли не превратились в чисто православные регионы, их народы и этносы сохраняли свободу вероисповедания и получали гражданское равноправие, которого, как отмечал в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевский, нельзя «встретить в самых цивилизованных землях просвещенного Запада». В России ни один народ и его культура не были уничтожены, ни одна из нерусских народностей не обрусела и не была поглощена православием [7: 127]. По словам великого писателя, русские люди проявляли способности «понимать и принимать все другие народы». Большинство народов и этносов вошли в состав Российского государства добровольно, другие подолгу просились в русское подданство (например, Украины и Грузии). Происходили и завоевания Россией сопредельных территорий, где российская политика имела как положительные, так и отрицательные стороны. Общей чертой колонизации русскими новых земель стало стремление к сохранению местных языков и культуры.

Разнообразием национальных этносов, культур и многоконфессиональным состоянием Россия отличалась от многих держав мира. В ее пределах не было насильственного обращения всех иноверцев в православие, не игнорировались их религиозные верования. Русский народ, писал И.А. Ильин, не искоренил, не подавил и не поработил чужую кровь, не задушил «иноплеменную и инославную жизнь». Напротив, он дал всем народам империи «жизнь, дыхание и великую родину» [10: 21]. Такие же высказывания можно встретить и в трудах Н.А. Бердяева, утверждавшего, что русскому народу чужды «наклонности насильственной русификации» инородцев и иноверцев [4: 15].

Конечно, азиатские народы (не только мусульмане, но и представители других вероисповеданий) воспринимали Россию частью христианской Европы. Для них Россия неотделима от культуры Запада. Так,

В.С. Соловьев писал, что, несмотря на различия, католичество и православие схожи в основе своего духовно-нравственного развития и составляют в христианстве единое целое [19: 104-105]. Другой философ Л.И. Розанов отмечал, что в российском обществе относились к Западу как к «загранице», а европейские страны воспринимались в качестве духовно близких, в то же время осознавалась невозможность с ними когда-либо сродниться. Военный историк-востоковед А.Е. Снесарев писал, что на протяжении многих веков Россия имела культурные, экономические и военно-политические отношения как с Европой, так и с Азией, но с азиатскими странами у нее сохранялись более «тесные и глубокие связи» [3: 580].

Многонациональная и многоконфессиональная Россия отличалась тем, что русский народ становился не только государственнообразующей нацией, но и решающим фактором в преодолении этнических конфликтов и единении всех народов, населявших российскую территорию [12: 161]. Во внешней политике ее приоритеты приходились на отношения с православными странами и народами.

Издавна важную часть цивилизационных приоритетов Россия отводила связям с христианскими, преимущественно с православными странами и народами. Но не всегда ей приходилось встречать ответственные нормальные отношения. Еще в 1877 г. Ф.М. Достоевский в своем дневнике отмечал стремление славянских народов приспособиться к европейской культуре. При этом, писал он, с их стороны высказывались мысли о том, что «они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия – страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации». Ф.М. Достоевский говорил, что «в минуту какой-нибудь серьезной беды» славяне будут обращаться к России за помощью. Как бы и впредь они ненавистничали, сплетничали и клеветали на Россию в Европе, «заигрывая с нею и уверяя ее в любви», европейцы всегда будут врагом их

единству. Писатель утверждал: если славяне сохраняют самостоятельность, то благодаря тому, что существует «Россия, которая, несомненно, притягивая их всех к себе, тем сдерживает их целость и единство» [5: 12]. Высказывания русского писателя и ныне созвучны с ситуацией во всеславянстве и влияющей на междивизиационные отношения евразийского пространства.

Сложные ситуации в отношениях между народами близких и разных культур и ныне привлекают внимание исследователей [1]. Участники научных конференций и дискуссий, посвященных конфликтным проблемам отношений между мировыми цивилизациями, нередко обращаются к взглядам известного американского политолога С. Хантингтона. При этом акцент ими ставится на его известную работу «Столкновение цивилизаций», признается хаотичность междивизиационных отношений, развитие которых ныне сопровождается социально-политическими потрясениями, борьбой Запада за евразийское пространство (за его сырьевые и водные ресурсы) с прямым и косвенным стимулированием массовых протестов, бунтов, смуты и переворотов, даже революций «розовых», «оранжевых» и прочих цветов. В ответ на такие провокации со стороны российской стороны появляются предложения рациональных мер по предотвращению кризисных ситуаций и конфликтов в пределах многоконфессионального государства. Высказываются мысли о преодолении противоречий в гражданском обществе, об осознании народами разных культур, населяющих единое государства, того факта, что все они являются соотечественниками. Предлагаются меры по ослаблению разобщенности и национальной розни, по предотвращению угрозы межнациональных конфликтов, по сохранению веками накопленного опыта взаимно-уважительных отношений к религиозно-культурным ценностям всех народов многоконфессиональной страны.

Следует признать, что русская цивилизация растеряла потенциальные возможности сохранять надежное единение с другими цивилизациями в

пределах российского пространства. Вполне объяснимы причины появления на Западе геополитических планов об ослаблении и расколе многонациональной России. Запад по-прежнему готов разжигать междоцивилизационные разногласия и споры на постсоветском пространстве, противопоставлять известному «евразийскому сообществу» так называемую «демократическую семью европейцев», покровительствуемую США. Со стороны центров современного мирового терроризма и радикальной политизации ислама в отношении российской общности проявляются попытки провоцировать мусульманскую часть населения Российской Федерации к сепаратистским выступлениям. Причинами возникновения межнациональной конфликтности становятся и внутренние факторы. К числу таких причин можно отнести выдвижение на приоритетные позиции в государственной системе многоконфессионального государства лишь конфессию державнообразующей нации, что может вести к религиозно-национальной разобщенности народностей различных культур и религий, негативно влияя на состояние междоцивилизационных отношений.

Примечания.

1. Акимов А.В., Яковлев А.И. Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития. М., 2012.
2. Алаев Л.Б. Станет ли цивилизационный подход научным методом? // Восток (Oriens). 2013. № 3.
3. Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева. М., 2003.
4. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.
5. Глазами Достоевского // Российская Газета. Неделя. 2013. 5-7 декабря.
6. Гумилев Л.Н. От Руси до России: Очерки этнической истории. М., 2000.
7. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти томах. Т. 23. Л., 1981.

8. Ефимова Л.М., Колесова Л.А. Ислам и цивилизационное взаимодействие // Восток (Oriens). 1993. № 4.
9. Зарубежный Восток и современность. Т. 1 / Ред. А.И. Левковский, Р.Г. Ланда. М., 1980.
10. Ильин И.А. О России // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. Кн. II. М., 1996.
11. Классы и классовая борьба в развивающихся странах. Т. 1 / Ред. Рымалов В.В., Покатаева Т.С. М., 1967.
12. Козиков И.А. Д.И. Менделеев о судьбах Российского государства // Национальная безопасность и геополитика России. 2003. № 1-2 (42-43).
13. Корольков Н.В. Чувство правды. Книга о Пушкине. Владимир, 2005.
14. Лосев А.Ф. Творческий путь Владимира Соловьева // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. 2-е изд. Т. 1. М., 1990.
15. Максименко В.И. Россия и Азия, или Анти-Бжезинский (очерк геополитики 2000 года). // Восток. 2000. № 1.
16. Пензев К.А. Русь Татарская: Иго, которого не было. М., 2013.
17. Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 15. Письма. 1833-1837. М., 1998.
18. Соловьев В.С. Византия и Россия // Соловьев В.С. Смысл любви: Избранные произведения. М., 1991.
19. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. 2-е изд. Т. 1.
20. Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. 2-е изд. Т. 2.
21. Трепавлов В.В. «Ваша Высокая Порта». Российская государственность в системе традиционных представлений о монархии у народов Евразии XV-XVIII вв. // Восток (Oriens). 2006. № 1.
22. Чаадаев П.Я. Сочинения. М., 1889.

В.Ф. ДЕРЮЖИНСКИЙ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ АНГЛИИ И ЕГО ВЛИЯНИИ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО XIX ВЕКА

Минаев А.И.

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,

г. Рязань, aiminaev1968@mail.ru

В начале XX века британский парламентаризм оказался в центре внимания многих отечественных юристов. Задача конституционной модернизации России требовала внимательного отношения к британскому опыту. В.Ф. Дерюжинский в 1906 году на страницах либерального «Вестника Европы» опубликовал свой очерк «Общественное мнение и законодательство в Англии», который представлял собой критический разбор «Лекций о соотношении между законодательством и общественном мнением в Англии в течение XIX века» оксфордского профессора А.В. Дайси.

В начале своей работы автор подчеркивал особое место XIX века в истории британского конституционализма. «Из страны с аристократическим управлением, - писал В.Ф. Дерюжинский, - она постепенно превратилась в демократию; широкое преобладание индивидуалистических начал в ее законодательстве мало-помалу уступило место иным течениям в духе развития государственного вмешательства в различные стороны социальной жизни». Этот глубокий переворот совершился «...без каких-либо катастроф и потрясений, путем спокойной эволюции общественного сознания».

Рассматривая трансформацию британского парламентаризма, В.Ф. Дерюжинский вслед за А.В. Дайси, прежде всего, определял сущность общественного мнения применительно к законодательству. «Этим термином... обозначается наличность в данном обществе господствующего убеждения в том, что такие-то законы благодетельны и потому должны быть сохраняемы, или – что они пагубны и потому должны быть изменены или отменены». Общественное мнение, таким образом, становилось важнейшим

фактором адекватного законодательства, которое не столько направляло, сколько юридически оформляло течение жизни общества, при его самом активном участии.

Однако, то, что являлось бесспорным для Великобритании, отнюдь не становилось достоянием других стран. В странах Востока, по солидарному мнению британского и русского исследователей проблемы, вообще не приходилось говорить о наличии сколько-нибудь развитого общественного мнения. Это объяснялось консерватизмом мышления, стремлением жить на основе традиций и обычаев. Сама жизнь на Востоке была малоподвижной, государство и социум выстраивали свои взаимоотношения на основе безоговорочного подчинения последнего. Все это делало невозможным в этом регионе социально обусловленное законотворчество в политической сфере.

В ряде стран Европы, например, России и Пруссии, глубокие преобразования, затронувшие государственный механизм, были осуществлены не под влиянием широкого общественного мнения, а благодаря несокрушимой воле и энергии правителей, их ближайшего окружения. Речь идет о Петре I и Фридрихе Великом. Более того, эти государственные деятели, данный тезис особенно применим к России, задали прямо противоположный умонастроениям большинства своих подданных вектор развития, и далеко не всегда предвидели последствия своих нововведений, в том числе и деструктивные, разрушающие основы исконного социально-политического развития.

Общественное мнение и законотворчество зачастую расходились в своих приоритетах по причине отсутствия законодательного органа, соответствующего требованиям времени. «Скопление тех злоупотреблений, которые вызвали французскую революцию, обуславливалось в значительной степени отсутствием законодательного учреждения, которое обладало бы достаточной силой и волей, чтобы осуществить реформы, давно выдвигавшиеся французским образованным обществом».

В.Ф. Дерюжинский, анализируя лекции А.В. Дайси, соглашался с ним в том, что развитое общественное мнение существенно ограничивает саму возможность социальных потрясений. Более того, революция проигрывает состоявшемуся общественному мнению в эффективности законодательства. Законотворчество революционного свойства направлено, прежде всего, на разрушение старого порядка, и, решив эту задачу, оно зачастую продолжает и в дальнейшем культивировать этот деструктивный потенциал. Общественное мнение, эволюционируя вместе с жизнью общества, усваивает главные тенденции развития, формулирует их и юридически закрепляет в условиях более или менее стабильной внутривластной ситуации, что обеспечивает постоянство и преемственность законодательства. Для этого, правда, необходимы реальные инструменты влияния общественного мнения на законодательный процесс, которыми не могла длительное время похвастаться и сама «колыбель» парламентаризма.

В подтверждение вышесказанного приведем пространную, но весьма красноречивую цитату из работы В.Ф. Дерюжинского. «Францию называют страной революций, Англия славится консерватизмом; но беглого взгляда на законодательную историю обеих стран достаточно, чтобы убедиться в ошибочности ходячего противоположения между французской переменчивостью и английской неизменностью. Не взирая на ряд революций, происходивших в Париже, основные постановления кодекса Наполеона сохраняются неизменными со времени его издания в 1804 году. В Англии в 1804 году престол занимал Георг III, и английское общественное мнение в ту пору не было склонно к каким-либо законодательным или политическим переменам; и, однако, едва ли можно указать какую-либо часть английского собрания статутов, которая между 1804 годом и настоящим временем не подверглась изменениям по существу или по форме...»

Общественное мнение представляет собой совокупность идей и представлений о перспективах социального развития, которые в

определенный исторический период становятся значимыми и выражают совокупные интересы социума в их многообразии и противоречивости. Его нормальному состоянию одинаково вредны, на наш взгляд, как диктатура в различных модификациях, так и «чистая» демократия, перерождающаяся в диктат большинства. Оно является результатом интеллектуального плюрализма, создающего условия для идейного самовыражения всех социально значимых сил, включая саму власть. В XIX веке эти условия существовали, пожалуй, лишь в Великобритании с ее властным и общественным консерватизмом, порождающим внутривнутриполитический консенсус, способствовавший умеренному законодательству в политической сфере. «Общественное мнение, находящее выражение в законодательстве, - писал В.Ф. Дерюжинский, - представляет собой весьма сложное явление и часто принимает форму компромисса, возникающего из борьбы и между идеями правительства и чувствами или привычками населения».

А.В. Дайси предложил свою периодизацию влияния британского общественного мнения XIX века на законодательство, с которой в своем очерке солидаризировался В.Ф. Дерюжинский.

«1) Первый период – эпоха старого торизма или затишья в законодательстве (1800 – 1830 гг.). В этот период политические и иные реформы встречают задержку, с одной стороны, в чувстве удовлетворения существующим строем, нашедшем себе наилучшее выражение в ученом оптимизме Блэкстона, и с другой стороны – в реакционном настроении, которое развилось под впечатлением крайностей французской революции...

2) Второй период (1825 – 1870 гг.). Дайси называет периодом индивидуализма или бентамизма. Это – эпоха реформ на основах утилитаризма. Законодательство направляется доктриной, с которой ... связывается имя Бентама. Движение, имевшее в нем если не творца, то во всяком случае вдохновителя и выразителя, было прежде всего движением в

области правовых реформ, проникнутых духом широкой индивидуальной свободы.

3) Третий период – период коллективизма (1865 – 1900 гг.). Под термином «коллективизм», - говорит Дэйси, - здесь разумеется доктрина, нередко именуемая (обыкновенно людьми, относящимися более или менее враждебно к ней) социализмом, – доктрина, благоприятствующая вмешательству государства, хотя бы и с некоторым ущербом для индивидуальной свободы, в целях обеспечения интересов народных масс. ...Практические тенденции этого движения общественной мысли в Англии лучше всего выступают в рабочем законодательстве и в количественном развитии правовых норм, направленных к урегулированию экономических отношений в интересах рабочих классов...»

Подводя итог выше изложенному, следует подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, В.Ф. Дерюжинский рассматривал общественное мнение в качестве одного из важнейших факторов, обеспечивших внутривластную стабильность и эволюционное развитие Великобритании XIX века в направлении от аристократического правления к буржуазному государству с развитыми парламентскими институтами и механизмами. Во-вторых, по нашему мнению, его интерес к указанному предмету носил практический характер. Залогом успешного внедрения конституционных начал в российскую государственно-правовую модель должно было стать широкое общественное мнение в отношении законодательства, которое, к сожалению, не успело сформироваться должным образом в течение короткого межреволюционного периода начала XX века.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ: ПРИЧИНЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Мостяев Ю.Н.

*Рязанский государственный радиотехнический университет,
г. Рязань, mostishe@yandex.ru*

Характерным свойством этнополитического измерения современного конфликта является то, что конфликт имеет скрытый период накопления и развёртывания межэтнических противоречий. Данный период у каждого конфликта имеет разную продолжительность, но в любом случае в это время происходит формирование собственно этнополитического потенциала конфликта, а также осознание национального статуса его участников, сопоставление ими своего статуса со статусом других национальных общностей и формирование отношения к ним. Недовольство своим собственным национальным статусом актуализирует историческую память, древние стереотипы межэтнической борьбы и порождает вопрос о путях борьбы за власть и перераспределение материальных ресурсов.

В отечественной политологии под этнополитическим конфликтом понимается конфликт, характеризующийся определённым уровнем организованного политического действия, участием общественных движений, наличием массовых беспорядков, сепаратистских выступлений и даже гражданской войны. В целом выделяются два основных подхода к изучению этнополитических конфликтов:

1. Социологический – причины конфликтов объясняются на основе анализа этнических параметров доминирующих социальных слоев и групп, а также на исследовании взаимосвязи и взаимовлияния социальной стратификации общества и разделения труда с этническими характеристиками региона, переживающего этническую напряжённость.

2. Политологический – центральное внимание уделяется трактовке роли национальных элит в мобилизации чувств в процессе межэтнической напряжённости и её эскалации до уровня открытого конфликта.

В любом случае можно выделить некоторые характерные особенности межэтнических конфликтов: 1) все межэтнические конфликты носят комплексный, сложносоставной характер; 2) данный вид конфликта характеризуется накалом эмоций, страстей, проявлением иррациональных сторон человеческой природы; 3) большинство крупных межэтнических конфликтов имеют глубокие исторические корни; 4) межэтнические конфликты характеризуются высокой мобилизацией, так как защищаемые ценности (язык, вера, быт) в отличие от свободы слова или собраний волнуют в той или иной степени всех; 5) многие межэтнические конфликты носят «хронический» характер, не имея окончательного решения. Границы межэтнических отношений достаточно подвижны и то, что удовлетворяет современное поколение, может следующему показаться чересчур малым.

Многие учёные выделяют причины общецивилизационного характера, порождаемые объективным развитием человечества: 1) по Э. Блэку, неравномерное протекание модернизации (социальной структуры, экономики, национально-государственного устройства и т.д.) в этнонациональных ареалах порождает конфликты между притязаниями этнических групп, с одной стороны, и реальными возможностями государства гарантировать обеспечение прав своих граждан - с другой; 2) по А. Дейчу, модернизация активизирует этническое сознание, благоприятствует складыванию политических устремлений к национальной автономии; 3) М. Гектер в рамках концепции «внутреннего колониализма» обосновал «триадную модель» возникновения этнополитической напряжённости: 1) конфликтогенность по своей природе объективной обделённости этнических периферийных групп многонационального государства в процессе его неравномерной модернизации; 2) осознание этой обделённости членами этнической группы как образа коллективных центр-периферийных взаимоотношений угнетения; 3) формирование этнонационализма как реакции угнетаемой общности на «внутренний колониализм» Центра.

Этнополитические конфликты часто приводят к нарастанию сепаратизма. Анализ войн и конфликтов рубежа XX – XXI веков позволяет выделить следующие причины сепаратизма: 1) взаимные притязания этносов, обусловленные историческим прошлым народов, нечеткостью или отсутствием существующих границ, проведением новой демаркации между этносами, возвращением на историческую родину ранее депортированного этноса, произвольным изменением границ, насильственным включением территории этноса в соседнее государство, расчленением этноса между разными государствами; 2) политические причины: борьба за власть между различными этническими группами на местном, региональном и государственном уровнях; борьба этноса за свой политический статус в рамках единого государства; борьба за полную (государственную) независимость; 3) экономические причины: экономическая отсталость многонациональных государственных образований и соответственно низкий уровень жизни национальных (религиозных) меньшинств внутри страны по сравнению с другими нациями и народностями; нежелание экономически развитых регионов поддерживать экономически отсталые области страны; 4) демографический фактор может включать в себя неравномерное размещение населения в многонациональных государствах, а также сравнительно высокий прирост народонаселения определенных этнических групп, скученность размещения, недостаток жизненного пространства; 5) социокультурный фактор подразумевает противоречия, связанные с различиями в языке, традициях, обычаях, религии, а также ущемление других ценностей этноса; 6) исторические причины связаны с прошлыми обидами, которые хранятся в памяти этноса на подсознательном уровне.

Выделяются также и ситуационные источники этнополитических конфликтов: внезапное исчезновение сдерживающих факторов внешней среды; историческое наследие межэтнических отношений; внутренняя борьба за лидерство в рамках этнической группы; экономическая ситуация;

уровень политической и общей культуры в очагах этнополитических конфликтов.

Т.о., причины, ведущие к этнонациональным конфликтам, разнообразны и в каждом конкретном случае обладают специфическим сочетанием. Но обязательно для возникновения конфликта необходимо наличие трёх факторов: 1) уровень национального самосознания, который может быть адекватным, завышенным или заниженным; 2) наличие в обществе «критической» массы проблем, оказывающих давление на все стороны национального бытия; 3) наличие политических сил, способных использовать в борьбе за власть два первых фактора.

Этнические конфликты, возникшие на территории бывшего СССР, можно свести к следующим типам: 1) территориальные конфликты (воссоединение раздробленных этносов; столкновение между центральным правительством и национально-освободительным движением, поддерживаемым соседним государством); 2) конфликты из-за стремления создать собственное независимое государство; 3) конфликты, связанные с восстановлением территориальных прав депортированных народов (ингушей, крымских татар); 4) конфликты из-за притязаний того или иного государства на часть территории соседнего государства; 5) конфликты, источниками которых служат последствия произвольных территориальных изменений, осуществлённых в советское время (Южная Осетия, Нагорный Карабах); 6) конфликты из-за многолетнего пребывания депортированных народов на территории других республик; 7) конфликты, вызванные дискриминацией русских в ряде государств бывшего СССР; 8) конфликты, связанные с противопоставлением принципов права народа на самоопределение и территориальную целостность государств, со стремлением легитимации социально-политического превосходства «титულიной» нации данного государства; 9) конфликты, в которых за лингвистическими факторами скрываются глубокие разногласия между различными национальными общинами.

Система урегулирования этнических конфликтов должна сочетать институционный и инструментальный подходы:

1. Институционный подразумевает создание сети организаций, особой инфраструктуры предотвращения или урегулирования внутренних конфликтов, включающей институты национального, регионального и глобального уровня.

2. Инструментальный представляет умелое сочетание конкретных мер регулирующего воздействия на межэтнический конфликт, среди которых выделяют: 1) оперативные решения связанные с разовыми действиями, направленными на ограничение разрастания конфликтов, на устранение наиболее ощутимых последствий конфликтов; 2) тактические решения направлены на урегулирование уже возникших конфликтов путём силового, в т.ч. и экономического давления на его участников или посредством налаживания переговорного процесса; 3) стратегические решения ориентированы на предупреждение кризисов в межнациональных отношениях на основе заблаговременного создания политико-правовых, экономических и социально-психологических условий безболезненного решения проблем.

Исходя из накопленного опыта преодоления межэтнических конфликтов, исследователи предлагают следующие рекомендации по их разрешению: 1) легитимация конфликта – официальное признание существующими властными структурами и конфликтующими сторонами наличия самой проблемы, нуждающейся в обсуждении и разрешении; 2) институционализация конфликта – выработка признаваемых обеими сторонами правил, норм, регламента цивилизованного конфликтного поведения; 3) целесообразность перевода конфликта в юридическую плоскость; 4) введение института посредничества при организации переговорного процесса; 5) информационное обеспечение урегулирования конфликта, то есть открытость, прозрачность переговоров, и объективность

информации о ходе развития конфликта для всех заинтересованных граждан и других.

В сфере этнополитических конфликтов, как и в других разновидностях конфликтов, действует старое правило: конфликты легче предупредить, чем впоследствии разрешить. На это и должна ориентироваться национальная политика государства. К сожалению, наши властные структуры не имеют четкой и внятной позиции, в первую очередь из-за отсутствия исходной общей стратегии национального строительства в многонациональной России.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ НАКАНУНЕ И В ХОДЕ КРИЗИСА (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВВ.)

Новиков С.С.

Владимирский юридический институт ФСИИ РФ, г. Владимир,

novikov-sergey@bk.ru

В мире насчитывается 3 тысячи народов (этнонациональных групп – 10 тысяч), а государств – всего около 200. На планете существует более 100 стран с национальными меньшинствами, численность которых превышает миллион человек. Естественно, сохраняется внушительное противоречие между большим числом желающих жить в суверенном государстве планеты и сравнительно ограниченным числом имеющихся государств. Такое противоречие становится причиной возникновения межнациональных конфликтов и локальных войн, чего не смогла избежать Югославия.

При создании СФРЮ, основным критерием был этнический состав населения. Этот важнейший фактор впоследствии и был использован идеологами национальных движений и способствовал распаду Федерации. К примеру, в Боснии и Герцеговине мусульмане составляли 43,7% населения, сербы – 31,4%, хорваты – 17,3% [7]. В Черногории проживал 61,5% черногорцев, в Хорватии 77,9% составляли хорваты, в Сербии 65,8%

– сербы, это с автономными краями: Воеводина, Косово и Метохия. Без них же в Сербии сербы составляли 87,3 %, в Словении словенцы – 87,6 %.

Численность населения СФРЮ составляла на январь 1991 г. 23,5 млн. человек. Война затронула все этносы страны, которые по Конституции этой страны подразделялись на народы, «обладавшие нациеобразующей функцией» и имевшие свою государственность в виде союзных республик, и народности или национальные меньшинства, принадлежность к которым определялась не численностью, а наличием своей государственности за пределами СФРЮ. Таким образом, по официальной статистике в СФРЮ проживало шесть южнославянских народов - *македонцы* (1 млн. 341,6 тыс. чел. или 6% всего населения), *мусульмане* (1 млн. 999,9 тыс. чел. - 8,9%), *сербы* (8 млн. 140,5 тыс. чел. - 36,3%), *словенцы* (1 млн. 753,6 тыс. чел. - 7,8%), *хорваты* (4 млн. 428 тыс. чел. - 19,8%), *черногорцы* (579 тыс. чел. - 2,6%). Более 1 млн. 200 тысяч человек идентифицировали себя как югославы [1: 8, 18], которые по мнению М.Ю. Мартыновой, называли себя так, руководствуясь идеями югославянства, убеждениями в том, что в будущем произойдет слияние народов Югославии. [5: 18] Этому не суждено было сбыться.

Более 30 % населения составляли народности: *албанцы* (1 млн. 730,9 тыс. чел. - 7,7%), *австрийцы* (1,4 тыс. чел.), *болгары* (36,2 тыс. чел. - 0,16%), *чехи* (19,6 тыс. чел.), *греки* (16 тыс. чел.), *итальянцы* (15,1 тыс. чел.), *евреи* (1,4 тыс. чел.), *венгры* (426,9 тыс. чел. - 1,9%), *немцы* (8,7 тыс. чел.), *поляки* (3,04 тыс. чел.), *цыгане* (168,2 тыс. чел. - 0,7%), *румыны* (54,2 тыс. чел. - 0,24%), *русские* (4,4 тыс. чел.), *русины* (23,3 тыс. чел.), *словаки* (80,3 тыс. чел. - 0,35%), *турки* (101,3 тыс. чел. - 0,5%), *украинцы* (12,8 тыс. чел.), *влахи* (32,07 тыс. чел.).

Важным моментом в демографической ситуации в бывшей Югославии были смешанные браки. Это так же сыграло деструктивную роль в развитии страны. Меньше всего смешанных браков было заключено албанцами, сербами, мусульманами и словенцами. Это говорит о

стремлении к национальной идентичности и о неприятии смешанных браков в обществе.

В личных документах граждан СФРЮ национальность не указывалась. В Югославии было конституционно закреплено право граждан страны свободно определять свою национальную принадлежность или вообще не определять ее. Статья 170 Конституции СФРЮ, принятой в 1974 г., гласила: «Гражданину гарантируется свобода определения своей национальной принадлежности... Гражданин не обязан высказываться о том, к какому народу или какой народности он принадлежит, не обязан определять свою принадлежность к какому-либо народу или какой-либо народности» [4: 195-196].

На примере Хорватии хотелось бы прокомментировать этнический состав республик СФРЮ. Только в Хорватии проживали представители более чем 25 национальностей и национальных групп. Около одной трети всех браков были смешанными. Существовали целые анклавные венгров, русинов, словенцев, итальянцев (Истрия). И такое положение дел было практически во всех республиках. В ходе вооруженного конфликта эта картина изменилась.

Общим законом о школах, а также принятыми на базе его дополнительными союзными положениями и республиканскими законами определялись условия и способ осуществления прав на образование на родном языке. Согласно положениям этого закона, в районах, где проживали меньшинства, обеспечивалось обучение на их языках для детей дошкольного возраста, в восьмилетних школах, гимназиях, специальных школах и университетах, а также подготовка преподавателей для этих видов обучения. Закон предусматривал и право открытия школ с двуязычным обучением. Так, например, в 1986/87 учебном году в СФРЮ работало 1570 основных школ и 272 средних школы с преподаванием на языках народностей. Больше всего таких школ составляли школы с албанским (1221 – основных и 165 – средних), а также с венгерским (152 основных и

66 средних), турецким (соответственно 62 и 13), румынским (31 и 7), болгарским (31 основная школа), итальянским (27 и 11), словацким языками (26 и 7); кроме того, в ряде школ велось преподавание на чешском, русинском и украинском языках [2: 373]. В университетах функционировали специальные отделения, где преподавание велось на языках национальных меньшинств.

Право на развитие национальной культуры предусматривало создание культурно- просветительных и художественных обществ и объединений или национальных секций при организованных на территориальной основе обществах для развития самодеятельности в области культуры на родном языке, работу народных театров, народных университетов, образовательных центров, издательскую деятельность, радио- и ТВ передачи и т.д. Так, например, в 1988 г. на албанском языке была издана 351 книга, на венгерском – 116 книг, на чешском и словацком – 74, на итальянском – 59, на румынском - 53, на турецком – 25, на русинском - 12, на болгарском – 7 [2: 394]. Кроме того, на этих языках печатались также газеты и журналы – в 1987 г., например, 94 газеты и 65 журналов - из них больше всего изданий было опубликовано на албанском (соответственно 35 и 14) и венгерском (соответственно 32 и 18) языках [2: 393].

Выявляя причины распада Югославии, нельзя не учитывать лингвистический фактор. Около 70% населения бывшей Югославии говорило на сербско-хорватском языке. Это в первую очередь сербы, хорваты, черногорцы, боснийцы. Однако он не был единым государственным языком, в стране вообще не было единого государственного языка. Исключение составляла армия, где делопроизводство велось на сербско-хорватском (на основе латинской графики), команды также подавались на данном языке [6]. Конституция страны подчеркивала равноправие языков, и даже на выборах бюллетени печатались на 2, 3, 4, 5 языках.

В последние десятилетия язык стал предметом политических спекуляций. В Загребе в 1991 г. был создан и до сих пор активно функционирует Институт хорватского языка. Даже в середине 1990-х гг., когда страна испытывала серьезные финансовые затруднения, этот Институт не имел недостатка в средствах [3]. Ученые-хорваты стремились доказать отличие сербского от хорватского языка. Однако признание в Хорватии лишь хорватского языка вызывало недовольство сербов, проживающих в Хорватии. В свою очередь, словенцы и македонцы были недовольны засильем сербско-хорватского языка. В школах Хорватии учили детей по латинице, а кириллица не являлась обязательной.

Последние достоверные сведения о количестве жителей Косово в югославский период относятся к 1981 г. Исходя из данных прошедшей тогда переписи населения страны, в крае тогда проживал 1 млн. 584 тыс. 441 человек. Из них 1 млн. 226 тыс. 736 человек записались в переписных листах албанцами и 209 тыс. 498 – сербами. В Косово жили представители и других этнических групп, но они, будучи малочисленными, составляли в общей сложности менее десятой доли в структуре населения края: это боснийские мусульмане (босняки) – 66189 человек (3,3%); цыгане – 45745 (2,34%); черногорцы – 20365 (1,04%); турки – 10445 (0,53%); хорваты – 8062 человек (0,41%); менее 0,46% по отдельности приходилось на македонцев, словенцев, чехов, немцев.

Переписи населения всегда имеют под собой важную политическую импликацию и подоплеку. Результаты статистического учета приобретают идеологическое звучание и используются в борьбе за власть. Осознавая это, перепись в СФРЮ 1991 г., а тем более перепись в Сербии 2002 г. албанцы бойкотировали. Поэтому в последние годы XX в. о размерах этой этнической группы можно было судить лишь на основании экспертных оценок. По расчетам Союзного управления по статистике, численность населения Косово к 1991 г., т.е. за десятилетие, возросла приблизительно на 400 тыс. человек и

почти достигла 2 млн. – 1 млн. 956 тыс. 196 чел. Она превысила численность таких этнических групп СФРЮ, как македонцы, черногорцы, словенцы.

Если сопоставить эти данные с показателями середины XX века, становится еще более очевидным, сколь быстро растет численность албанцев. Доля албанцев в общей численности населения СФРЮ к 1991 г. увеличилась с 7,7 до 16,5%. В то же время процент сербов в структуре населения края постепенно падал: с 23,6% в 1948 г. до 14,9% в 1981 г. и до 9,9% в 1991 г. Усиление этнической гомогенности Косово в пользу албанцев является следствием как демографических, так и политических факторов: высокого уровня рождаемости у албанцев, снижения смертности, низкой естественной репродукции сербов, а наряду с этим постепенного вытеснения неалбанского населения, приводящего к его эмиграции из края и других обстоятельств. Представительство албанцев в органах власти края и Сербии постоянно увеличивалось, а край имел даже больше прав, чем союзные республики (в частности по вопросам внешней политики, обороны, формирования бюджета)

Процесс возрастания этнической однородности населения Косово продолжается и в настоящее время. К началу XXI в. албанцы составляли уже около 90% жителей. Они также компактно расселены и в других частях бывшей Югославии – в южных областях Сербии за пределами Косово (общины Прешево и Буяновац), в ряде юго-восточных областей Черногории (общины Улцинь, Подгорица, Плав и др.), в Македонии. В центральной Сербии и Воеводине албанцы живут дисперсно и главным образом в городах. Население Косово очень молодое на фоне других европейских регионов. Как сообщают демографы, к середине 1990-х гг. возраст 52% косовских албанцев не превышал 19 лет, тогда как средний возраст в Косово составлял около 24 лет.

По сведениям Статистического бюро Косово, в 2005 г. на территории края проживало 1,9 млн. человек. Из них 88% – албанцы, 7% – сербы, 5% – босняки, горанцы, торбеши, ромы, египтяне и турки. 33% от общего числа жителей – дети до 14 лет. Людей старше 65 лет – всего 6%.

Как сообщают источники, в северном Косово проживает 50 тыс. сербов, а в анклавах, разбросанных в других частях Косово – еще 70 тыс. Особенно массовым был отток славян в конце 1990-х гг. Во время операции НАТО Косово покинуло около 300 тыс. жителей, из которых около 200 тыс. – сербы. Еще одна волна массового исхода сербских жителей районов Косово последовала после 17 марта 2004 г., когда произошло последнее значительное столкновение между сербами и албанцами.

Демографическими проблемами занимался ряд научных учреждений, широко использовался институт комиссий по межнациональным отношениям, функционирующих на союзном, республиканском и краевом уровнях. Однако государство упустило инициативу в решении этих проблем.

Примечания.

1. Popis stanovništva, domaćinstava i stanova 1981 godini. Nacionalni sastav stanovništva poopstinama. Konacni rezultat // Statisticki bilten. Beograd. 1982. Br. 1295. S. 8, 18.
2. Statisticki godisnjak Jugoslavije 1989. Beograd, 1989. S. 373.
Statisticki godisnjak Jugoslavije 1989. Beograd, 1989. S. 393.
Statisticki godisnjak Jugoslavije 1989. Beograd, 1989. S. 394.
3. Интервью Славена Летицы, известного хорватского политика, одного из кандидатов на пост президента страны 2000 г. См: Vecernji List. 2000. Ozujak, 4.
4. Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославии. Белград. 1974. Ст. 170. С. 195-196.
5. Мартынова М.Ю. Балканский кризис: народы и политика. С. 18.
6. Хорватский автор Звонко Ковачич в своей работе «Daruvar. Farewell to lies» говорит о различиях в хорватской и сербской военной терминологии, что приводило к созданию конфликтных ситуаций в армии еще до начала военных действий начала 1990-х гг.

7. Энтони Борден, директор института войны и мира говорил: «Боснийская мультикультура очень деликатна. Лучше ее не трогать». Цит. по: Borden A. The lesson unlearned // War report. 1998. № 58, Feb.-March. P. 7.

**ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ
ГОСУДАРСТВ НА ПРИМЕРЕ КОРОЛЕВСТВА ШВЕЦИИ
С 1700 ПО 1718 ГОДА**

Осяев А.Г.

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,

г. Рязань, osyaev83@mail.ru

Складывание различных политических режимов в государствах можно представить в виде своеобразной структуры. Исследованием подобных вопросов занимается наука о нелинейных процессах – синергетика. Согласно её положениям, любой процесс можно разложить на элементы, составляющие систему. Они определяют её свойства, цели и вектор развития.

Объединять в системы можно различные процессы. Например, международные отношения и внутреннюю политику страны, которые вместе могут составить структуру, формирующую политический режим государства. Алгоритм её работы будет следующий. Ситуация в мире выступает, как первоочередной элемент, а действия правительства страны внутри государства, как подчинённый. Причина такого расположения видится в том, что именно общемировые события (войны, дипломатические альянсы, локальные конфликты и т.п.) заставляют политических лидеров принимать или не принимать в них участие. В свою очередь, для проведения, выбранной линии поведения, понадобятся ресурсы (людские и финансовые). Их можно получить внутри страны по средствам объявления мобилизации, введения дополнительных налогов и т.д. Данные меры

население может поддержать, а может и выступить против них. В итоге возникнет ситуация, способствующая смене политического режима страны.

Действие подобной системы, можно рассмотреть на примере Шведского королевства в период участия его в Северной войне. Здесь выделяется три системы. Первая – это международные отношения. Её элементами будут общемировая ситуация и непосредственно внешняя линия поведения страны. Следующей системой будет внутренняя политика государства. У неё существует две составляющих: политический лидер, формирующий различные внутренние указы и законы, и общественные классы, живущие по этим нормам. И, наконец, третья система – это непосредственно политический режим, включающий в себя, в качестве элементов, первые две системы.

Напомним, что к началу XVIII века Швеция представляла собой абсолютную монархию, где королю принадлежала вся полнота власти. Он был, кроме того, и главой лютеранской церкви. Для проведения своей политики монарх использовал Королевский Совет (риксрод), епископов и парламент страны (риксдаг). Последний был совещательным органом. В него входили все сословия королевства (дворяне, духовенства, горожане и крестьяне). Собирались они по желанию монарха и разбирали только те вопросы, которые он выносил на повестку. Именно против такого государства в 1700 г. начала войну Северная Лига, куда входили Дания, Саксония и Россия.

Возникновение реальной военной угрозы привело к тому, что вектор внешней политики Швеции был направлен на её компенсацию. Так система вышла из равновесия, начала колебаться и сформировала свою основную цель – война с Северной лигой. В это время, конструкция внутренней политики тоже начала меняться, сформировав свою цель. Она полностью отвечала цели внешней политики и представляла собой поддержку политики короля в его противостоянии с Лигой. Мы видим, что цели систем

совпадали, развитие шло линейным образом, и структура политического режима оставалась прежней.

Тем временем, на другом конце Европы в 1702 г. возник новый конфликт. Это война за Испанское наследство. В нём с одной стороны принимали участие Франция и Испания. Против них выступили Англия, Соединённые Провинции и Священная Римская Империя. Этот конфликт привёл к тому, что второй элемент системы международных отношений был вынужден реагировать на него: между Парижем и Стокгольмом имелись тесные дипломатические отношения. Помощь последнего Франции явно не помешала бы, т.к. её войска, союзники теснили практически на всех фронтах. Реакция внешней политики Швеции проявилась в том, что в 1707 г., находясь в Саксонии, король Карл XII рассматривал вариант вступления в этот конфликт. Сложилась ситуация, при которой система вышла из равновесия из-за войны за Испанское наследство. Она сформировала новую цель. Однако она была отброшена структурой, т.к. второй элемент (внешняя политика) направил своё воздействие на поддержку войны с Лигой. В тоже время, южная война привела к тому, что первая система начала развиваться нелинейно.

В этот же период (1702-1707 гг.) система внутренней политики работала на поддержку целей внешней. Основную деятельность в это время в стране осуществлял Совет по обороне. Его создал Карл XII ещё в 1700 г., когда уехал возглавлять действующую армию. Члены Совета поставляли в действующую армию рекрутов и собирали налоги с населения. Деньги, в основном, шли на осуществление мирной жизни, т.к. война велась на территории противника, и армию содержало население тех краёв. Правда, Северная война привела к увеличению дефицита бюджета. Связано это было с тем, что рекрутские наборы стали более частыми. Это привело к значительному увеличению финансовых расходов на них. В этой связи, среди членов Совета (состоящих из членов риксрода) возникла группа аристократов, которые предлагали королю прекратить конфликт и

заклучить мир. Но данный элемент системы, вскоре, ею был отброшен. Причиной этому была его невозможность занять место первого элемента и повлиять через нормативные акты на второй. Мы вновь наблюдаем совпадение целей двух подсистем политического режима. Правда, его первый элемент стал развиваться нелинейно, что привело к его выходу из равновесного состояния.

В течение следующего периода (1708-1713 гг.) у системы международных отношений сложилось одновременно несколько целей: войны с Россией, Данией, Саксонией или германскими государствами. Вызвано это было тем, что в этот период ситуация в Европе развивалась стремительно. Швеция потерпела поражение от России и стала пытаться втянуть в войну Турцию. В это время Париж окончательно понял, что одержать победу в конфликте за Испанию не получится. Он был вынужден ждать подходящего момента для переговоров. Англия и Империя искали новых союзников, чтобы продиктовать на будущем дипломатическом форуме свои условия Франции. Германские государства воспользовались поражением Стокгольма на Украине и пытались захватить себе часть его континентальных владений. Отслеживать столь масштабные и множественные события внешняя политика не смогла. Поэтому и появилось одновременно несколько новых целей. Отметим, что среди них не было конфликта в союзе с Парижем, т.к. в 1713 г. война за Испанское наследство закончилась.

В этот же период времени изменилась и структура внутренней политики. У неё, также, появилось несколько целей. Первая была направлена на продолжения Северной войны. Для этого в стране началась проводиться налоговая реформа, и увеличилось фискальное бремя. Но, не смотря на рост финансовой нагрузки, политику короля поддерживали служивое дворянство, церковь и податные сословия. Вторая цель – это заключение мира с Лигой. Она появилось под воздействием, сформированного в прошлый период времени, нового элемента в лице

высшей аристократии. Хотя с 1702-1707 гг. он был отброшен системой внутренней политики, но после ряда внутренних преобразований, был принят ею вновь. Таким образом, политический режим вышел не просто из равновесия, он стал двигаться нелинейно. Цель первого элемента полностью компенсировалась одной из целей второго элемента. В то же время, внутренняя политика сформировала второе направление своего развития. Пока оно не могло влиять на внешнюю политику, но привело к нелинейному развитию второго элемента и структуры политического режима в целом.

В следующий период исторического развития (1714-1718 гг.) системой международных отношений из множества вариантов различных конфликтов, был выбран один. К нему относиться война с Данией за Норвегию. Это было вызвано тем, что продолжать войну со Стокгольмом его основные противники посчитали не выгодным. Им был нужен мир. В то же время, Швеции необходимо было чем-то компенсировать потерю Померании. В качестве подобных земель выступала Норвегия, куда и были направлены войска.

В свою очередь, у внутренней политики также была обозначена своя цель. Это заключения мира со всеми противниками, в том числе и с Данией. Произошло это из-за борьбы короля и членов риксрода. В ней победили последние – Карл XII был убит в районе боевых действий на границе с Норвегией – и заняли место первоочередного элемента. В итоге в системе политического режима возникла ситуация противоборства двух элементов. Это привело к переходу системы в нестабильное состояние, в котором развитие событий могло пойти по различным вариантам. Среди основных, была возможность смены политического режима. Это произошло в результате принятия новой Конституции королевства в 1719 г., по которой король стал царствовать, но не править. Вся полнота власти была передана риксдагу и риксроду.

Таким образом, мы проследили развитие политического режима при помощи системы. Мы увидели, что на его формирование оказывает влияние, как внутренне положение в государстве, так и международные отношения.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ХАНТИНГТОНУ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ХАОС XXI ВЕКА

Петелин Б.В.

Череповецкий государственный университет, г. Череповец,

PBWtscherepowez@mail.ru

Тезис Хантингтона – «мир как столкновение цивилизаций» был снят им самим, возможно, под давлением критики, что обрушилась на автора, известного американского политолога. Впрочем, увлечение «столкновением цивилизаций» осталось, тем более что конфликтность в современном мире значительно возросла, особенно по «линии разлома цивилизаций», как и предсказывал Хантингтон. Правда, эти «столкновения» названы «борьбой с международным терроризмом», в которой вместе с США – лидером «западной цивилизации», участвуют и другие государства. В реалии, принадлежность «терроризма» к «исламской цивилизации» фактически никем не ставится под сомнение. Даже в Европе, где случались террористические акты, все большую напряженность вызывают не они, а мусульманские традиции, закрепляющиеся в повседневной жизни немцев или французов. Что же в действительности переживает современный мир? Действительно ли идет борьба за утверждение определенных цивилизационных ценностей («столкновение цивилизаций»), или мы имеем повторяющуюся в истории картину соперничества за мировое лидерство, территории и ресурсы, затянувшегося из-за глобальности вставших перед человечеством проблем?

Полагаем, что «тезис Хантингтона» лишь отчасти отражает происходящее. США, шире – Запад, давно утратили свои основные цивилизационные характеристики. Нет и научного интереса. Проблема

цивилизационного развития, поднятая в свое время французской школой «Анналов», забыта. Подход признан устаревшим. Связывающимся звеном в «ядре цивилизации» всегда являлась религия, но христианство в Европе давно утратило свою живительную силу, о чем свидетельствуют главные акты Европейского союза, в котором уже состоят 28 государств. Да, есть несогласные, католики, евроскептики, защитники национальных традиций, но их влияние на принимаемые политические решения ничтожно мало. Когда в центре повседневной жизни и современной европейской культуры становятся не евангельские, а противоположные им «ценности», которые имеют большее отношение к социально-экономическим, материальным факторам, то и цивилизация предстает не в прежней, привычной оси координат, а в ином качестве постцивилизационного развития.

Западный образ жизни с узаконенными в нем однополыми браками привлекает многочисленных мигрантов из бедных стран не этим, а уровнем потребления и сохраняющимися пока еще социальными гарантиями. Полностью ассимилироваться с западным обществом, как оказалось, они не в состоянии, а по ряду обстоятельств это просто оказывается и не нужным. Мультикультурность, о чем пришлось заявить европейским лидерам, фактически провалилась. Однако посеянный в Европе цивилизационный хаос, скорее всего, сохранится, если не произойдет последовательного возвращения к подлинным ценностям христианской цивилизации.

Но этот возврат, возможно, не состоится, о чем написал Хантингтон в своей книге, посвященной США (См.: Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2008). Да, американцы остаются одним из самых религиозных народов, о чем свидетельствуют опросы и исследования. Но насколько христианской может быть, например, «Ассамблея Бога», «Объединенная церковь Христа» или «Лига встревоженных женщин», крупнейшая женская организация в США? Кстати, наибольший прирост своей численности в последние годы демонстрируют мормоны. Хантингтон, безусловно, оказался прав в своем

утверждении, что религия окажется важной в сохранении национальной идентичности. Однако на деле «плавильный тигль» перестал «переплавлять» разные народы в единую американскую нацию. Расовые, этнические, языковые обособления в США становятся глубже и шире, если брать географию. Недалек тот день, когда испанский язык, наряду с английским, станет официальным языком США.

Цивилизационный хаос, на наш взгляд, в странах Запада никуда не исчезнет. Данная тенденция сохранится, а с нею и агрессивность западных стран, так как уступать свое лидерство другим странам и регионам они не готовы. Восток, преимущественно представленный мусульманскими государствами, принял вызов Запада, и выступает «единой исламской цивилизацией». Может показаться, что этой цивилизации хаос неведом. Тем не менее, противоречия между исламскими государствами весьма существенны и сами собой они не исчезнут. Главное – нет религиозного единства. К тому же, более века в исламском мире предпринимаются попытки так истолковать ислам, чтобы он стал созвучен ритму научно-технического и социального прогресса и модернизации. Это не просто сделать, если вообще возможно.

Новейшие «исламские революции» показали, что далеко не все мусульмане желают жить в государствах, устроенных согласно Корану. Светский образ жизни для них более приемлем, чем какой-либо иной. Политический вес исламских государств во многом обусловлен нефтью и высокой ценой на нее. Собственно, и терроризм подпитывается из этих источников. Европейцы осознают, что мусульмане вряд ли способны полностью интегрироваться в западное общество. Социальная помощь мусульманским семьям в богатых странах ЕС обеспечивает им более высокое материальное положение, в сравнении с тем, что они имели или могли иметь в собственных странах. Восточные интеллектуалы не против того, чтобы соединить ислам с западными принципами. По их мнению, возникнет новая цивилизация, которая с одной стороны будет иметь

прочные связи с Западом, а с другой – ее основы будут согласованы с исламом.

Попытки исламизировать Европу, как известно, в истории уже были. Но европейцы, несмотря на явный цивилизационный упадок, вряд ли согласятся с повторением подобного выбора. Если допустить, что такой исход все же предопределен, то и в этом случае цивилизационный хаос никуда не исчезнет, ибо основным мегатрендом мирового развития является глобализация, решительно стирающая грани с сохранившихся цивилизаций.

К ВОПРОСУ О ФИНАНСОВОМ ПОЛОЖЕНИИ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Писчикова Н.П.

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,

г. Рязань, n.pischikova@rsu.edu.ru

В начале XX века финансовая система России находилась в тяжелом положении. Большие средства уходили на содержание армии, полиции, чиновников и подавления выступлений. Установление винной монополии в 1895 г., а также проведение денежной реформы в 1898 г. не способствовали улучшению ситуации.

Кризис 1900–1903 гг. нанес сильнейший удар по финансовой системе России. Попытки спасти промышленные предприятия, не приносящие выгод, поддержание развивающейся банковской системы значительно опустошали правительственную казну. Министерство финансов искало пути выхода из кризиса финансовой системы в сокращении дефицита бюджета за счет увеличения налогов, как прямых, так и косвенных, а также в уменьшении выделения средств на преобразования в военной, экономической и культурной сферах жизни государства.

Годы русско-японской войны, сопровождавшиеся непрерывными поражениями русской армии, а также беспокойство во внутренней жизни

страны, связанное с революцией, все больше подрывали кредитоспособность России в глазах иностранного капитала.

Военные действия вызвали резкое сокращение притока капитала. Так, если посмотреть на динамику капиталовложений в нашу экономику, то можно увидеть, что за трехлетний период с 1903 по 1905 гг. они сократились в 5 раз. Министерство финансов на протяжении военных действий полагало, что сможет уравновесить положение бюджета за счет небольших внешних займов краткосрочного характера. Однако финансовое положение резко ухудшалось.

Финансовая система страны определялась государственной и частной формами банковского капитала. Центральное место отводилось Государственному банку, который выполнял две основные функции: эмиссионную и кредитную. Он оказывал поддержку банковским монополиям, занимался государственным кредитованием промышленности и торговли. Дворянский земельный и Крестьянский поземельный государственные банки способствовали укреплению капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Вместе с тем своей кредитной политикой они поддерживали помещичье землевладение.

Заметную роль играла система акционерных коммерческих банков, принимавших активное участие в развитии кредитной системы. В России шла концентрация и централизация капитала крупными акционерными банками (Русско-Азиатский, Петербургский международный, Российский для внешней торговли, Азовско-Донской и др.). Они объединяли 47% всех активов, проникая во все сферы экономики и оказывая сильное влияние на социально-политическую жизнь страны.

Общая золотая наличность Государственного банка на март 1904 г. составила 905,8 млн. рублей, из которых 268,3 млн. рублей числились как принятые по операции репорта. Наличность золота в России насчитывала 772,9 млн. рублей, за границей находились суммы Государственного банка в размере 156,9 млн. рублей и Государственного казначейства – 86,1 млн.

рублей. Сумма же кредитных билетов, находившихся в обращении, достигала 680 млн. рублей. Если рассмотреть положение с кредитными билетами, то, согласно эмиссионному закону 1897 года из первых 600 млн. рублей кредитных билетов, выпущенных в обращение, должны были быть покрыты золотом 300 млн. рублей, а каждый кредитный рубль, выпущенный свыше 600 млн., должен был быть обеспечен золотом рубль за рубль.

Вследствие этого, Государственный банк, не исчерпав своих эмиссионных возможностей, мог формально выпустить кредитных билетов на 525,8 млн. рублей. Кроме того, было произведено сокращение сметных расходов, в том числе по железнодорожному строительству, на 149 млн. рублей, добавим к этому и то, что по расчетам Комитета финансов Россия в начале войны могла располагать дополнительными средствами в размере 157 млн. рублей.

По распоряжению правительства 17/30 марта 1904 г. было проведено специальное заседание Комитета финансов, где основным вопросом стало обсуждение общего финансового положения России. По предложению министра финансов Комитет финансов одобрил ряд мер, которые должны были обеспечить сохранение устойчивого денежного обращения, основанного на свободном размене кредитного рубля на золото даже в том случае, если общая сумма военных расходов достигла бы 1 миллиарда.

Во-первых, было решено осторожно использовать эмиссионное право, производя новые выпуски кредитных билетов не сразу на крупные суммы, а по частям, по мере надобности, «без оповещения в газетах о каждом выпуске».

Во-вторых, в Маньчжурии, с целью поддержания устойчивого курса кредитного рубля, который стал колебаться с началом войны, Министерство финансов решило через отделения Русско-Китайского банка ввести размен кредитных билетов на ланы. Вследствие этого, было решено максимально ограничить вывоз золотой валюты в Маньчжурию.

В-третьих, были приняты меры в отношении валюты, политики Государственного банка, денежного обращения и биржи. Что касается первого постановления, то необходимо было исключить спекуляцию по вопросам сделок с валютой, как наличной, так и срочной (включая операцию репорта), установить для этого специальный процент и контроль Государственного банка, с целью остановить чрезмерное нарастание нашей заграничной задолженности по краткосрочным обязательствам. В отношении Государственного банка следовало не допустить расширения активных операций путем правильного регулирования учетно-ссудного процента и общей политики банка, а также сдержанно использовать право выпуска кредитных билетов. По вопросу денежного обращения предпринять выпуск пятирублевых и десятирублевых купюр, но начать выдачу с районов Сибири. В отношении последнего раздела постановления Комитет финансов для поддержания курсов ценных бумаг санкционировал дальнейшее авансирование из средств Государственного банка.

В марте 1904 г. П.А. Сабуров представил отчет, в котором говорилось, что мобилизация финансовых ресурсов позволяла изыскать сумму (свыше 700 млн. рублей), достаточную для ведения войны вплоть до января 1905 года (при расходах на войну - 2 млн. рублей в день).

Итак, если военные действия со стороны России завершались победами, то в течение нескольких месяцев она могла вести войну без привлечения внешних займов. Однако, в случае поражений истратив все ресурсы к началу 1905 г., Россия оказалась бы на грани банкротства. Вследствие чего, было принято решение (впервые за период существования Министерства финансов) пойти на полное использование эмиссионного права Государственного банка и временно расширить контингент не покрытых золотом банкнот. Однако ситуация не принесла долгожданных изменений. Для финансового положения страны обстоятельства складывались неблагоприятно, рассматривались различные варианты

событий, поэтому было решено искать выход из сложившихся финансовых трудностей путем обращения к внешним источникам.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ В ПРЕПОДАВАНИИ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ В ШКОЛЕ

Пылёнова С.С.

*МБОУ «СОШ №15» с углубленным изучением отдельных предметов,
г. Гусь-Хрустальный Владимирской области, sveto4iek85@yandex.ru*

*Учителя, как местные светочи науки,
должны стоять на полной высоте
в своей специальности.*

Роль учителя в жизни общества сегодня никому объяснять не надо. Все прекрасно понимают, что и в XXI веке передовой педагогический опыт является движущей силой. Современная школа в условиях внедрения Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) остро нуждается в учителях, способных адекватно реагировать на изменение образовательной ситуации, на новые условия профессиональной деятельности. Сегодня ФГОС определяют стратегию развития и повседневную практику среднего (школьного) образования в России. В 2014 г. стандарт второго поколения переходит в основную школу (5-9 классы).

Разработка стандарта – это общенациональный приоритетный проект, достижение которого возможно при условии скоординированных действий всех заинтересованных субъектов. ФГОС – это целостная система требований ко всей системе образования страны, которая призвана обеспечить системные изменения всей деятельности образовательного учреждения. Стандарты второго поколения является инструментом обеспечения баланса целей личности, общества и государства в образовании.

Жизнь в современном обществе выдвигает новые требования к социализации обучающихся и их профессиональной ориентации. Поэтому

принципиальным отличием ФГОС является усиление их ориентации на результаты образования. Современные реалии российской школы требуют существенного изменения в структуре, содержании организации образовательного процесса, более полного учёта возрастных особенностей, склонностей и способностей школьников, создания условий для обучения детей в соответствии с их интересами и намерениями в отношении продолжения образования и последующей профессиональной карьеры.

Особенностью проекта стандарта является его направленность на обеспечение перехода от простой ретрансляции знаний к развитию творческих способностей каждого школьника, раскрытию им своих возможностей, подготовке к жизни в современных условиях на основе системно - деятельностного (компетентностного) подхода и придания образовательному процессу воспитательной функции.

В последнее время остро стоит вопрос об изучении истории в школе. Место и роль исторического знания в образовании молодого поколения обусловлены его познавательными и мировоззренческими свойствами, вкладом в духовно-нравственное становление личности человека.

В современной России историческое образование служит важнейшим ресурсом социально-экономического, политического и культурного развития общества и его граждан.

Несомненно, на данном реформационном этапе очень важен опыт работы учителей истории по применению современных технологий обучения. Казалось бы, старое понимание блочного обучения находит сейчас усовершенствованное, более эффективное применение в актуализации изучаемого исторического материала под углом зрения формирования у учеников ценностей гражданина России, российской идентичности, осознания своей принадлежности к истории и культуре своей страны, её социокультурным особенностям, специфике исторического пути, вкладу России в мировую историю и цивилизацию. В связи с этим, задачей каждого учителя истории сегодня является конкретизация в условиях своей

школы собственной методологической стратегии обучения, определение эффективных путей и способов организации воспитания, их реализация на деятельностной основе в своей повседневной педагогической работе. Необходимость изучения истории в школе обусловлена ее познавательными и мировоззренческими свойствами. А самое главное, изучение истории необходимо человеку для понимания своего времени. Исходя из этого, меняется содержание исторического образования, появляются новые подходы преподавания истории в школе.

Новый стандарт преподавания истории в школе предполагает внедрение инновационных концепций и обновлённого учебно-методического комплекса по новой и новейшей истории.

В рамках историко-культурного стандарта учитель должен самые различные подходы для изучения новой и новейшей истории. Концептуальной основой историко-культурного стандарта является *культурно-антропологический подход*. В современных школьных учебниках продолжает доминировать традиционная установка на политическую историю, уходящая корнями в имперскую и советскую школу. Это приводит к тому, что роль личностей, общественных институтов и структур, социокультурные факторы и повседневность человеческой жизни уходят в тень, искажая, в конечном счете, историческую реальность.

В предлагаемом историко-культурном стандарте наряду с большим вниманием к политической истории особое место уделено личности в истории, причем не только через изучение биографий выдающихся людей, но и через постижение перипетий «рядовых граждан», сквозь судьбы которых могут быть показаны социальные и политические процессы. Гораздо большего удельного веса заслуживает освещение проблем духовной и культурной жизни России. Учащиеся должны усвоить, что производство духовных и культурных ценностей не менее важная задача, чем другие виды человеческой деятельности, а изучение культуры и культурного взаимодействия народов России/СССР будет способствовать

формированию у школьников представлений об общей исторической судьбе нашей Родины.

Другим популярным видом обучения стала проектная деятельность. Как лучше всего ее организовать, какие этапы выделить, как выбрать проблему исследования, каковы этапы исследовательской работы, каким может быть результат исследования? Совместная работа ученика и учителя всегда поможет найти ответы на эти вопросы. Проблемно-аналитическое изучение новой и новейшей истории в старших классах нацелено не просто на расширение объема знаний, а на формирование таких умений и личностных качеств учащихся, которые потребуются им для обучения в вузе и, прежде всего, связанных с анализом и объяснением исторических фактов и явлений. Ученики должны уметь формулировать проблему и цели учебной деятельности, определять соответствующие способы и приемы работы, соотносить ее возможные результаты с имеющимися знаниями и умениями по поиску и анализу информации из различных источников.

Большими возможностями по имитированию исторической реальности обладает компьютер и программы, воспроизводящие наиболее существенные черты исторических эпох, социокультурных комплексов. Формируя яркие и объемные представления о прошлом, они создают иллюзию соприсутствия, когда ученик путешествует с каким-либо героем программы в географическом пространстве и во времени. Ученик, двигаясь по различным смысловым, ассоциативным линиям, следит за развитием событий, вмешиваясь в их ход и решая проблемы. Ему представляется возможность встретиться с историческими личностями, познакомиться с хозяйством, бытом, нравами народов древнейших цивилизаций.

Компьютер представляет огромные возможности для моделирования исторических процессов, а также для работы с базой данных – огромным количеством информации, хранящейся в пригодном для автоматической обработке виде. Ученику легко осуществить поиск, систематизацию и

обработку исторических сведений. В процессе работы легко запоминаются события, а также историко-географические названия, имена, даты.

Далее следует *этнокультурный компонент*: история страны через историю регионов. В школьном курсе истории необходимо усилить акцент на многонациональном и поликонфессиональном составе населения разных стран как важнейшей особенности истории.

Выработка сознательного оценочного отношения к историческим деятелям, процессам и явлениям – важнейшая задача преподавания новой и новейшей истории в школе. Современные методы преподавания истории подразумевают гораздо большую активность учеников на уроках, нежели это было несколько десятилетий назад. Поэтому школьный курс истории должен быть обеспечен учебно-методическим комплексом, включающим в себя, помимо учебника, хрестоматии, сборники исторических текстов, атласы. Работа ученика может быть полноценной и минимально трудоемкой только при постоянном использовании информационно-компьютерных технологий.

В условиях развития средств коммуникации, наличия в подавляющем большинстве школ высокоскоростного доступа к сети Интернет (обеспечено за счет реализации Приоритетного национального проекта «Образование»), роль учебника как «хранилища знаний» приобретает новые черты и особенности. Учебник должен не только давать информацию и предлагать интерпретации, но и побуждать школьников самостоятельно рассуждать, анализировать исторические тексты, делать выводы и т. д. Кроме того, современный учебник должен стимулировать учащихся к получению исторических знаний из других источников, а учитель – способствовать овладению учениками исследовательскими приемами, развитию их критического мышления, обучая анализу текстов, способам поиска и отбора информации, сопоставлению разных точек зрения, различению фактов и их интерпретаций. Немаловажно включить в текст самого учебника исторические источники, раскрывающие суть событий

через яркие и запоминающиеся образы. Представляется целесообразным инициировать подготовку тематических модулей для учеников (с соответствующими методическими пособиями для учителей), посвященных различным дискуссионным вопросам новой и новейшей истории.

Исходя из указанных подходов, можно сформулировать следующие рекомендации, которые могут быть положены в основу концепции нового школьного учебника по курсу «Новой и новейшей истории»: изложение материала в учебнике должно формировать у учащихся ценностные ориентации, направленные на воспитание гражданственности и межнациональной толерантности. При этом изложение исторического материала не следует «мельчить», перегружать школьников обилием цифр, второстепенными именами, незначительными событиями.

С подобным подходом имманентно связана и проблема гражданской активности, прав и обязанностей граждан, строительства гражданского общества. Следует уделить внимание (особенно для старшеклассников) историческому опыту гражданской активности других стран, местного самоуправления (общины, самоуправления, гильдии, научные общества, общественные организации и ассоциации, политические партии и организации, общества взаимопомощи, кооперативы и т.д.). При этом следует проводить четкую грань между «нормальными проявлениями» гражданской активности и всякого рода экстремизмом, терроризмом, шовинизмом, проповедью национальной исключительности и т.п.

При формировании у школьников на материале новой и новейшей истории чувства патриотизма нужно иметь в виду, что гордость военными победами предков – неотъемлемая часть отечественного исторического сознания. Желательно акцентировать внимание на массовом героизме в войнах освободительных, прежде всего Отечественных 1812 и 1941-1945 гг. Важно подчеркнуть подвиг русского народа как пример высокой гражданственности и самопожертвования во имя Отечества, не умоляя достоинства и отваги народа-противника.

Вместе с тем, поскольку не только военные победы должны создавать позитивный пафос исторического сознания, самое пристальное внимание следует уделить достижениям других стран в различных областях. Предметом для подражания, несомненно, станет создание науки и культуры мирового значения.

Ключевым звеном концепции должно стать понимание прошлого как неотъемлемой части мирового исторического процесса. В связи с этим необходимо расширить объем учебного материала по истории разных народов, делая акцент на взаимодействии культур, на укреплении экономических, социальных, политических и других связей между ними. Речь должна идти об истории межнациональных отношений на всех этапах новой и новейшей истории.

В школьном курсе должно превалировать созидание, позитивный настрой в восприятии зарубежной истории. Трагедии, разумеется, нельзя замалчивать, но необходимо подчеркивать, что другие страны находили силы вместе или в одиночку преодолевать выпавшие на их долю тяжелые испытания.

Необходимо увеличить число часов (параграфов) по истории культуры, имея в виду в первую очередь социокультурный материал, историю повседневности. Сейчас культура, как и в прежние времена, снова оказалась на периферии школьного курса новой и новейшей истории. Школьники непременно должны знать и понимать достижения западной культуры Средневековья, Нового времени и современности, великие произведения художественной литературы, музыкальной культуры, живописи, театра, кино, выдающиеся открытия ученых и т.д. Важно отметить неразрывную связь зарубежной и русской культуры.

История религий должна излагаться системно и пронизывать собой все содержание учебника. Обязательно также в учебник включать сведения о распространении основных нехристианских конфессий (ислама, иудаизма и буддизма) на территории Европы и Америки.

Концептуально важно сформировать у учащихся представление о процессе исторического развития как многофакторном и многогранном явлении. При этом на различных стадиях исторического развития ведущим и определяющим могут быть либо экономические, либо внутривполитические или внешнеполитические факторы. Современному учителю следует создать отчетливое представление у школьников, что революции и гражданские войны являются не результатом внешнего или внутреннего заговора, но следствием объективно существующих противоречий внутри конкретной страны. Исходя из этого, в соответствии с новым Федеральным Законом «Об образовании», в условиях так называемой «концентрической» системы преподавания истории, следует кардинально пересмотреть содержание курса новой и новейшей истории в школе, делая акцент на синтезе различных общественных наук: истории, географии, обществознании, культурологии и т.д.

Таким образом, в результате повышения качества исторического образования в школе, мы увидим человека – гражданина, креативно и критически мыслящего, активно и целенаправленно познающего мир, осознающего ценность образования и науки, труда и творчества для человека и общества, владеющего основами научных методов познания окружающего мира, мотивированного на творчество и инновационную деятельность, готового к сотрудничеству, способного осуществлять учебно-исследовательскую, проектную и информационно-познавательную деятельность, осознающего себя личностью, социально активного, уважающего закон и правопорядок, осознающего ответственность перед семьей, обществом, государством, человечеством.

Выпускник современной школы должен ясно представлять своё место в мире, быть готовым к осознанному выбору профессии, понимать значение профессиональной деятельности для человека и общества и быть мотивированным на образование и самообразование в течение всей своей жизни.

ДЖОРДЖ Ф. КЕННАН И РЕАЛИЗАЦИЯ «ДОКТРИНЫ СДЕРЖИВАНИЯ» В 1950-1980-Е ГГ.

Райкова В.А.

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, raivera@yandex.ru*

Джордж Фрост Кеннан широко известен как автор «доктрины сдерживания» коммунизма и Советского Союза, определявшей характер американской внешней политики на протяжении 1950-1980-х гг. В конце 1940-х гг., как глава Отдела политического планирования Госдепартамента США, он принимал активные усилия для реализации идей «сдерживания» на практике, однако покинув в 1950 г. дипломатическую службу, Кеннан на долгие годы стал критиком и комментатором американской внешней политики. Изучение кеннановского наследия позволяет делать вывод о его скептическом отношении к реализации идей «сдерживания».

Во-первых, Кеннана беспокоила характерная для западного мира трактовка советской угрозы как несущей опасность новой мировой войны, противостоять которой возможно только военно-силовыми методами, что, в свою очередь, провоцировало невиданную по размаху гонку вооружения. По его мнению, руководители США мыслили советскую угрозу исключительно в военных, а не политических терминах. Особенно настойчиво Кеннан обращался к этой проблеме в 1950-е гг., когда американское руководство изучало и тщательно прорабатывало возможные варианты развития войны с СССР. Ярким свидетельством решительных намерений США может служить директива Совета национальной безопасности № 68 (1950 г.), в которой цели Москвы рассматривались как направленные на «сохранение и усиление абсолютной власти в СССР и территориях, сейчас находящихся под его контролем», что требует «полного свержения или уничтожения аппарата правительства и социальной структуры в странах несоветского мира и их замены аппаратом

и структурой, контролируемые Кремлем». Кеннан был одним из главных критиков директивы №68, неоднократно повторяя, что Советский Союз вовсе не стремится к расширению пределов собственной власти вооруженным путем, предпочитая использовать иные, невоенные средства.

Страх США перед советской угрозой достиг апогея в годы Корейской войны. В мемуарах Кеннан вспоминал, что тогда каждый американец искренне верил, что советские лидеры стремятся к мировому господству, уничтожению американской власти, политических институтов и образа жизни, а любые попытки доказать обратное были бесплодны. В докладе «Советский Союз и Атлантический пакт» (1952 г.) Кеннан вновь утверждал, что Советский Союз не желает войны в обозримом будущем, предпочитая другие методы расширения своего влияния: «обман, скрытое проникновение и подрывная деятельность, психологическая война...». К концу 1970-х гг. Кеннан уже не видел в СССР не только военной, но и политико-идеологической угрозы, а к началу 1980-х гг. вопрос угроз и вызовов со стороны СССР, на его взгляд, утратил всякую актуальность.

Гонка вооружения, начавшаяся сразу после окончания Второй мировой войны, вместо демилитаризации и разоружения, рассматривалась Кеннаном как одна из главных угроз миру. Проблема наращивания ядерного вооружения постепенно стала ключевой в его исследованиях и научном творчестве, воплотившись в создание историко-военного труда «Ядерная иллюзия. Советско-американские отношения в атомный век». По мнению Кеннана, «ядерное оружие должно быть устранено из спектра возможных военных инструментов». В целом, Кеннан признавал, что Соединенные Штаты так и не смогли удержать себя в рамках сдержанного и осторожного подхода во взаимоотношениях с СССР, предпочтя более простое и прямолинейное силовое давление. Это не вызвало у него особого удивления, только тревогу и беспокойство за будущую судьбу человечества. Гонка вооружения, особенно в ядерной сфере, не могла дать миру ничего, кроме ощущения смертности человечества и ограниченности его существования.

Во-вторых, Кеннан с тревогой констатировал отсутствие интереса в западном обществе к политическим, социально-экономическим, культурным процессам в СССР и странах советского блока, что вело к упрощенному восприятию главного соперника и делало собственную политику статичной и негибкой. Наглядным проявлением этого стал агрессивный маккартизм и истеричная антисоветская кампания, захватившая страну в 1950-е гг.

В 1950-е гг. в отношении коммунистического мира действовала «доктрина освобождения» Восточной Европы от советского контроля, предложенная госсекретарем Даллесом и провозглашавшая право США и западного сообщества на более активную, динамичную, наступательную политику в отношении стран-сателлитов СССР. Анализируя содержание «доктрины освобождения», Кеннан видел три слабых места в этой концепции. Во-первых, он полагал, что стратегия «освобождения» имеет мало шансов на успех, учитывая позиции СССР в Восточной Европе; во-вторых, считал, что она не завершенная – если предполагается уничтожение советской власти, то нужно четко представлять, что возникнет вместо нее; в-третьих, Кеннан выражал уверенность, что она будет использована советскими лидерами как повод отказаться от смягчения своего контроля и тем самым будет утрачен, возможно, единственный шанс на предупреждение мировой катастрофы.

Кеннан считал, что советская власть подвержена изменениям разного вида и после смерти Сталина стала эволюционировать в сторону классического авторитарного режима, с которым вполне можно находить общий язык и садится за стол переговоров. Одновременно он видел слабости в советском блоке, который отнюдь не представляет из себя монолит, а подвержен внутренним трещинам. Процесс его расшатывания идет медленно в силу наличия сдерживающих факторов – присутствие советских войск, гибкость советского руководства, готового идти на значительные уступки лишь бы не допустить полного распада внутри своей

сферы влияния. В тоже время, Кеннан с оптимизмом смотрел в будущее и предсказывал ослабление коммунистического влияния и утрату Москвой роли руководящего центра мировым коммунистическим движением.

В-третьих, Кеннан отмечал множество упущенных возможностей, которые периодически возникали перед руководством Соединенных Штатов и Советского Союза и были способны дать начало переговорному процессу между противоборствующими сторонами. Особенно многообещающими выглядели 1950-е гг., когда успех плана Маршалла создал необходимые предпосылки для начала мирного урегулирования. Пробным камнем в смысле желания сторон достичь компромисс могло бы стать создание единой, нейтральной Германии, возможное при выводе войск из Центральной Европы. К большому сожалению Кеннана, этого не произошло. Новый виток потепления отношения в 1970-е гг. также не достиг тех результатов, которые мог. И все же Кеннан был убежден, что необходимость переговоров рано или поздно осознают руководители двух стран.

В-четвертых, по мнению Кеннана, излишняя зацикленность Запада на советской угрозе вела к игнорированию многих других, не менее серьезных и опасных проблем. Речь шла как о сугубо американских проблемах – ухудшение образования, падение культурного уровня, рост наркомании и преступности, устойчивый бюджетный дефицит, иммиграция, так и глобальных проблемах человечества – демографический кризис, угроза экологического коллапса, рост религиозного фундаментализма и терроризма.

По мнению Кеннана, решить первую группу проблем – первоочередная задача для американского руководства, куда более насущная, чем противостояние СССР. «Покажите мне сначала Америку, которая успешно справилась с проблемами преступности, наркомании, ухудшения образовательных стандартов, кризисом городской культуры,

порнографией и т.д... и тогда я скажу Вам, как мы собираемся защищаться от русских» – неоднократно говорил он.

Среди всех глобальных проблем человечества особое беспокойство Кеннана вызывала вероятность экологической катастрофы. В многочисленных интервью он отмечал, что в западном обществе существует две версии катастрофы – война с русскими и экологическое и демографическое бедствие, которое настигнет планету в течение ближайших 60-70 лет. Перед лицом второй угрозы, которая практически неизбежна, «как можно быть настолько поглощенными конфликтом с Россией?» – задавался вопросом Кеннан. К середине 1980-х гг. он уже был твердо убежден, что «необходимо развивать более широкое понятие того, что означает сдерживание – концепцию, более близко связанную со всем количеством проблем Западной цивилизации в данный момент мировой истории – концепцию, другими словами, более чувствительную к проблемам нашего собственного времени».

Таким образом, Кеннан считал, что уже с начала 1950-х гг. его трактовки «доктрины сдерживания» не находили отражения в официальной политике Вашингтона, а, напротив, было прямо противоположны. Вместо понимания советской угрозы как политико-идеологической, преимущественно военная трактовка. Вместо умеренного внешнеполитического курса, больше ориентированного на развитие собственного потенциала и укрепление союзников, силовое давление на противников. Вместо стремления искать точки соприкосновения, конфронтация на всех уровнях во всех уголках мира. Вероятным итогом такой ситуации, по мнению Кеннана, станет не победа одной из сторон, а уничтожение человечества, причем это произойдет не только из-за существования огромного ядерного запаса, но и из-за длительного игнорирования глобальных проблем в силу поглощенности противников друг другом.

**ЦЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА В ВОСПРИЯТИИ
АНГЛИЙСКИХ И СОВЕТСКИХ РАБОЧИХ
(НА ПРИМЕРЕ ЗАБАСТОВОЧНЫХ ДВИЖЕНИЙ
В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В СЕРЕДИНЕ 1920-Х Г.)**

Савосина Ю.В.

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,

г. Рязань, yulya-savosina@yandex.ru

Начало лета 1925 г. было отмечено ростом социальной напряженности в Великобритании. Резко выросшая активность британского пролетариата была реакцией на антисоциально ориентированную политику лейбористов, и сменивших их консерваторов.

В апреле 1925 г. правительству Великобритании удалось восстановить «золотой стандарт», что позволило сбалансировать бюджет. В результате финансовой реформы цена на английские товары на мировых рынках повысилась, что снизило конкурентоспособность английского экспорта. Это привело к сокращению социальных программ внутри страны и негативно сказалась на состоянии для британской промышленности. Перед правительством Великобритании стояла деликатная задача решить проблему, не ущемляя при этом интересы промышленных магнатов. Для снижения себестоимости продукции было решено провести модернизацию английских предприятий.

Летом 1925 г. шахтовладельцы объявили о своём намерении снизить зарплату горнякам на 4-13% и одновременно увеличить рабочий день с 7 до 8 часов. В случае, если горняки не согласятся на подобное нововведение, предприниматели угрожали объявить полный локаут. Однако, весной 1925 г. английские рабочие создали четвёртый союз, в который помимо горняков входили железнодорожники, транспортники и машиностроители. Рассчитывая на их помощь, горняки объявили, что если заработная плата будет снижена, они начнут забастовку. 31 июля 1925 г. правительство Великобритании пошло на компромисс, и предоставило угольным

компаниям субсидии в размере 20 млн. фунтов стерлингов, с условием состояния стабильности заработной платы горняков. Данное действие сопровождалось одновременным отказом углепромышленников от требования об изменении условий труда. Однако выделенных субсидий хватило только на 9 месяцев, т.е. до 1 мая 1926 г. Таким образом, причины социальной напряженности не были устранены, и переход конфликта из латентной в активную фазу был всего лишь вопросом времени.

Новый виток событий не заставил себя долго ждать. Действия, предпринятые правительством, включали создание специальной Королевской комиссии по изучению положения в угольной промышленности. Рамки данного исследования не позволяют детально осветить вопрос об объективности ее членов, но по странному «совпадению» предложения и выводы, представленные в отчете от 10 марта 1926 года, удивительно гармонировали с интересами промышленных магнатов и потому фактически вернули ситуацию в точку отсчета. Комиссия предложила снизить зарплату и увеличить рабочий день горняков. 30 апреля шахтовладельцы передали Федерации горняков свои предложения, предусматривавшие снижение с 33 1/3 до 20% надбавки к тарифу зарплаты 1913-1914 гг., а также увеличение рабочего дня шахтеров с 7 до 8 часов.

Со стороны Федерации горняков последовал незамедлительный отказ. В тот же день был объявлен локаут рабочих угольной промышленности, на что рабочие ответили забастовкой. 1 мая 1926 г. Генеральный совет под давлением рабочих призвал британский пролетариат к началу всеобщей стачки.

В ночь на 4 мая 1926 г. началась всеобщая забастовка. Это было самое крупное в истории рабочего движения Великобритании выступление английского пролетариата, в котором приняли участие свыше 4 млн. рабочих.

Советский Союз расценивал эту забастовку как политический шаг, демонстрацию силы, форму классовой борьбы, как начало пролетарской революции. Официально советское правительство не оказывало финансовой помощи бастующим, однако оно не могло посягать на право советских профессиональных союзов располагать принадлежащими им фондами, или средствами, специально собранными для нужд рабочего класса и поддержки интернационального рабочего движения. Таким образом, активную финансовую поддержку британскому пролетариату оказывали советские профсоюзы, стремясь начать революцию во всем капиталистическом мире.

Однако британские рабочие воспринимали забастовку исключительно как спор относительно заработной платы, как это и было задумано с самого начала. Руководители профсоюзов и подавляющее большинство рабочих не стремились покончить с существующей капиталистической системой, а лишь получить от нее как можно больше привилегий.

Различия во взглядах на цели забастовочного движения стали причиной охлаждения взаимоотношений британских и советских рабочих. Английский пролетариат не желал кардинальных перемен. А из Москвы постоянно приходили новые революционные призывы – это насторожило британских рабочих. Они отказались от финансовой помощи, предлагаемой советскими профсоюзами, под предлогом, что это нанесет ущерб их делу. Советские лидеры восприняли такое действие как оскорбление, что использовали в последующих взаимоотношениях со своими партнерами. Через 10 дней лидеры профсоюзов признали поражение и прекратили всеобщую забастовку. Шахтеры, чьи социальные проблемы и послужили отправной точкой к началу забастовке, были вынуждены в одиночку бороться за свои права, но уже безо всякого успеха. Такое поведение лидеров профсоюзов вызвало негодование со стороны коммунистической партии Советского Союза и было воспринято, как убедительное доказательство продажности руководителей британских профсоюзов.

Данные обстоятельства послужили причиной серьезных осложнений в отношениях между СССР и профсоюзным движением Великобритании.

**ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В КОНГРЕССЕ США И
РАЗРАБОТКА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ПО
ОТНОШЕНИЮ К СССР В ПЕРИОД АДМИНИСТРАЦИИ
РОНАЛЬДА РЕЙГАНА (1987 – 1988 ГГ.)**

Смирнов А.А.

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г.Владимир, andreysmirnov007@yandex.ru*

В ноябре 1986 г. в США состоялись промежуточные выборы в Конгресс. Данные выборы проводятся в середине срока правления главы исполнительной власти и традиционно расцениваются как своего рода референдум о доверии действующему президенту США. Стоит отметить, что в период с 1984 г. по 1986 г. демократическая партия обладала значительным большинством в нижней палате Конгресса (253 к 182). Республиканцы в свою очередь удерживали контроль над Сенатом (53 к 47).

В своих мемуарах спикер Палаты представителей (1977 – 1987 гг.), демократ Тип О'Нил отметил, что «если в 1982 г. главной целью демократической партии было большинство в Палате представителей, то в 1986 г. демократы сконцентрировались на Сенате, где республиканцы были наиболее уязвимы». Политик также подчеркнул, что стремился оставить своему приемнику на посту спикера нижней палаты Конгресса Джиму Райту сильное, консолидированное демократическое большинство. Президент Р. Рейган прекрасно осознавал, что республиканское большинство находилось под угрозой и предпринял все усилия, чтобы сохранить его.

В результате выборов 100-й Конгресс США оказался под полным контролем демократов. Они завоевали 258 мест в Палате представителей. Республиканцы довольствовались лишь 177 местами. Кроме того демократы получили значительное преимущество в Сенате (55 к 45). Как

писал Т. О'Нил «в день выборов Р. Рейган потерпел такое решительное поражение в битве за Сенат, какое мало кто мог предположить». Утрата республиканцами контроля над Сенатом привела к установлению «разделённого правления», «особой политической ситуации, когда исполнительная и законодательная ветви власти попадают под контроль разных партий». Из верхней палаты Конгресса США выбыла группа сенаторов, отличавшихся своими ультраправыми взглядами. Данное событие не могло, не отразится на позициях президента Р. Рейгана в Конгрессе США. Стоит отметить, что усиление монолитности оппозиционной демократической фракции стало одним из факторов, которые привели к ослаблению влияния президента на Конгресс.

Главной целью демократов стал поиск альтернативы курсу Р. Рейгана. И внешнеполитическая сфера, а в частности сфера ограничения вооружений могла стать отличной ареной для демократической партии, чтобы эту самую альтернативу показать. Демократы старались сформулировать собственную концепцию внешнеполитического курса на советском направлении. Данная концепция должна была ориентироваться, прежде всего, на дипломатическое разрешение споров на международной арене и нахождение компромиссов по самым острым вопросам внешней политики.

В начале марта 1987 г., по опросу Гэллапа, лишь 40% американцев положительно оценили деятельность Р. Рейгана, а по опросу «Вашингтон пост» - «Эй-би-си Ньюс» одобрение внешней политики Рейгана упало до 33% - самый низкий уровень за все его президентство.

Конгрессмены не рассчитывали на кардинальную смену военно-политического курса администрации Р. Рейгана по отношению к СССР. Однако во второй половине 80-х гг. можно наблюдать попытки Капитолия скорректировать внешнеполитическую программу администрации. Анализ законодательных предложений периода второй администрации Р. Рейгана показывает, что Капитолий неоднократно прибегал к тактике оговорок и необязательных рекомендаций.

Изменилось отношение Конгресса к рейгановской программе «звездных войн». В период первого президентского срока Р. Рейгана конгрессмены считали, что «президент прав, защищая и поддерживая СОВЕТСКИЙ СОИ». Члены парламента надеялись обрести в лице «звездных войн» средство влияния на СССР, способ коррекции советской внутренней и внешней политики. Однако с 1986 г., а особенно с момента попадания обеих палат Конгресса США под контроль демократической партии, законодатели начинают говорить о дороговизне программы «звездных войн», её неэффективности для обеспечения национальной безопасности американского государства.

Спикер нижней палаты Конгресса Т. О'Нил заявил: «Мы думаем, будет разумным сократить расходы на стратегическую оборонную инициативу и выделить на неё в 1987 финансовом году 3,5 млрд долл. вместо 5,3 млрд долл, запрошенных Белым домом». По подсчетам специалистов первая ступень развития программы «звездных войн» потребовала бы от 70 до 100 млрд долл. Американский парламент выступил «за запрещение испытаний в космосе, отказываясь в 1988 году от их финансирования».

Своеобразным «звонком» для Белого дома о необходимости коррекции курса администрации Р. Рейгана к контролю над вооружениями стали несколько поправок Палаты представителей к бюджетным законопроектам 1986 фин. г. Противостояние между президентом и Конгрессом по поправкам началось осенью 1986 г. и продолжалось в первой половине 1987 г.

Стоит отметить поправки, которые при обсуждении законопроекта об ассигнованиях на нужды обороны попыталась принять Палата представителей для корректировки курса Белого дома в отношении СССР. Речь шла о соблюдении лимитов Договора ОСВ-2, запрещении ядерных испытаний сверх уровня в 1 килотонну, ограничении ассигнований на «стратегическую оборонную инициативу», моратории на испытания

противоспутниковой системы и запрете производства бинарных химических боеприпасов. Борьба вокруг данных поправок выявила ограниченность оппозиции Конгресса президенту. Поправки не повлекли за собой корректировку курса исполнительной власти в области контроля над вооружениями. Однако Р. Рейган и его окружение не могли не учесть настроений конгрессменов и общества в целом.

Действия высшего законодательного органа страны отличались противоречивостью. Бывший сенатор, председатель сенатского комитета по делам вооруженных сил, республиканец Дж. Тауэр считал, что данные поправки Палаты представителей «нарушили равновесие в распределении полномочий, предусмотренное конституцией... Конгресс по своей природе не в состоянии разрабатывать и проводить в жизнь собственную всеобъемлющую, единую и последовательную долгосрочную политику в области контроля над вооружениями». Несмотря на то, что далеко не все поправки были одобрены Сенатом, их обсуждение не могло не повлиять на политику Белого Дома. Поправки не повлекли за собой корректировку курса исполнительной власти в области контроля над вооружениями. Однако Р. Рейган и его окружение не могли не учесть настроений конгрессменов и общества в целом.

Многих законодателей тревожили последствия наращивания темпов гонки вооружений для социально-экономического развития США. Члены Конгресса верили, что огромные деньги, которые Белый Дом вкладывал в оборонные предприятия, могли бы пойти на решение важных экономических проблем. Председатель комитета по делам вооруженных сил палаты представителей Л. Эспин утверждал, что «отказ от ОСВ в чисто долларовом исчислении обошелся бы США в 100 млрд долл.». Кроме того возможный отказ от едва зарождающейся правовой базы американо-советских отношений вызывал опасения за национальную безопасность.

8 декабря 1987 г. в Вашингтоне Р. Рейган и М. С. Горбачев подписали Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД).

Интересным аспектом представляется процесс ратификации РСМД Конгрессом США. Когда президент попытался интерпретировать Договор по ПРО 1972 г., демократы выступили против любых интерпретаций со стороны исполнительной власти. В марте 1987 г. сенатор С. Нанн раскритиковал позицию администрации Р. Рейгана. Демократы утверждали, что Белый дом не имел права изменять интерпретацию договора, принятую Сенатом без «совета и согласия» Капитолия. У Р. Рейгана была иная точка зрения по данному вопросу. Демократическое большинство совершило несколько попыток укрепления своей позиции через законодательный процесс. В сентябре 1987 г. С. Нанн направил президенту Р. Рейгану письмо, в котором указал, что позиция администрации о возможности менять интерпретацию одобренных Сенатом договоров «имеет серьезные последствия для работы Сената по ратификации всех будущих договоров, в том числе и возможного договора о ядерных силах промежуточной дальности».

С 1987 г. администрации Р. Рейгана пришлось начать поиски альтернативных путей решения внешнеполитических проблем и проблем национальной безопасности. Это связано с тем фактом, что республиканцы проиграли демократам сражение за Капитолий, а деятельность республиканской администрации подвергалась критике со стороны американского электората.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФИНАНСОВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В БРЮССЕЛЕ (1920 Г.)

Соколов А.С.

Рязанский государственный радиотехнический университет,

г. Рязань, falcon140770@yandex.ru

Во время Первой мировой войны произошло разрушение системы золотого стандарта. С началом военных действий торговые сделки между

странами Антанты и Центральными державами полностью прекратились. Версальский мирный договор 1919 г. завершил Первую мировую войну. В соответствии с условиями, разработанными Парижской мирной конференцией для регулирования международных отношений, была создана Лига Наций. После окончания войны международное сообщество предприняло попытку вернуться к былой стабильности и восстановить довоенный золотой стандарт. Международная финансовая конференция, проходившая в Брюсселе с 24 сентября по 8 октября 1920 г. под эгидой Лиги Наций, рассмотрела проблему стабильности валютных курсов. Началу созыва конференций предшествовали переговоры между консультантами английского казначейства и администраций президента США Гувера о заключении внешнего займа для восстановления разрушенных войной территорий. Переговоры закончились отказом со стороны США к кредитованию наиболее пострадавших от войны стран. В феврале 1920 г. совет Лиги Наций принял решение созвать международную конференцию в Брюсселе с целью изучения финансового кризиса и изыскания средств для ослабления его опасных последствий. В работе конференции приняли участие 39 стран. Кроме государств, входивших в Лигу Наций, на конференции были представлены США, Германия, Австрия, Люксембург, Болгария и страны Прибалтики. Население представленных на Брюссельской конференции стран было равно 75% населения земного шара. Как писал экономист П.Н. Апостол конференция «носила характер консилиума врачей, призванных к постели тяжело больного. Она не являлась совещанием облеченных полномочиями представителей государств и не была правомочна высказываться и принимать решения от имени государств. Ее роль сводилась к постановке диагноза и к выработке методов лечения».

Работа конференции была разделена между 4 комиссиями: по вопросам государственных и местных финансов; по вопросам денежного обращения и международных расчетов; по внешней торговле; международному

кредиту. Конференция обратила внимание на тяжелое положение европейских воевавших стран. Было указано, что необходимым условием экономического равновесия является международный мир, прекращение военных действий и устранение самой атмосферы войны. Подчеркивалась необходимость устранения социальных трений, восстановление социального равновесия с целью увеличения объемов производства. Одним из основных требований конференции стало уничтожение бюджетных дефицитов. В связи с этим европейским странам предлагалось сократить военные и чрезвычайные расходы, осуществлять внутренние займы для покрытия расходов по восстановлению разрушенного хозяйства. Конференция рекомендовала осуществлять большую гласность в финансовых вопросах в целях привлечения к ним общественного интереса.

Основную причину расстройства денежного обращения Брюссельская конференция видела в инфляции. «Повсюду, где увеличение обращения явилось результатом инфляции (денежной или кредитной), мы констатируем болезненное явление постоянного повышения товарных цен и заработных плат, вызывающее постоянно новую инфляцию, отчего в результате получается полная дезорганизация делового оборота, прогрессивное увеличение стоимости жизни, расстройство валютных курсов и неизбежное недовольство среди рабочего класса», – говорилось в резолюции конференции. Первым шагом к устранению неблагоприятных последствий инфляции конференция считала прекращение нового выпуска денежных знаков и кредитование государств в банках. Странам – участницам конференции предлагалось расширять производство и сокращать потребление. «При современном финансовом хозяйстве, – говорилось в документе, – в большинстве стран было бы тщетно ожидать немедленного исчезновения всех тех условий, которые вызывают увеличение денежного обращения. Однако сокращение выпусков несомненно осуществимо и, что в особенности важно, параллельно с эмиссиями должно идти развитие производства и оборота, являющегося как

бы противоядием искусственного расширения денежного обращения. При таких условиях возможно приостановить инфляцию и более или менее зафиксировать ценность денежного знака».

Брюссельская конференция решительно высказалась за восстановление системы золотого монометаллизма. «Мы считаем крайне важным, – говорилось в резолюции конференции, – чтобы мир обладал общим денежным измерителем. Таковым является золото. Поэтому крайне желательно, чтобы страны, уклонившиеся от золотой системы, к ней вернулись». Конференция рекомендовала создание международной организации, предназначенной для помощи слабым в финансовом отношении странам, создание Международной расчетной палаты и организацию национальных центральных банков как средств восстановления и поддержания международной финансовой стабильности.

Россия не была приглашена на Брюссельскую конференцию, но как отмечал П.Н. Апостол ее работы «могут, однако, сослужить ценную службу при будущей реконструкции России». Советские экономисты внимательно следили за работой международного финансового форума. В 1922 г. Институт Экономических Исследований Наркомата финансов СССР издал труды Брюссельской финансовой конференции с целью теоретического изучения экономики и финансов пережитой бурной эпохи.

Главной заслугой Брюссельской международной финансовой конференции состояла в том, что при изыскании методов борьбы с финансовыми и экономическими затруднениями «она стояла на строго реальной почве, и в основе всех ее предложений лежат проверенные практикой и признанные наукой принципы». Идеи о возврате мировых держав к золотому стандарту нашли свое воплощение в дальнейшем в ходе работы Генуэзской конференции, в работе которой приняла участие и Советская Россия.

ФЕНОМЕН КВЕБЕКСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА И ПОЛИТИКА МНОГОКУЛЬТУРНОСТИ В КАНАДЕ

Соколов В.И.

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН),

г. Москва, racs@yandex.ru

Пути формирования национальной идентичности двух государств Северной Америки – США и Канады – оказались, в конечном счете, разными, что во многом обусловлено историческими особенностями их колониального прошлого. Если Соединенные Штаты часто называют «плавильным котлом», в котором стираются грани этнических различий переселенцев и формируется единая нация американцев, то в Канаде подобный процесс столкнулся с наличием в стране двух центров формирования канадской нации – англоязычной и франкоязычной. Культурный разлом между этими двумя центрами оказался решающим в создании сначала двуязычного государства, каким ныне является Канада, а в дальнейшем и в принятии государственного курса на мультикультурность. Курс этот в идеале предполагает сохранение и государственную поддержку этнических сообществ, их саморазвитие и взаимное обогащение в рамках канадского государства и общества. Канадская модель построения многокультурного общества направлена на сосуществование многих субкультур и традиций на основе взаимного уважения, взаимодействия и взаимообогащения.

Всесторонняя помощь в сохранении субкультур многообразной иммиграции в Канаду не в последнюю очередь направлена и на сглаживание тех противоречий и проблем, которые и поныне существуют между потомками двух наций-основательниц страны – французами и британцами. Эти противоречия, порой принимавшие конфликтные формы и даже кризисов, нередко выходившие из области культуры и языка в сферы политики и экономики, тем не менее, разрешаются путем диалога, уступок, мирного взаимодействия в решении общенациональных задач.

Франко-канадская община страны, проживая компактно на территории провинции Квебек (80 % населения провинции и 60 % которых владеют только французским языком) сохранили и поддерживают не только язык, но и свои уникальные традиции, а также символы своей идентичности. Сохранение языка, традиций, культурных и религиозных ценностей, саморазвитие этой культуры в квебекском контексте происходит в окружении «остальной» Канады, которая говорит на английском языке, имеет отличия не только в традициях, но и в системе государственного управления, социальной сфере и религиозных ориентациях. Среди франко-квебекцев бытует «ассимиляционная фобия» – устойчивое опасение того, что в Квебеке французский язык находится под угрозой ассимиляции его английским языком. Это обстоятельство порождает среди квебекцев страх «невытребованности» канадским обществом, социальной и профессиональной изоляции. «Страх перед «англизацией» является источником той поддержки, которую в Квебеке имеет идея независимости» – писал в свое время Стефан Дион, бывший лидером Либеральной партии Канады.

Федеративное устройство страны, особая роль федерального центра и эффективный парламентаризм позволяют снимать напряжение вокруг «квебекской проблемы». «Легитимизация» квебекского национализма, допуск его ко всем политическим механизмам и институтам страны позволили, в конечном счете, направить сепаратистские силы в русло политического процесса, мирно и последовательно решать межнациональные конфликты, или, по крайней мере, откладывать их решение на будущее. В этом отношении наиболее показателен тот факт, что провинция Квебек, не подписавшая Конституционный акт Канады, действует в рамках общих и конкретных законодательных норм страны.

Все это в комплексе, а также мирное управление исторически сложившимися разногласиями между двумя основными этническими общинами страны снижало существующую напряженность, как со стороны

франко-канадцев, так и со стороны англоязычной Канады. Создание сепаратистской политической партии в провинции Квебек и признание ее легитимности, во многом, способствовало тому, что существующий культурный конфликт вошел в русло диалога и соблюдения принципов равенства и демократии. А развернутые политические дебаты вокруг квебекского вопроса обеспечили представителям франко-канадской нации возможность интегрироваться в политическую систему Канады.

Несмотря на то, что национализм остается основной идеологией правящей элиты Квебека, она все более интегрируется в канадское общество и правящую верхушку канадского государства. Эта интеграция, в свою очередь, ведет к заметному падению интереса со стороны правящей элиты Квебека к созданию самостоятельного государства. «Тихая революция» в Квебеке в 1960-х гг., связанная с созданием этой элиты и экономическим пробуждением провинции, таким образом, стала в определенной степени и «могильщиком» идеи полной независимости. Квебекский национализм трансформируется по мере того, как франкоязычная элита интегрируется в экономику страны и всей Северной Америки. В социальном плане франкоязычное население Квебека смогло обеспечить такое положение, при котором оно ощущает и идентифицирует себя как этническое большинство на данной ему исторически территории. В экономическом плане также франко-канадцы достигли серьезных успехов, не только создав национальный капитал, получив доступ к передовому образованию, но и обеспечили равноправное положение с соотечественниками за культурным барьером.

Феномен квебекского национализма, в конечном счете, привел к принятию в стране политического курса на многокультурность. Концепция многокультурности, возникшая в Канаде в 1970-е гг., основана на объективной реальности, состоящей в том, что канадское общество является действительно обществом многообразным, многоликим, как в этническом и конфессиональном, так и в региональном планах. Не случайно опросы

общественного мнения в стране показывают, что многокультурность рассматривается здесь как одна из главных особенностей Канады и ее реализация в жизнь, в отличие от Западной Европы пока не ставится под сомнение.

КИТАЙСКО-ИНДИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ 40-Х НАЧАЛЕ 50-Х ГГ. XX ВЕКА

Толмачев Ю.О.

*Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, г. Рязань,
prey977@rambler.ru*

Модель китайско-индийских отношений, учитывая характер китайского коммунизма и политику Индии, следует определять как совокупность различных противоречий, которые обострились в период с 1947 по 1950 гг. Невозможно достигнуть компромисса, когда внутренняя структура процесса складывания дипломатических переговоров понималась двумя сторонами различным способом. Китай стремился к мировой социалистической революции во имя торжества коммунизма во всем мире. Индия полагала, что только миролюбивый внешнеполитический курс, в котором краеугольным камнем будут моральные стандарты, поможет решить любой вопрос. Возникали недопонимания между лидерами двух стран еще в конце 40-х гг. Когда идет диалог, как правило, одна из сторон должна идти на уступки. Установление отношений нового типа предполагает кардинальное переосмысление исторических событий, произошедших в отдаленном прошлом. Китай был против привнесения реакционных элементов при проведении тех или иных переговоров. Правительство же Неру пыталось отстоять ряд привилегий, полученных во время протектората Великобритании. Отсюда у китайского руководства складывалось впечатление, что Индия больше ориентируется на страны Запада.

Индийское правительство слишком большое внимание уделяло идеализации ценностей старого типа, возникших в ходе 2000 летнего диалога, не учитывая новые реалии времени. Связано это было в основном с позицией самого Неру. Изначально концепция индийского правительства не была верной. Необходимо более тщательно анализировать характер нового китайского руководства и сопоставлять те или иные заявления с реальными действиями КНР.

Ведь Мао Цзэдун в основном выступал за умиротворение той или иной ситуации методами военных действий. В его труде «Проблемы войны и стратегии» данному аспекту отводится значительное место: «Каждый коммунист должен понимать истину: “Политическая сила вырастает из под дула пистолета”. Мы также можем сказать, что весь мир сможет измениться только с помощью оружия... Положить конец войне может только война. Для того чтобы избиваться от оружия – мы должны сначала взять его в руки».

Именно военные действия являются ключевым методом решения спорных ситуаций. Здесь следует отметить, что Мао Цзэдун всегда представлял методы военных действий как средство защиты КНР от остального мира. Его убеждение исходило из того обстоятельства, что Китай длительное время подвергался иностранному вмешательству со стороны Англии и ряда других государств. В результате этого процесса КНР утратила много территорий, которые были захвачены империалистическими странами, в том числе и Британской Индией. Поэтому цель новообразованного государства состоит в возвращение исконных территорий. На заявления остальных стран об агрессивной внешней политике Китай Мао отвечал: «Собираемся ли мы вторгаться в другие [страны]? Нет, мы не будем оккупировать никого и нигде. Однако, если другие вторгнутся к нам – мы дадим отпор и будем сражаться до конца. Мы за мир, но не боимся войны. Мы готовы к тому и другому». Изначально китайский руководитель концентрировал внимание всего мира

на правах КНР. Для него война не был чем-то предосудительным, а лишь выступала средством решения ряда спорных вопросов. Понимая, что в мире существует две сверхдержавы: США и СССР. Мао Цзэдун стремился защитить приобретенный суверенитет любой ценой, даже если это приводит к широкомасштабным военным действиям.

Б.Н. Рау пытался наладить сотрудничество с Китаем. В выступлении в ООН 19 октября 1950 г. он старался убедить ее членов в необходимости признать КНР, где уже была оформлена Конституция. Поскольку такого рода инициативы не вызвали сильной поддержки, индийский представитель приводил в пример китайско-индийские взаимоотношения: «Почему мы признали новое правительство Китая? По множеству причин, но главным стало то, ... что это прочное и стабильное правительство». Как видно из этой формулировки, Б.Н. Рау доказывал необходимость полного признания КНР всеми странами. Отстаивая суверенитет новообразованного государства, которое умело проводит собственный политический курс, он отвергал утверждения об его марионеточном коммунистическом режиме, о тоталитарной составляющей политики Китая, где состав правительства, по мнению дипломата, формировался с учетом позиций различных социальных групп. Более того, индийский делегат призвал не забывать о том, что «ООН – это мировая организация, в которой имеется место для различных правительственных систем с отличными идеалами и курсами». Итак, индийская сторона пыталась поддержать КНР с целью предоставить ей право полного представительства в ООН. Китай рассматривался Индией как стабилизирующий компонент умиротворения международной ситуации в странах Азии.

Китайский дипломат поблагодарил Индию и СССР за поддержку: «Китайский народ тепло приветствует усилия, предпринятые индийскими и русскими делегатами в Генеральной ассамблее ООН. Предложение индийских и русских делегатов абсолютно верно и легально. Возражения

Генеральной ассамблеи ООН на предложения индийских и русских представителей, и отказ принять [предложение китайского] делегата о вступлении в ООН и другие организации, принадлежащие ООН, абсолютно безоснователен и противозаконен». Тем не менее, КНР заявила о желании установить дипломатические отношения с рядом государств. Т.о., индийская сторона старалась идти на компромиссы.

Однако в дальнейшем восприятие действий Индии со стороны КНР стало слишком подозрительным. Об этом сообщал Пател в письме к индийскому премьер-министру и рекомендовал не строить иллюзий в отношении Китая. В существовавшей международной обстановке нельзя было « считать себя друзьями Китая, так китайцы не относятся к нам по-дружески». Причиной такого неприятия Индии служило не столько колониальное прошлое, сколько идеологическое противостояние. КНР полагала, что дружба предполагает поддержку любой инициативы Китая. Индия же пыталась наладить отношения с Англией и США, следовательно, лишь на словах декларировала свои намерения поддерживать новообразованную КНР. Пател указывал Неру на то, что, несмотря на его старания по нормализации отношений между США, ООН, Англией и Китаем, китайцы не воспринимали положительно действия индийской стороны. По их мнению, все это напоминало систему порабощения КНР империалистическими силами, где Индия играла роль посредника, который пойдет на все ради осуществления своих планов.

В качестве эффективных мер по преодолению китайских заблуждений Пател выдвинул следующие: 1. следовало признать Китай как потенциальную угрозу безопасности Индии, тщательно проанализировать и оценить положение военных сил и при необходимости провести их перегруппировку, особенно в тех областях, которые в будущем могут стать предметом для территориального спора. 2. Касательно вступления Китая в ООН Пател выразил большие сомнения, так как слишком агрессивный китайский внешнеполитический курс явно был замечен во всем мире, и

страна не может больше выступать за поддержку притязаний КНР, в связи с тем, что это будет способствовать падению международного авторитета Индии. 3. Укрепление инфраструктуры, а в особенности северных и северо-восточных границ, в которых надо модернизировать систему патрулирования. 4. Пател также обозначил важный пункт относительно неопределенности границы с Бирмой. Отсюда индийское правительство изначально настаивало на отсутствие противоречий в сфере пограничного урегулирования между Китаем и Индией – это в дальнейшем привело к крупным дипломатическим скандалам во второй половине 50-х гг. XX века.

12 мая 1952 г. с речью в Совете штатов выступил Неру, который остановился главным образом на вопросах внешней политики: «Вопрос состоит не в том, нравится или нет какой-либо стране Китайская Народная Республика. Факт состоит в том, что великая страна существует как объединенное и независимое государства, и это должно быть признано. С того времени, как объединенные нации отказывают признать этот факт, они стали нереальными, так как отказались признать реальность. Это равносильно тому факту, что объединенные нации не смогут успешно действовать или, наконец, будут терять свой международный характер».

Думается, что Индия стремилась с помощью отношений с Китаем сформировать новую Азию, в которой на первый план выходила идея – мирного сосуществования. Международный авторитет достигался посредством формулирования концептуальных положений о важности не брать во внимание различия в идеологическом плане. Ведь у каждой страны есть свои особенности, и формирование политической системы, которые зависят от многих обстоятельств. Следовательно, укрепляя отношения между собой азиатские державы могли показать всеми миру, как должно выстраиваться дипломатическое взаимодействие.

Подробно данный вопрос освещает Садар Паниккар в статье, посвященной анализу причин признания Индией КНР: «Наша политика по отношению к Китаю имела двойственный характер. Взаимодействовать на

основании уважения прав друг друга в каждой сфере, где возможно сотрудничество. Во-вторых, использовать влияние, которое у нас было, для того чтобы привести к пониманию между Китаем и остальными государствами. Мы не делали секрета из нашего мнения об искреннем принятии изменения, произошедшего в Китае, так как любая система международных отношений, которая игнорирует значительный факт появления нового, объединенного и сильного Китая, не может способствовать умиротворению и правильному пониманию необходимого условия мирного урегулирования вопросов Дальнего Востока».

Реализация такого направления во внешней политике не изменила мнения индийского правительства о слишком агрессивном характере китайского коммунизма, который основывался на военном факторе и сильном диктаторском режиме. Особые опасения вызывали динамично складывающиеся отношения между коммунистической партией Индии и КНР.

Индийское руководство старалось понять основные особенности ведения дипломатических переговоров с Китаем. 28 и 29 июня 1950 г. в газете «Лондон Таймс» появилась аналитическая статья, в которой освещались основные проблемы китайского внешнеполитического курса. Указывалось на несамостоятельность политических действий Мао Цзэдуна. Весь его режим признавался искусственным и созданным благодаря вмешательству России. По мнению обозревателя, раньше вопросы внешней политики никогда не занимали первое место в планах китайского руководства. Связано это было с гражданской войной на территории Китая, которая кардинально не изменила внутренние компоненты политического взаимодействия. Автор отмечал, что идеология КНР основывалась не столько на марксизме, сколько на переосмысленной монархической модели, сложившейся в Китае на протяжении многих тысяч лет: « Партия была обучена на Марксе и Мао Цзэдуне больше чем на Конфуции, но заменяла и напоминала энергичных

мандаринов ранних веков. Правительство будет снова располагаться в Запретном городе, если последует совету некоторых советников. Для иностранного торговца это снова будет наглядным свидетельством старого подозрительного гостеприимства и ревливой обструкции».

В период с 1950 по 1953 гг. началась корейская война. 25 июня 1950 г. индийская сторона поддержала резолюцию, в которой вся вина за произошедшие события возлагалась на Северную Корею. Большая часть мировой общественности была настроена на то, чтобы обвинить в развязывании войны Китай. Индийское правительство опасалось, что такая мера лишь приведет к международной изоляции КНР. 17 января 1951 г. Неру в Париже предостерег ряд стран от такого решения, так как невозможно было игнорировать крупную азиатскую державу, и такие меры будут способствовать усилению эскалации напряженности между Китаем и другими странами. Следовательно, сама идея переговорного процесса станет достаточно труд реализуемой. В своих теоретических построениях индийский премьер руководствовался мнением Чжоу Эньлая.

21 февраля 1951 г. Совет безопасности ООН выступил за признание КНР агрессором, против которого необходимо наложить эмбарго. Индия заявила о своем неприятии этой позиции в мае 1951 г., так как Китай не начинал никаких широкомасштабных военных действий. Именно благодаря позиции индийской стороне удалось избежать изоляции КНР. Большая часть действий Индии подверглась критике со стороны западных держав. Получалось, что Новый Дели становился своеобразным окном в остальной мир для Китая. В свою очередь КНР провозгласила Индию председателем репарационного комитета узников войны после корейского конфликта. Наконец, свое мнение касательно корейской войны и роли Китая Неру выразил в 1954 г. перед парламентом: «Я убежден, что не было бы никакой Корейской войны, если Китайская Народная Республика состояла в ООН, потому что народы могли бы

решать спорные вопросы за столом переговоров». Подкрепляя свои доводы историей отношений между странами, премьер-министр упрекнул международное сообщество в неумении осознать возможности и способности КНР. Как отмечает Каранукар Гупта, «это напряжение в значительной степени было результатом политики непризнания США КНР». Ошибкой было то, что многие индийские общественные организации стали идеализировать политику Китая. Отчасти симпатия к коммунистическому режиму возникала благодаря позиции США и других государств, которые не признавали новообразованный режим.

Приведенные выше факты свидетельствуют о важнейшем компоненте китайско-индийского сотрудничества, а именно о постоянной изменчивости взаимовосприятия. Стабилизация двухсторонних отношений происходило только тогда, когда интересы стран совпадали в том или ином вопросе. Если же идеологический компонент становился более явным, то усиливалась эскалация напряженности. Уникальность опыта исторического сотрудничества между Китаем и Индией в конце 40-х начале 50-х гг. XX века состояла в том, что две страны пытались найти свое место на международной арене. Разные политические системы, идеологии – все это откладывало отпечаток на процесс развития отношений между государствами. Многие проблемы взаимоотношений, в том числе и пограничный вопрос, берут свое начало с момента установления дипломатических контактов.

РОССИЯ И «ВОСТОК КСЕРКСА»: РАЗМЫШЛЕНИЯ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА

Усманов С.М.

Ивановский государственный университет, г. Иваново, ilapsi@yandex.ru

В 1890 г. журнал «Вестник Европы» в своем апрельском номере напечатал очередное стихотворение Владимира Сергеевича Соловьева – «Ex Oriente lux». В нем упоминалось об очень давней войне персов и греков

в V веке до Рождества Христова. А завершалось стихотворение несколько неожиданным вопрошанием России:

*О Русь! В предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята,
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа?* [22: 81]

Если Владимир Сергеевич ожидал «ответа» на столь необычно поставленный вопрос, то напрасно. Пришлось философу прибегать к более сильно действующим средствам, уже прямо эпатирующим публику. Так и случилось в следующем, 1891 г., при обсуждении соловьевского реферата о средневековом мировоззрении.

Весьма убедительное объяснение позиции Соловьева дал в 1911 г. литературный критик П.П. Перцов в газете «Новое время»: ««Публика» вспоминала о нем (Владимире Соловьеве – С.У.) только тогда, когда «этот чудак» предлагал союз России с Папой или возвещал пришествие Антихриста. Вполне возможно, что именно это долголетнее духовное пустынножителство «среди Скабичевских» и толкало иногда философа к излишней экстравагантности мысли и точно какое-то насильственное принуждение к себе общественного внимания» [13].

В самом деле, кто еще тогда в России мог сформулировать такую антитезу «Востоку Христа»? А ведь Ксеркс, которому противостояли героических 300 спартанцев при Фермопилах, – это персонаж, который был памятен образованным гражданам России еще с юных лет.

Но получилось все не так, как мог надеяться сам Соловьев. Образ «Востока Ксеркса» по-настоящему в круговорот «русской мысли» так и не вошел. И не только в начале 90-х гг. XIX столетия, но и позже его понимание встречало какие-то трудности. Подчас его значение сводилось к простой иллюстративности главных соловьевских идей. Так, племянник и биограф Владимира Сергеевича Сергей Михайлович Соловьев полагал, что в стихах

философ изложил основную идею двух своих трудов – «Великого спора» и «Национального вопроса в России» [25: 275].

Другой известный биограф и истолкователь наследия Владимира Соловьева К.В. Мочульский также упоминает об этом очень бегло, замечая, что стихотворение «Ex Oriente lux» представляет собой «поэтическое выражение теократической идеи» философа [12: 170].

Среди современных исследователей наследия Владимира Сергеевича даже востоковеды дают весьма схематичные и противоречивые соображения о смысле образа «Востока Ксеркса». Так, Е.Б. Рашковский считает, что имя Ксеркса символизирует для философа «этатистские и тоталитаристские тенденции эпохи реакции, последовавшей за убийством Александры II» [14: 56], тем самым редуцируя богатый смыслами образ до орудия политической публицистики. Другой современный российский востоковед В.Э. Молодяков полагает, что противопоставление «Востока Ксеркса» «Востоку Христа» Соловьевым положило начало концепции «двух Востоков» в русской культуре Серебряного века как олицетворения противостояния Зла и Добра, порядка и прогресса [11: 504-505]. Такая трактовка выглядит весьма интересной и последовательной, но далеко не во всем достаточно убедительно аргументированной, особенно в контексте произведений «позднего» Соловьева.

В этой связи представляется уместным признать, что и в наших прежних работах о восприятии Востока в общественной мысли России образ «Востока Ксеркса» затрагивался мельком и учитывался явно недостаточно [29: 75; 30: 196]. Между тем более тщательное изучение и самого текста, и контекста появившегося весной 1890 г. на страницах «Вестника Европы» стихотворения может существенно помочь в осмыслении еще недостаточно ясных нам аспектов наследия мыслителя, не любившего «высказывать себя» [12: 63].

Начнем с того, что «Вестник Европы» был трибуной воинствующего либерального российского западничества. Весьма метко об этом отзывался

тогда непризнанный самобытный философ Николай Федорович Федоров: Насколько неверно название «Русской мысли», принятое московским журналом, настолько верно, соответствует самому содержанию журнала название «Вестника», Меркурия Европы, принятое петербургским журналом. Пресмыкающийся перед «просвещенными государствами Европы», он нахально относится ко всему русскому; инквизиторски следит он за малейшими попытками проявления самостоятельности, стараясь уничтожить ее в самом зародыше» [6: 330].

«Вестник Европы» мог дать отповедь и профессиональным ученым, если возникало подозрение в том, что они могут как-то поддержать своими изысканиями «азиатчину» – пусть даже это и не имело прямого отношения к России. Так, в 1888 г. журнал подверг жесткой критике преподавателя Восточного факультета Петербургского университета С.М. Георгиевского, который в своей работе усмотрел-де в жизни китайцев «только хорошее» [3: 882-895].

В кругу таких поборников европейского прогресса и ненавистников азиатских «деспотических порядков» В.С. Соловьев до поры до времени был необходимым сотрудником. Конечно, в своем «миросозерцании» он существенно не совпадал с главными выразителями российского европеизма, собравшимися вокруг журнала «Вестник Европы» – М.М. Стасюлевичем, К.К. Арсеньевым, С.А. Венгеровым и другими. Тем не менее, у Соловьева с либералами было много общего и в оценке современного им положения России, и в отношении к европейской культуре, и – что нас в данном случае интересует особо – в решительном неприятии «азиатчины».

В этом плане сам Владимир Сергеевич, на рубеже 80-90-х годов, пожалуй, даже «превзошел» своих союзников-либералов. В длительной полемике с «почвенниками» и славянофилами, собранной в начале 90-х годов XIX в. из журнальных статей в два сборника под названием «Национальный вопрос в России», Владимир Сергеевич намеренно сближал

Россию с нехристианским Востоком, подвергая осмеянию и «азиатчину», и славянофильский патриотизм.

При этом у Соловьева проявляется оттенок национального нигилизма, когда в пылу спора со своими оппонентами философ помещал русских в один ряд с «другими полудикими народами Востока» [21: 324].

Крайне отрицательно отзывался Соловьев и о Китае, который уже в течение долгого времени выставлялся российскими западниками в качестве своего рода жупела косности и деспотизма: «Огромная Китайская империя (...), – писал философ, – не одарила и, наверное, не одарит мир никакою высокою идеей и никаким великим подвигом; она не внесла и не внесет никакого вековечного уклада в общее достояние человеческого духа» [21: 328].

Очень неодобрительны и отзывы Владимира Сергеевича о борьбе африканских народов против европейских колонизаторов. Мыслитель обрушивался на «дагомейские идеалы», относя их к «реакционным явлениям». Ибо за такие идеи «из последних сил бьется Беганзин в Дагомее и Лобэнгула в земле Матэбельской»? За то, что «человечества нет, а есть господа и рабы, полубоги и полускоты, что первым все позволено, а вторые обязаны служить орудием для первых» [19: 62].

На самом деле ценностная шкала Владимира Сергеевича вовсе не включала тогда объединенного человечества. «Господами» признавались лишь «исторические народы» – евреи и европейцы. Остальные считались «дикими» и «полудикими». В этой связи показательно замечание философа из его труда, напечатанного по-французски в Париже «Россия и Вселенская Церковь»: «Никто не станет спрашивать, в чем историческая миссия Ашантиев или Эскимосов» [20: 205]. Более того, Соловьев доходил и до определенных утверждений расистского толка, прямо именуя «хищную монгольскую орду» «низшей расой» [18: 333].

Забегая вперед, отметим, что уже после появления стихотворения «Ex Oriente lux» Соловьев опубликовал в 1891 г. в «Северном вестнике» статью,

где был найден один из ключевых образов его мировоззрения, который и стал названием публикации: «Враг с Востока». «Образ врага» оказывается составным – здесь и китайское государство, и буддийская религия. Но оказывается, что Азия враждебна России самой своей природой, ведь обнаруживается еще «более страшный враг России»: «на нас надвигается Средняя Азия стихийной силой своей пустыни» [17: 480].

И еще одно обстоятельство, связанное с обнародованием в «Вестнике Европы» программного стихотворения Соловьева следовало бы иметь в виду. Оно появилось после впечатляющих побед «русского оружия» в Средней Азии, когда власти «Белого царя», т. е. российского императора, подчинились многие ее народы, а Бухарский эмир и Хивинский хан признали над собой протекторат Российского государя. Державная мощь России, твердость политического курса императора Александра III не могли импонировать ни либералам из круга «Вестника Европы», ни самому Соловьеву. Выступать прямо в легальной печати против возглавителей такой политики им было крайне затруднительно. Однако можно было нападать на ее апологетов, что и делал Владимир Сергеевич в цикле своих статей «Национальный вопрос в России».

В этом смысле Соловьев шел значительно дальше мелочной публицистики «Вестника Европы», всей «прогрессивной общественности». Он хорошо понимал необходимость подорвать идейные основы официального консервативного патриотизма и использовал для решения данной задачи чуть ли не любой повод.

В 1889 г. во французском издании книги «Россия и Вселенская Церковь» Владимир Сергеевич язвительно упоминал, не называя автора, стихотворение памяти умершего в 1887 г., Михаила Никифоровича Каткова, долгие годы бывшего чуть ли не самым известным из выразителей и апологетов официального курса. Во второй главе книги «Россия и Вселенская Церковь» Соловьев ставит вопрос о «смысле существования России», сразу же излагая в несколько карикатурной форме кредо

консерваторов-патриотов: «Мы и слушать не хотим о наших нуждах, наших недостатках и в особенности о наших обязанностях к этому гнилому Западу! (...). Он нам не нужен и мы ничем ему не обязаны. У нас дома все, что нам нужно. In (sic) Oriente lux. (Заглавие стихотворения, посвященного одним известным поэтом покойному Каткову [примечание Соловьева – С.У.] [20: 204].

На самом деле Владимир Сергеевич цитировал стихотворение известного поэта Аполлона Николаевича Майкова из седьмого номера журнала «Русский вестник» за 1887 г., целиком посвященного памяти только что скончавшегося М.Н. Каткова. Приведем стихотворение Майкова полностью:

In Oriente lux

«Что может миру дать Восток?

Голыш – а о насущном хлебе

С презреньем умствует пророк,

Душой витающий на небе!..» –

Так гордый римлянин судил

и – пал пред рубищем мессии...

Не то же ль искони твердил

И гордый Запад о России?

Она же верует, что несть

Спасенья в пурпуре и злате,

А в тех немногих, в коих есть

Еще остатки благодати[10: 400, 835].

Кроме того, стоило бы иметь в виду, что у Майкова есть еще и другое стихотворение «Ex tenebris lux (свет из тьмы)», напечатанное в том же 1887 г. и тоже в «Русском вестнике», только в третьем номере. Правда, тогда – без заглавия [10: 219, 819].

Итак, в круге «реакционеров» «Русского вестника» была выдвинута формула «In Oriente lux», т. е. «свет на Востоке» – в противовес «гордому Западу». Такая самодостаточность России для Владимира Сергеевича неприемлема и его стихотворение «Ex Oriente lux» есть образный ответ на «вызов» консерваторов, на их «гордую мысль» (слова из последнего четверостишия стихотворного манифеста мыслителя).

У Соловьева речь идет о свете с Востока, притом двойственном – как истинном, так и ложном. Олицетворением ложного света становится древнеперсидский шах Ксеркс, предпринявший с огромным войском наступление на Грецию, которое, впрочем, окончилось неудачей:

«С Востока свет, с Востока силы!»

*И, к вседержительству готов,
Ирана царь на Фермопилы
Нагнал стада своих рабов.*

*Но не напрасно Прометей
Небесный дар Элладе дан.
толпы рабов бегут, бледнея,
Под горстью доблестных граждан [22: 80].*

Истинный свет – это, конечно, свет Христов:

*Чего ж еще недоставало?
Зачем весь мир опять в крови?
Душа вселенной тосковала
О духе веры и любви!*

*И слово вещее – не ложно,
И свет с Востока засиял,
И то, что было невозможно,
Он возвестил и обещал.*

*И, разливаясь широко,
Исполнен знамений и сил,
Тот свет, исшедший от Востока,
С Востоком Запад примирил [22: 81].*

В общем, по версии Соловьева 300 спартанцев («доблестных граждан») побеждают восточного деспота и его «толпы рабов». Для Владимира Сергеевича такое противопоставление европейской культуры и «дикой» Азии совершенно естественно. Мало того, Ксеркс имеет «двойников» в других произведениях философа: Тамерлана и Навуходоносора, Саргона и Ашшурбанипала. Имя Ксеркса тоже отнюдь не случайно. Недаром же Владимир Сергеевич опять частично цитирует это свое стихотворение и в «Оправдании добра». А кроме того, Ксеркс

предстает как пример бесплодности деспотизма и в соловьевской статье 1895 г. о поэзии Алексея Константиновича Толстого (опять-таки в «Вестнике Европы»): «Что может быть сильнее того патриотизма, который заставлял персидских вельмож чинными рядами бросаться в море, чтобы спасти корабль Ксеркса? Но такой патриотизм, будучи сопряжен с рабским духом, не спас, а погубил персидское царство» [24: 135].

Совсем другое дело, полагал мыслитель, когда, наоборот, европейцы наступают на Азию – будь то Александр Македонский или римские императоры, еще до того как для человечества воссиял свет Христов:

*И кто ж до Инда и Ганга
Стезю славною прошел?
То македонская фаланга
То Рима царственный орел.
И силой разума и права –
Всечеловеческих начал –
Воздвиглась Запада держава,
И миру Рим единство дал [22: 80-81].*

Это – самый настоящий «идейный либерализм» и европоцентризм. То, что и нужно было М.М. Стасюлевичу и его сотрудникам. Для них такая победа «державы» языческого Запада – царства мысли и права – над языческим же Востоком, бастионом обветшалых «предрассудков» и деспотизма, казалась великим благом.

Так – у Владимира Сергеевича Соловьева и «Вестника Европы» начала 90-х гг. Совсем не так, скажем, у известного славянофила Алексея Степановича Хомякова в середине XIX столетия. Греческое многобожие для него являлось «смешным в глазах разума» и «бессильным в религиозном смысле» [2: 54-57]. Напротив, «иранство» для Хомякова означает свободу духа, ответственность и мораль.

Разумеется, можно было бы принять во внимание и другие версии взаимоотношений Востока и Запада в «русской мысли» XIX столетия, составляющие контекст программного стихотворения Соловьева, его образа «Востока Ксеркса». Однако зададимся вопросом: зачем все-таки мыслителю

«понадобился» среди восточных деспотов именно Ксеркс, а не Навуходоносор, не Тамерлан или даже не персидские шахи Дарий Гистасп или Кир?

Ответ найти не слишком трудно. Имя Ксеркса в соловьевской версии – знак поражения. Этот воин Востока ложного разбит куда менее многочисленным, но сильным своими гражданскими доблестями европейским народом. Разбит и при Фермопилах, и при Саламине – и на суше, и на море. России такого повторять нельзя, бороться с «державой Запада» ей смертельно опасно. А быть «Востоком Христа», с Христом – значит, как обязательное условие, начиная со времен императора Петра I, «пойти в ученье к цивилизованным народам Запада, чтобы усвоить их науку и культуру» (так писал Владимир Сергеевич в 1889 г. в книге «Россия и Вселенская Церковь») [20: 205].

Надо думать, руководителей «Вестника Европы» это вполне устраивало. Но все оказывается далеко не так просто. И образ «Востока Ксеркса», и стихотворение в целом обнаруживают в себе значительно большие глубины.

Сила данного образа такова, что назвав имя Ксеркса, автор уже не может его целиком контролировать. Да, этот «воин» терпит поражение в борьбе за овладение Элладой. Но он не смиряется перед греческими богами и приказывает подданным после гибели своих судов во время шторма ... высечь море. Ксеркс показывает, что не боится мести богов Эллады и без помех возвращается на родину.

Мало того, персидский шах-неудачник в некоторой степени оказывается предвестником прихода другого Царя. Ведь, Ксеркс, как говорится в начале стихотворения «(...) к вседержительству готов». Конечно, он не Спаситель мира, которому повинуются стихии. Но все же, хоть и слабый, неверный, он – в какой-то мере - предвестник Его появления. Как и Христос, Ксеркс – царь и он не боится языческих богов. И он стремится подчинить разбушевавшиеся стихии. Конечно, Ксеркс

недостаточен и в исторической ретроспективе, и в метафизическом измерении. Но он и не антипод Христа, не олицетворение Зла, как показалось самому Соловьеву.

Как следует из достоверных исторических свидетельств действительный Ксеркс (по персидски – Хшаярша) – значительная фигура не только в кругу персидских шахов династии Ахеменидов, но и среди языческих правителей Востока вообще. Хотя правление Хшаярши I (Ксеркса, как произносили его имя греки) было не слишком продолжительным (486-461 гг. до Рождества Христова), этот шах оставил значительный след в истории. Он продолжал политику своего отца Дарявахуша I (Дария) по созданию мировой персидской империи. Сначала он подавил восстание в Египте, уже ранее подчиненном персам. Затем были разгромлены и восставшие вавилоняне. Именно шах Хшаярша I окончательно уничтожил Вавилонское государство, а золотая статуя верховного вавилонского бога Мардука была увезена в столицу Персии Персеполь и, вероятно, расплавлена.

Затем персидские войска двинулись на земли Эллады. В Фермопильском проходе спартанский царь Леонид I со своим отрядом в конце концов был побежден. Многие области Греции были заняты персами. Афины были сожжены персидским войском дотла. Но в решающем сражении на море в Саламинском заливе победу одержали греки, правда, после того, как в трехдневной буре на море утонуло множество персидских кораблей. После этого шах вернулся в Персию, оставив еще значительное войско с полководцем Мардонием для продолжения войны. Лишь после гибели Мардония греки смогли изгнать персидское войско из своей страны. Греки ненавидели Ксеркса и долго помнили его могущество. Спустя почти полтора столетия Александр Македонский, взяв Персеполь во время своего похода на Восток, предал огню дворец Ксеркса.

Следует отметить еще одно знаменательное обстоятельство, связанное с шахом Хшаяршей I. В отличие от своих предшественников

династии Ахеменидов, приносивших жертвы и чужим богам, он был решительным сторонником Единого Бога. На самом деле персам этот Бог был еще неведом. Впрочем, сам Хшаярша I повелел считать таковым хорошо известного в персидской традиции бога Ахурамазду. Все другие боги были объявлены злыми духами. Кроме того, именно Хшаярша I отказался в своей титулатуре от наименования «царь Вавилона», провозглашая себя «единым для многих царем», «царем стран» [28: 143; 4: 136-137, 169-170; 8: 63-65; 7: 309; 15: 440-442].

Надо отметить, что из современников Владимира Сергеевича, пожалуй, лишь один Константин Николаевич Леонтьев сразу безбоязненно «перевернул» образ Ксеркса в другом направлении. 1 мая 1890 г. Леонтьев писал В.М. Эберману: «И что за вздор: Россия Ксеркса или Христа? «Россия – России» – вот что нужно. Св. Константин, Феодосий Великий, Юстиниан были христианскими ксерксами, во-первых, а, во-вторых, Европа либеральная, которой он нас страшит, находится теперь вовсе не в периоде перед Персидскими войнами, а скорее похожа теперь на Грецию после Пелопонесской и Фиванской войн, т. е. в периоде разложения и духовного упадка, а мы, как ни плохи, а растем еще как Рим после Пунических войн. Он хочет ломать историю в угоду своей тенденции, да ее не сломаешь!» [9: 492].

В самом деле, для осмысления образа Ксеркса очень значим уже состоявшийся опыт истории, в том числе и русской, в которой главным «Ксерксом» был, надо полагать, столь дорогой сердцу Владимира Сергеевича император Петр I. Об императоре Петре I Соловьев писал очень много и охотно, в немалой степени следуя здесь своему отцу, выдающемуся историку Сергею Михайловичу Соловьеву.

В одной из поздних статей, «Византизм и Россия» (1896 г.), Владимир Сергеевич представлял Петра почти безупречным великим государем: «(...) самодержавие совести не позволяло ему довольствоваться ни сознанием государственной пользы, ни сознанием своего формального права.

Нравственное чувство открывало ему ту истину, которая доселе остается закрытою для многих, что земные интересы и права имеют только тогда свое настоящее значение и достоинство, когда они связаны и согласованы с вечною правдою и высшим благом». Однако, согласно аргументации мыслителя, у столь замечательного государя не оказалось достойных подданных: «(...) людей же для авторитетного служения и свободы совета искал великий самодержец в своем деле и не нашел. Духовные чины отвечали ему как «лукавые царедворцы», а начальные светские люди, вместо совета царю, нашли нужным попытать царевича» [16: 270]. Причины такой почти безудержной апологетики Петра Великого философ объяснил с достаточной определенностью еще в статьях цикла «Национальный вопрос в России» (конец 80-х – начало 90-х гг.): «Каковы бы ни были личные свойства и поступки Петра Великого, он своим историческим подвигом возвращал Россию на тот христианский путь, на который она впервые стала при Св. Владимире. Меняя свое национальное идолопоклонство на всечеловеческую веру, для которой «нет эллина и иудея», Россия тем самым отреклась от языческого обособления и замкнутости, признавала себя составною частью единого человечества, усвояла себе истинные интересы, приобщалась его всемирно-исторической судьбе» [24: 331-332].

Но, сколько бы ни возвеличивал Владимир Сергеевич образ «великого реформатора», в нем явственно проступают черты языческого царя, замашки Ксеркса. Ведь это Петр I был первым действительным русским императором (Лжедмитрий I – Григорий Отрепьев – не в счет). Ведь это Петр Великий был объявлен подобно римским языческим императорам «Отцом Отечества». Это он построил на новом месте новую столицу, назвав ее тоже по-новому – не по-русски. Это он дерзнул перенести мощи благоверного князя Александра Невского, а также посягнуть на пожертвованные некогда на помин души церковные земли. Это он установил в России новое летоисчисление и перенес на другое время

празднование нового года. Словом, разве это не в некотором роде «Ксеркс», желавший помимо державной власти еще и повелевать стихиями?

Кстати, недаром император Петр I так стремился к господству на морях, постоянно воюя за утверждение своей державы. Сначала – на Черном море, затем – на Балтике и, наконец, на Каспии. При этом государь беспокоился не столько о всеединстве христиан, сколько о собственных державных интересах. А потому воевал главным образом на Западе, а не на Востоке. Немцам, датчанам, шведам приходилось трепетать перед российским императором немногим меньше, чем когда-то грекам перед могучим Ксерксом. Так, во время Северной войны летом 1721 г. русские отряды, высадившись на шведской территории возле Умео, разорили и сожгли 4 города, 509 деревень и 79 мыз с дворами [31: 506]. Недаром французский посол в России Ж.Ж. Кампредон писал своему правительству о Петре, что «при малейшей демонстрации его флота, при первом движении его войск ни шведская, ни датская, ни прусская, ни польская корона не осмелятся ни сделать враждебного ему движения, ни шевельнуть с места свои войска...» [1: 409].

Так реальности эпохи и личности российского самодержца Петра I – все-таки достаточно хорошо известные «образованному обществу» в России конца XIX столетия – подтачивали выстроенные Соловьевым контуры историософской дилеммы «Восток Ксеркса» – «Восток Христа». Вместе с тем, можно понять мотивы определенной предвзятости философа по отношению именно к восточным «ксерксам». Ведь его собственные контакты с теми или иными представителями восточных народов, в отличие от дружеского общения с латинскими канониками и ксендзами, складывались весьма трудно. Так, еще в 1875 г. во время первого путешествия Владимира Сергеевича в Египет бедуины в пустыне украли у него часы и основательно попортили ему шляпу [12: 98]. Были у Соловьева и видения «людей с Востока»: «(...) раз рано утром, тотчас после его пробуждения, ему явился восточный человек в чалме. Он произнес

необычайный вздор по поводу только что написанной Соловьевым статьи о Японии («Ехал по дороге, про буддизм читал, вот тебе буддизм») и ткнул его в живот необычайно длинным зонтиком. Видение исчезло, а Соловьев ощутил сильную боль в печени, которая потом продолжалась три дня» [26: 177-178].

И на смертном одре думы, страхи и даже видения, связанные с Востоком, не оставляли Владимира Сергеевича. Он увидел во сне бывшего китайского «канцлера» Ли Хунчжана, который ... на древнегреческом языке сказал Соловьеву, что он умрет [5: 442].

Тем не менее, в итоговом сочинении мыслителя «Три разговора» образа Ксеркса уже нет. И это само по себе очень показательно. Европа уже не выставляется Соловьевым столь однозначно как «Восток Христа», а Азия – как «Восток Ксеркса». В «Трех разговорах» мы наблюдаем известную полифоничность. У каждого из главных персонажей свои герои: Генерал может одобрительно упоминать о Саргоне и Ашшурбанипале, Политик – восхвалять Петра Великого, а alter ego автора, Господин Z – разоблачать лицемерие царя Ивана Грозного [23: 248, 322,375].

В самые свои последние предсмертные дни Соловьев был еще более категоричен. Как вспоминал известный философ Сергей Николаевич Трубецкой, Владимир Сергеевич говорил о том, что все прежние рамки и нормы для восприятия «грядущих событий» уже не годятся: «(...) та магистраль всеобщей истории, которая делилась на древнюю, среднюю и новую, пришла к концу. Профессора всеобщей истории упраздняются – их предмет теряет свое жизненное значение для настоящего; о войне Алой и Белой роз больше говорить нельзя будет. Кончено все!.. И с каким нравственным багажом идут европейские народы на борьбу с Китаем! Христианства нет, идей не больше, чем в эпоху Троянской войны, только тогда были молодые богатыри, а теперь старички идут!» [27: 209].

Правда, может показаться, что итоговое произведение философа «Три разговора» еще не обозначает окончательного отказа Владимира

Сергеевича от дилеммы «Христос – Ксеркс». Ведь в завершающей «Три разговора» «Краткой повести об антихристе» повествуется о грядущем наступлении объединенных китайско-японских орд на Россию и Европу. Причем, возглавляющий азиатов китайско-японский богдыхан кое в чем напоминает Ксеркса из давнего стихотворения Соловьева: ведь и в этом случае – экспансии панмонголизма – речь идет о «презрении к европейцам» и об основании «настоящего Срединного царства надо всею вселенною» [23: 383-384].

Однако такой правитель, как показывает Соловьев в «Трех разговорах», – отнюдь не антихрист. Да и сама Европа не станет в будущем «Востоком Христа». Ибо, согласно «Краткой повести об антихристе», «Грядущий человек был выбран почти единогласно в пожизненные президенты Европейских (выделено нами – С.У.) Соединенных Штатов», поскольку – как отмечается в повести – еще ранее Европа была объединена «заправилами общей европейской политики, принадлежащими к могущественному братству франкмасонов» [23: 396]. Более того, этот «пожизненный президент» возводится в ранг «римского императора», а затем «с небольшою, но отборною армией из русских, немецких, польских, венгерских и турецких полков совершает прогулку от Восточной Азии до Марокко и без большого противодействия подчиняет всех непокорных» [23: 397-398].

В итоге историософских исканий Владимира Сергеевича Соловьева противопоставление «Востока Христа» именно «Востоку Ксеркса», Христианской Европы – языческой Азии теряет свою однозначность. В этом смысле образ «Востока Ксеркса» в наследии Соловьева остается неоднозначным и незавершенным.

Примечания.

1. Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989.
2. Благова Т.И. Родоначальники славянофильства. А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. М., 1995.

3. Вестник Европы. 1888. № 12.
4. Воробьев В.Н., Десятовский В.С., Итс Р.Ф. Липин Л.А., Петровский Н.С. Очерки истории древнего Востока. Л., 1956.
5. Давыдов А.В. Из воспоминаний о В.С. Соловьеве // В.С. Соловьев: pro et contra. СПб., 2000.
6. Из материалов к третьему тому «Философия общего дела» Н.Ф. Федорова.
7. История Востока. Т.1. М., 2000.
8. История Ирана. М., 1977.
9. Леонтьев К.Н. Избранные письма. М., 1993.
10. Майков А.Н. Избранные произведения. Л., 1977.
11. Молодяков В.Э. Концепция двух Востоков и русская культура Серебряного века // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 49. 1990. № 6.
12. Мочульский К.В. Владимир Соловьев. Жизнь и учение // Мочульский К.В. Гоголь, Соловьев, Достоевский. М., 1995.
13. Перцов П. Между старым и новым // Новое время. 1911, 23 июля.
14. Рашковский Е.Б. Запад, Россия, Восток: Востоковедные темы в трудах русских религиозных философов // Азия и Африка сегодня. 1990. № 8.
15. Рыжов К. Все монархии мира. Древний Восток. М., 2001.
16. Соловьев В.С. Византизм и Россия // Соловьев В.С. О христианском единстве. М., 1994.
17. Соловьев В.С. Враг с Востока // Соловьев В.С. Сочинения. Т.2. М., 1988.
18. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Вып. Второй. 1. Несколько слов в защиту Петра Великого // Соловьев В.С. Литературная критика. М., 1990.
19. Соловьев В.С. Первый шаг к положительной эстетике // Соловьев В.С. Литературная критика. М., 1990.

20. Соловьев В.С. Россия и Вселенская Церковь // Соловьев В. О христианском единстве. М., 1994.
21. Соловьев В.С. Россия и Европа // Соловьев В.С. Литературная критика. М., 1990.
22. Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974
23. Соловьев В.С. Три разговора // Соловьев В.С. Избранное. М., 1990.
24. Соловьев В.С. Поэзия гр. А.Н. Толстого // Соловьев В.С. Литературная критика. М., 1990.
25. Соловьев С.М. Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. М., 1997.
26. Трубецкой Е. Личность В.С. Соловьева // В.С. Соловьев: pro et contra. СПб., 2000.
27. Трубецкой С.Н. Смерть В.С. Соловьева // Вл.С. Соловьев: pro et contra. СПб., 2000.
28. Тураев В.А. История древнего Востока. Т. II. Л., 1936.
29. Усманов С.М. Безысходные мечтания: Русская интеллигенция между Востоком и Западом во второй половине XIX – начале XX века. Иваново, 1998
30. Усманов С.М. Восток и Запад в итоговых размышлениях Вл. Соловьева // Соловьевские исследования. Вып. 2. Иваново, 2001.
31. Фейгина С.А. Аландский конгресс. М., 1959.

**ПАРТИЯ «ЗЕЛЁНЫХ» ФРГ
И ПРОБЛЕМА ИНОСТРАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ**

Щербаков В.Ю.

Южный Федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,

sherbakov.viacheslav@yandex.ru

С конца 1980-х гг. Федеративная республика Германия начинает превращаться в «страну мигрантов». Присутствие значительного числа иностранцев приводит к возникновению целого комплекса специфических

проблем во взаимоотношениях ними и коренным населением. Религиозные и культурные традиции, которые переносятся переселенцами на почву Германии, зачастую вступают в противоречие с европейскими ценностями. Культ силы, приниженное положение женщин, клановость и круговая порука характерны для обществ, откуда происходят большинство мигрантов. Кроме того, зачастую, приезжие оказываются далеко не лучшими представителями своих народов. По официальным данным на 2001 г. 25,4% всех преступлений в Федеративной республике были на совести иностранных граждан. Особо велика доля иностранцев в совершении убийств, тяжких телесных повреждений, карманных краж, краж со взломом и изнасилований, соответственно – 30,4%, 25,2%, 53,4%, 30,0%, 30,9%. При этом, статистика не выделяет преступлений, совершённых «немцами не по происхождению», поскольку согласно немецкому законодательству, человек, обладающий германским паспортом, будь он турком, афганцем, евреем, или русским, официально является немцем. Отношение к проблеме иностранной преступности является в ФРГ чётким индикатором политической принадлежности. Так, иностранная преступность давно стала одним из наиболее выигрышных пропагандистских мотивов партий праворадикального спектра. «Зелёные» уверены, что «популистские высказывания об «иностранной преступности» являются политической темой, которая разжигает ксенофобские настроения». По этой же причине, большинство политических партий страны стараются как можно меньше касаться данной темы, не желая затрагивать чувств «иностраннных сограждан». Наиболее последовательно защищает права преступников-мигрантов партия «зелёных».

Не ставя под сомнение красноречивые цифры криминальной статистики, представители «эко-партии» пытаются подчеркнуть их некорректность. Так, видный деятель партии Союз90/«Зелёные» Реццо Шлаух, рассуждая о «так называемой иностранной преступности», обращал внимание на то, что полицейские данные включают в себя преступления, в

том числе, совершённые иностранными туристами, а так же криминальные деяния, «специфические для иностранцев» (например, нарушение Закона об иностранцах – В.Щ.). Причину высокой преступности среди мигрантов Шлаух видел в отсутствии равенства шансов, что, по его мнению, «провоцирует преступления».

Одним из способов снизить преступность (в том числе и иностранную) «зелёные» видят в её «декриминализации». Они предлагают перевести мелкие и незначительные преступления, вроде краж в супермаркетах, или проездов без билета, которые составляют «от 50 до 90% криминальной статистики», в разряд правонарушений. При этом, наиболее спорным является стремление «зелёных» «декриминализовать» также рынок продажи наркотиков. В частности, они требуют «легализации некоторых наркотиков вроде гашиша», приравняв его продажу к продаже алкоголя.

Значительно снизить иностранную преступность, по мнению «зелёных» можно также облегчив визовый режим для мигрантов. Таким образом исчезнут разнообразные нарушения, связанные с нелегальным проникновением в страну и нахождением в ней.

«Зелёные» решительно выступают против принудительной высылки беженцев и дезертиров «с которыми обращаются как с преступниками», так как это «не совместимо с правами человека». Кроме того, на родине многим из них грозит уголовное преследование, длительные тюремные сроки и даже смертная казнь. «Зелёные» против высылки иностранцев, совершивших преступление в Германии на родину, если это угрожает разделению семьи. «Скандалными» называли представители эко-партии случаи депортации криминальных «сограждан без немецкого паспорта», особенно если это молодые иностранцы, родившиеся в Германии.

Показательна неприглядная история связанная с видным деятелем партии Союз90/ «Зелёные» турецкого происхождения Джемом Оздемиром. Во время избирательной кампании 2002 г. этот «перспективный политик»

«зелёных» оказался замешан сразу в двух финансовых скандалах. Вначале выяснилось, что в ещё в 1999 г., остро нуждаясь в деньгах, «анатолийский шваб», как называли в немецкой прессе Оздемира, взял частный кредит в размере 80 000 марок у скандально известного лоббиста и политического менеджера Морица Хунциргера. Последний отличился тем, что выплатил гонорар за ненаписанную книгу, а также оплачивал крупные счета (в том числе за покупку дорогих костюмов) министру обороны ФРГ Рудольфу Шарпингу. Когда это стало достоянием общественности, министру пришлось уйти в отставку. На фоне этого скандала ситуация с Оздемиром накануне выборов в Бундестаг выглядела особенно неприглядно. Кредит был выдан под 5,5% годовых, в то время как «нормальные» выплаты по кредиту в 1999 г. составляли 9-10%. Джем Оздемир, хотя и является «немцем» в смысле немецкого законодательства, всё же сохраняет многовековой «восточный» менталитет. Потомок турецких мигрантов, внезапно и стремительно оказавшийся на вершине немецкого политического Олимпа, не мог игнорировать чаяний и законной гордости бывших соотечественников. Имидж «классических» «зелёных» образца 1983 г., одетых в джинсы и свитера грубой вязки и ездивших в Бундестаг на велосипедах, не был бы принят земляками применительно к «анатолийскому швабу». Поэтому Оздемиру поневоле приходилось носить дорогие костюмы и ездить в престижных автомобилях. Традиционная клановость, в которую не мог быть не втянут «немецкий турок», не позволяла ему отказывать в многочисленных просьбах бесчисленного количества «знакомых» и внезапно объявившихся «дальних родственников». Всё это требовало денег, которых у молодого депутата Бундестага было мало.

Оздемир признал свою «ошибку», перечислил жертвам пыток 5200 евро и заявил об уходе со своих постов в партии. Обычно на редкость принципиальные в критике политических противников «зелёные» были растеряны и пытались защищать своего товарища, а лидер партии Фритц

Кун отметил, что «Оздемир многое сделал для «зеленой» политики». Однако уже в августе 2002 г. германский политический Олимп потряс очередной коррупционный скандал, в котором оказались замешаны представители практически всех ведущих партий, в том числе и «анатолийский шваб». Крупнейшая немецкая авиакомпания «Люфтганза» продавала Оздемиру билеты на свои рейсы со значительной скидкой. Дело в том, что величина этих скидок зависит от количества и дальности полётов. Оздемир летал много и скидки на билеты были приличные. Всё бы ничего, но бонусы накапливались во время служебных полётов, а использовались им, в том числе, и в личных целях. Немецкая политическая культура весьма щепетильна в финансовых вопросах и не прощает подобных «ошибок». Однако Джем Оздемир не повторил судьбу многих оскандалившихся немецких политиков, навсегда покинувших политическую сцену. Достаточно вспомнить уже упомянутого Реццо Шлауха, бывшего сопредседателя фракции «зелёных» в Бундестаге. Шлаух также использовал бонусы «Люфтганзы» и после этого его партийная карьера дала трещину. В настоящее время он никаких постов у «зелёных» не занимает, а действует в сфере газового бизнеса, пытаясь конкурировать с другим экс-политиком Герхардом Шрёдером. Что касается Оздемира, то уже в 2003 г. на деньги «Немецкого фонда Маршалла» он отправляется в Вашингтон на стажировку, после чего, как ни в чём не бывало, возвращается в Германию и в 2004 г. становится депутатом Европарламента от партии Союз 90/«Зелёные». В 2008 г. Оздемир был избран сопредседателем партии Союз 90/«Зелёные», что совершенно в духе данной политической организации. Со дня своего основания «зелёные» были партией, поддерживающей разнообразные «меньшинства»: женщин относительно мужчин, гомосексуалистов и лесбиянок относительно лиц традиционной сексуальной ориентации, иностранцев относительно немцев и т.д. Поэтому избрание на пост сопредседателя партии оскандалившегося потомка гастарбайтеров выгладит вполне логично.

Для «зелёных» преступники-иностранцы являются в первую очередь «жертвами системы», достойными, прежде всего сожаления и прощения. Именно система, как считают «зелёные», вынуждает преступника-иностранца к совершению преступления. Изменение существующего порядка является стратегической задачей «эко-партии». Они уже многое сделали на этом пути и готовы продолжить свою бескомпромиссную борьбу за права мигрантов, даже если они являются преступниками.

**ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЕВРОПЕЙЦА
НОВОГО ВРЕМЕНИ («ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОПИСАНИЕ ФОРМОЗЫ», 1704)**

Эрлихсон И.М.

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,

г. Рязань, i.erlihson@rsu.edu.ru

Эра великих географических открытий, ведущая отсчет с эпохи позднего Ренессанса, продолжалась и на протяжении XVII- XVIII вв., когда открывались, заселялись и исследовались новые территории во всех уголках планеты. Это было время постоянного передвижения людей и идей, «золотой век» для путешественников, как настоящих, так и вымышленных». Никакая другая эпоха не собрала такого богатого урожая литературы, так или иначе связанной с путешествиями: путевых дневников, географических описаний, приключенческих и утопических романов о вымышленных или реально существующих странах. Стать путешественником или прослыть таковым — превратилось в один из способов прославиться и поправить финансовое положение, чем зачастую пользовались многие изобретательные авантюристы. На головы европейцев обрушился целый шквал фантастических и нелепых рассказов о неведомых странах. Так, в «Описании Луизианы» (1671) сообщалось, что Ниагарский водопад достигает пятьсот футов в высоту, в «Шестнадцати письмах» известного французского путешественника барона де Лаонтана тот же водопад вырос

до семисот футов, когда на самом деле его высота равнялась приблизительно двумстам футам.

Но людей, придумывавших истории о путешествиях, трудно было назвать банальными лгунами, ведь, давая волю воображению, они вольно или невольно становились творцами и создавали вымышленный мир, заполняя, с легкой руки Томаса Мора, неизведанные территории в соответствии со своими политическими, религиозными, этическими взглядами и убеждениями. Их произведения были предметом неослабевающего интереса читателей, и их имена, пусть ненадолго, но попадали в эпицентр общественного внимания. На рубеже XVII-XVIII вв. произведения, балансирующие на границах жанров приключенческого романа, утопии, путевого дневника и географического очерка, были чрезвычайно востребованы читательской аудиторией. Одним из таких произведений, которые не укладывались в рамки одного литературного жанра, было «Географическое и историческое описание острова Формозы» (1704), принадлежащее перу человека, называвшего себя Джорджем Псалманаазаром. Едва выйдя из печати, его книга произвела настоящий фурор, ее воспринимали как серьезный исторический и географический источник. Профессор Грегори Клейз включил «Описание Формозы» в список утопий эпохи Просвещения, в то время как самого автора заслуженно причисляют к самым талантливым авантюристам XVIII столетия. Для того, чтобы понять, что же на самом деле представляло собой это произведение, необходимо не только проанализировать его текст, но и охарактеризовать личность самого автора, чей жизненный путь органично вписывался в эту бурную противоречивую эпоху.

Человек, вошедший в историю под псевдонимом Джорджа Псалманаазара (его настоящее имя неизвестно) родился в 1679 году на юге Франции в Лангедоке. Пройдя выучку у иезуитов, Джордж в совершенстве овладел греческим и латынью, хотя и не отличался прилежанием, лекциям по богословию предпочитая постижение широкого спектра развлечений,

которые предлагали ему городские улицы. По завершении обучения, он отправился в длительное путешествие, во время которого, по-видимому, ему впервые пришла мысль представиться японцем, обращенным в христианство. Он избавился от старого паспорта, сделал новый на имя «Салманаазар» и, везде, где бы он не оказывался, придерживался своей легенды.

Когда Джордж добрался до Льежа, он был настолько доведен до отчаяния бесконечными лишениями, что решил поступить на военную службу. Военную карьеру он завершил в конце 1702 года в полку герцога Макленбургского, расквартированного в Слейсе, где своим эксцентричным поведением привлек внимание губернатора города генерала Джорджа Лаудера, а затем капеллана Уильяма Инна, понявшего каким «золотым дождем» может обернуться красноречие и обаяние талантливого афериста. В докладе лондонскому архиепископу Генри Комптону Инн изобразил Джорджа как уроженца острова Формозы. После двух месяцев пребывания в Лондоне Джордж выдержал серьезную проверку: ему поручили перевести катехизис с латыни на язык острова Формоза. Джордж блестяще справился с заданием, и епископ Комптон отправил его в Оксфорд, чтобы он обучал языку будущих миссионеров. Вдохновленный успехом, Уильям Инн снабдил своего подопечного трактатом «Описание Японии» Бернхарда Варениуса, и велел написать аналогичную историю острова Формоза. Джордж сделал это за два месяца, не особо заботясь о достоверности.

«Историческое и географическое описание Формозы» вышло в свет в 1704 году с посвящением Лондонскому архиепископу Генри Комптону. Оно состояло из двух частей, первая из которых называлась «Путешествия и обращение» и содержала историю жизни автора, щедро сдобренную рассуждениями о христианстве (вот где пригодились уроки, полученные в иезуитском колледже!). Вторая часть книги содержала описание государственного, религиозного и социального устройства жизни на острове. Как утверждалось в книге, остров Формоза находился под властью

императора Японии, передавшего ее исполнительную функцию вице-королю, который дважды в год отчитывался перед императором о состоянии дел во вверенной ему территории. Именно вице-король нес ответственность за соблюдение кодекса фундаментальных законов, основанных на древнем и естественном праве и не подлежащих изменениям. Эти законы носили ярко выраженный авторитарный характер: так один из них гласил, что воля императора священна, и никто не имеет право нарушать ее.

Значительно более подробно, чем систему государственного устройства, Псалманаазар описывал религиозный культ Формозы. Изначально жители острова поклонялись небесным светилам – Солнцу, Луне и звездам, пока девятьсот лет назад двум философам, ведущим отшельническую жизнь, не явился истинный Бог, «создатель и повелитель всего сущего: луны, солнца, звезд, морей и суши»

По ходу повествования беззастенчиво скомпилированный библейский сюжет получал неожиданное продолжение. Новоявленный Бог потребовал не только воздвигнуть ему храм, но и возложить на алтарь двадцать тысяч сердец мальчиков, не достигших возраста девяти лет. Подобное кровожадное, даже по меркам язычников, требование, вызвало у людей вполне естественную реакцию: они объявили пророков мошенниками и с позором прогнали их. Божья кара последовала немедленно: жителям острова хватило тридцати шести часов стихийных бедствий, чтобы смириться и подчиниться грозному Богу.

Псалманаазар описал быт и традиции обитателей Формозы. Он отмечал, что «их нравы абсолютно не испорчены, потому как они живут под страхом сурового наказания». Мужчинам запрещено заговаривать с замужними женщинами, даже простая беседа приравнивается к супружеской измене, за которую законом предусматривается штраф или публичная порка, а повторное нарушение карается смертью. В связи с тем, что мужчин меньше, чем женщин, в стране практикуется многоженство. Девушек выдают замуж, начиная с десяти лет, чтобы избежать

распространенного среди представительниц слабого пола недуга меланхолии, а мужчине разрешено взять столько жен, сколько позволяет толщина его кошелька. Старшая жена в наименьшей степени, чем все остальные, подчиняется мужу: она распоряжается домом, занимается хозяйственными делами, а в случае смерти мужа, наследует его функции главы семьи.

Устройство экономики острова практически не описано Псалманаазаром. Он лишь мимоходом упомянул, что доход вице-короля складывается из прибыли от серебряных и медных рудников, коих на Формозе огромное множество, а также налогов (1/5 от дохода), которым обложены все лица, не работающие в государственном аппарате - купцы, землевладельцы и крестьяне, а также из таможенных пошлин на импортируемые и экспортируемые товары. Любопытно, что одним из наиболее презираемых занятий на Формозе, по уверению автора, была коммерция, так как среди местного населения бытовало простодушное мнение, что «чем богаче человек, тем больше ему приходится прибегать к обману и лжи».

«Географическое и историческое описание Формозы» произвело огромный резонанс. Парадоксально, но читатели не обращали внимания на грубые ошибки, допущенные Псалманаазаром. Так, Джордж утверждал, что Формоза находится под властью японского императора, хотя в описываемое время остров принадлежал Китаю, а к Японии отошел только в 1895 году. К тому же, даже при поверхностном прочтении «Описания Формозы» становилось понятно, что подобное общество просто не может существовать. Эклектичность, а иногда, и сочетание взаимоисключающих черт пронизывали все сферы жизни обитателей злополучного острова.

Анализ сюжета «Острова Формоза» в совокупности с учетом особенностей биографии автора позволяет сделать следующие выводы. Данное произведение определенно нельзя отнести к утопическому жанру, в нем не содержится ни одной оригинальной философско-политической или

экономической идеи, что компенсируется детализированным описанием второстепенной атрибутики. Более того, недоучка из иезуитского колледжа, бродяга, несостоявшийся коммерсант и талантливый мистификатор не обладал той совокупностью личностных качеств, присущих авторам, творившим в утопическом жанре. У Псалманаазара объективно не могла сформироваться законченная позитивная социальная позиция, которую он попытался бы популяризировать, используя возможности утопического жанра и приключенческо-авантюрного сюжета. Это определило историческое место его произведения не среди социальных утопий, а в ряду самых талантливых мистификаций XVIII столетия.

Раздел II. Студенческая наука.

РОНИНЫ В ЯПОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ

XVII ВЕКА

Агафонов А.Р.

Владимирский государственный университет, г. Владимир.

dragon2055yer@yandex.ru

Ронинами (другой вариант перевода – «ренин») в Японии называли самураев, которые предпочитали или вынуждены были жить без хозяина. Становились ронинами из-за самых различных причин. Некоторых изгоняли свои хозяева за какие-то ошибки, а иные уходили добровольно, отправляясь в «вольное плавание».

Ямомото Цунэтомо в своем «Хагакурэ» писал: «Не следует разочаровываться, если тебя уволили со службы. Люди во времена господина Кацусигэ любили говорить: «Если ты не был ренином как минимум семь раз, ты не можешь считаться хорошим слугой. Семь раз упал, восемь раз встал. Господин подчас увольняет слугу, чтобы испытать его» [6]. Данные строки свидетельствуют о том, что не всегда увольнение со службы являлось наказывающей мерой. Возможно, таким образом дайме пытались преподать своим самураям уроки. Но это была не единственная причина. Ронином можно было родиться, если отец мальчика был ронином. Ронином можно было стать, если господин умер на поле боя, или самурай сам его опозорил и больше не хотел показываться на глаза. Из-за того, что подобное происходило довольно часто, число ронинов в государстве всегда оставалось на довольно высоком уровне.

Интересно, что с момента, когда в Японию прибыли европейцы, многие самураи становились ронинами добровольно, чтобы иметь возможность работать и учиться в их лагерях. Через какое-то время они возвращались в родной клан или к господину на службу и делились знаниями, которые получили у европейцев [4].

Судьба самурая, который стал ронином, могла быть различной. Некоторые откладывали мечи в сторону и пытались найти себе другое призвание. К примеру, не редки были случаи, когда ронины становились художниками, артистами или занимались литературой. Другие старались вновь вернуть расположение господина. Иные странствовали по стране, тренируя себя в кендо. Вообще путь меча стал очень популярен, и почти любой крупный феодал считал необходимым иметь на своей земле школу (додзе), практикующую собственный стиль фехтования. У любого ронина была возможность бросить вызов школе, и школа, в свою очередь, не могла отказать, так как это посчиталось бы трусостью и позором. После чего проходили поединки между учениками школы и бросившим вызов ронином. Это было обоюдовыгодное действие. Ронин, побеждая преподавателей и учеников школы, прославлял свое имя и мог надеяться, что его наймут на высокооплачиваемую службу. Школа же, которой постоянно бросали вызовы и она побеждала ронинов, владеющих разными стилями, также получала определенную славу. Именно поэтому подобные поединки были довольно частым явлением.

Но это было более-менее мирным проявлением деятельности ронинов. Часто они собирались в небольшие отряды и грабили деревни, странствующих торговцев или нападали на мелких феодалов. Нападения на дайме порой носили и личный характер. К примеру, обиженный самурай хотел отомстить своему господину за то, что тот сделал его ронином, но был не в состоянии отомстить один. Или ронины убитого дайме решили отомстить за своего господина его врагу [2]. Нередко правительству Токугавы приходилось подавлять бунты и восстания ронинов, которые стремились вернуть свои привилегии [1].

Благодаря ронинам дайме были в состоянии за очень короткое время увеличить численность своих войск. Зарубежный исследователь Стивен Тернбулл приводит в пример дайме Ёситаку Куроду, который, производя набор солдат из ронинов для военной компании, славился большой

щедростью. Он приказал казначеям, которые выплачивали жалование, не обращать внимание на небольшой перевес в золоте и серебре, а также на то, если кто-нибудь украдет пару лишних монет. Таким образом Курода стремился распространить о себе славу как о щедром господине, что увеличило бы приток ронинов в его войска [5].

Интересно то, что, становясь ронином, самурай вовсе не терял своих прав. Он по-прежнему носил оружие и находился выше крестьян на социальной лестнице. Но при этом, в отличие от тех же крестьян, он не имел постоянного дохода.

Несмотря на то, что формально их ничто не связывало с хозяевами, ронины стремились следовать бусидо. Ямомото Цунэтомо приводит в пример случай, когда встретились два ронина, один из которых попрошайничал. Увидев это, второй заявил попрошайке, что это не достойно воина и что тот должен немедленно сделать сэппуку (самоубийство). Попрошайка испугался и удалился [6]. Этот случай свидетельствует, что все-таки нарушение кодекса бусидо не приветствовалось среди ронинов.

Самым знаменитым ронином стал Миямото Мусаси, прозванный в Японии «Священным мечом». Его стиль жизни соответствовал кодексу бусидо, как и положено было самураю, но в то же время он не был обременён службой дайме. За свою жизнь он участвовал как минимум в двух крупных битвах, победил свыше 60 сильных противников, написал множество картин и поэм, а также обучал других ронинов собственному стилю боя [3].

Таким образом, ронины, ставшие феноменом Японии, составляли целую прослойку военного сословия, которая фактически ни от кого не зависела. Они были серьезной силой, которую активно использовали феодалы. Но феодалы активно привлекали ронинов только в случае военных конфликтов. Чаще феодалы предпочитали нанять пару именитых ронинов, о которых ходило много славы, в качестве телохранителей или учителей

своих вассалов. Стоит помнить, что ронинов часто могли выгонять со службы, за какие-то нарушения, и не каждый феодал стремился нанимать подобных личностей на службу. И, тем не менее, ронинов в стране было огромное количество. Тысячи самураев без хозяев странствовали по дорогам страны в поисках заработков. Кто-то зарабатывал честно, становясь охранником каких-нибудь торговцев или пытаясь поступить на службу к какому-нибудь дайме, а иные превращались в бандитов.

Положение ронинов было двояким. С одной стороны, они были частью привилегированного сословия, но, с другой, чаще они были подобны бездомным с оружием, которым порой было сложно прокормить себя. В европейских странах того времени существовали наемные войска, но они отличались от японских ронинов не только положением в обществе, но и самим стилем жизни. Путь ронина для японцев часто был путем множества дорог – путем философа, путем воина, путем ремесленника или путем монаха. Самурай без хозяина был волен сам решать, как прожить свою жизнь, что, если учитывать политическое устройство страны, где была жесткая регламентация всего, было крайне необычным. И ронины странствовали из города в город почти весь период правления Токугава. Лишь после реставрации Мейдзи их число пошло на спад, пока почти полностью не исчезло.

Примечания.

1. Гаджиева Е.А. Страна восходящего солнца. История и культура Японии. [Электронный ресурс] - Электрон. книга – М., 2006. – - URL: <http://www.flibusta.net/b/176232> (дата обращения 12.02.2014)..
2. Данн Чарльз. Традиционная Япония: быт, религия, культура. [Электронный ресурс] - Электрон. книга – М., 2006. – - URL: <http://www.flibusta.net/b/297352> (дата обращения 12.02.2014).
3. Миямото мусаси. Книга пяти колец. [Электронный ресурс] - Электрон. книга – М., 2004. – URL: <http://www.flibusta.net/b/38482> (дата обращения 12.02.2014).

4. Ратти Оскар, Уэстбрук Адель. Самураи. [Электронный ресурс] - Электрон. книга – М., 2006. – URL:<http://www.flibusta.net/b/267311> (дата обращения 12.02.2014).
5. Тернбулл Стивен. Самураи. Военная история. [Электронный ресурс] - Электрон. книга – М., 1999. – URL: <http://www.flibusta.net/b/98001> (дата обращения 12.02.2014).
6. Ямомото Цунэтомо. Хагакурэ. [Электронный ресурс]. – Электрон. книга – Спб., 2003. – URL: <http://www.flibusta.net/b/226623> (дата обращения 12.02.2014).

**ПРОГРАММА «ВОЙНЫ С БЕДНОСТЬЮ»
АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ.Ф. КЕННЕДИ (1961 - 1963)**

Бельчикова Н. О.

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, natty.be@ya.ru*

Проблема бедности остается актуальной для многих стран, включая Россию. Анализ опыта ее решения на примере истории Соединенных Штатов Америки представляется нам крайне важным, что и определило научный интерес к вопросу, вынесенному в название статьи.

В исторической науке существует достаточно большое количество исследований, затрагивающих вопрос бедности в американском обществе и политику администрации Дж. Ф. Кеннеди в данном направлении. Большинство из них относятся к периоду 1960 — 1980-х гг., когда она вышла на первый план в политике США. Опираясь на источники официального характера [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7] и исследования отечественных и зарубежных историков [8, 9, 10, 11, 12], посвященные данной проблематике, предпринята попытка проанализировать основные меры администрации Кеннеди, направленные на решение проблемы бедности в этот период.

Для того, чтобы положение беднейших слоев населения оказалось в центре государственной политики США, потребовался целый комплекс

причин политического, социально-экономического и внешнеполитического порядка. Огромную роль в этом сыграл подъем массовых демократических движений, вынуждавших правящие круги идти на уступки, а порой даже на то, чтобы упредить выдвигаемые требования в расчете сбить накал социального недовольства. Предложения администрации Дж. Ф. Кеннеди затронули такие приоритетные сферы государственной политики, как налогообложение, жилищное строительство, поддержку мелкого производителя и пенсионное обеспечение.

Бедность всегда составляла неотъемлемую черту американского общества и сравнительно благополучные в экономическом отношении 1960-е гг., когда США «по уверениям буржуазных идеологов стали «обществом изобилия», не были исключением» [11: 47]. За чертой бедности в США оставалась значительная часть населения страны. К беднейшим слоям относились, прежде всего, цветные американцы, престарелые, не имевшие постоянной работы, молодежь, низко квалифицированные и сельскохозяйственные рабочие, многодетные и неполные семьи.

В начале 1961 г. Дж. Кеннеди представил на рассмотрение Сенату законопроект о предоставлении медицинского страхования престарелым. Президент подчеркивал, что «будущий закон не избавит бенефициаров от всех расходов на медицинские потребности, но значительно уменьшит их затраты» [2]. Предлагаемое финансирование было основано на надежных апробированных принципах социальной защиты [11: 47]. Однако этот законопроект не получил одобрения Сената, «где по-прежнему доминировала двухпартийная консервативная коалиция» [12: 223]. Не был принят и предлагаемый Президентом законопроект, предусматривавший создание временной программы для выплаты дополнительного пособия по безработице и помощи нуждающимся детям безработных родителей [1].

В июне 1961 г. Дж. Кеннеди подписал жилищный закон, предоставлявший семьям с низким и средним доходом займы под низкие

проценты «в целях удовлетворения их жилищных потребностей» [5]. Законодательство предусматривало также значительное увеличение финансирования программ, направленных на жилищное строительство, непрерывность развития программ ипотечного страхования, реконструкции городов и др. [5].

Годом позже Дж. Кеннеди одобрил внесение поправок в закон об общественном благосостоянии 1935 г. Они предусматривали предоставление дополнительных федеральных средств штатам для помощи нуждающимся пожилого возраста и инвалидам в размере 4 долл. на одного получателя в месяц. Кроме того, предполагалось расширение реабилитационных программ нуждающимся семьям, детям из неполных семей и пожилым людям [6].

«На одной из самых низших ступеней социальной лестницы в США находился сельскохозяйственный пролетариат и работники мелких ферм» [10: 58]. Принятые в 1961 и 1962 годы законы о сельском хозяйстве были направлены на увеличение доходов фермеров за счет расширения рынков сбыта сельскохозяйственной продукции [3, 4].

В 1962 г. Кеннеди решился на значительное сокращение налогов на частных лиц и мелкий бизнес. Это предложение сразу создало ему репутацию новатора-кейнсианца. Он не решался вносить подобный законопроект ранее, так как опасался реакцию деловых кругов. «Только после того, как его речь о налоговой политике в Экономическом клубе Нью-Йорка в декабре 1962 г. получила широкое одобрение, Кеннеди смог основательно сократить налоги» [9: 347]. Многие бизнесмены выступили в поддержку законопроекта о налогах 1963 г., а созданный по инициативе администрации Комитет деловых кругов в поддержку сокращения налогов организовал его лоббирование в Конгрессе.

Однако выгода от закона являлась весьма сомнительной. В то время как 2,4% самых богатых налогоплательщиков получали прибавку от

сокращения налогов в сумме 2,3 млрд. долларов, 39,6% граждан на нижних ступенях иерархии - только 1,5 млрд. долларов [9].

В октябре 1963 г. Дж. Кеннеди утвердил законопроект по улучшению финансового состояния пенсионной системы железнодорожников и страхования на случай безработицы. Вместе с тем в своем обращении по случаю утверждения этого законопроекта Президент подчеркнул, что «эти специальные положения, разработанные в законодательстве для железнодорожной отрасли, не применяются к пенсионным системам других отраслей и не должны рассматриваться в качестве прецедента» [7].

Намечавшееся «наступление на бедность» [11: 50] претендовало на устранение самих причин бедности, а не просто ее последствий. Однако причины усматривались отнюдь не в существовавшей экономической системе с ее хронической безработицей и вопиющим неравенством в распределении доходов, а в самих бедных — их недостаточной образовательной и профессиональной подготовке, отсутствии необходимых навыков и мотивов к труду, образу жизни. Соответственно, и пути решения этой проблемы виделись не в перераспределении доходов или создании достаточных общественных фондов потребления, а в приспособлении бедняков к капиталистическому производству путем повышения их потенциальной «используемости» [11: 50] на рынке труда.

На наш взгляд, такой подход к решению вопроса игнорировал подлинную суть и классовую природу проблемы бедности, которая была неразрывно связана с социально-экономическим укладом, расизмом и другими формами дискриминации, которые господствовали в американском обществе в рассматриваемый период. Для ее решения необходимо было использовать системный подход, одним из ключевых моментов которого должно было стать установление справедливых налогообложения и распределения доходов государства между разными группами населения. Реформы администрации Дж. Ф. Кеннеди не

искоренили проблему бедности американского населения, однако они заложили основы дальнейшего реформирования этой сферы в США.

Примечания.

1. Letter to the President of the Senate and to the Speaker of the House Transmitting Bills Extending Unemployment Benefits and Providing Aid to Needy Children February 6, 1961. - URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=8167&st=&st1> (дата обращения 27.03.2014).

2. Letter to the President of the Senate and to the Speaker of the House Transmitting Bill To Provide Health Insurance for the Aged. February 13, 1961. - URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=8278&st=&st1> (дата обращения 27.03.2014).

3. Remarks Upon Signing the Agricultural Act of 1961. August 8, 1961. - URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=8274&st=&st1> (дата обращения 27.03.2014).

4. Remarks Upon Signing the Food and Agriculture Act of 1962. September 27, 1962. - URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=8907&st=&st1> (дата обращения 27.03.2014).

5. Remarks Upon Signing the Housing Act. June 30, 1961 // Public Papers of the Presidents: J.F. Kennedy: 1961 – 1963. - URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=8216&st=&st1> (дата обращения 27.03.2014).

6. Statement by the President Upon Approving the Public Welfare Amendments Bill. July 26, 1962. - URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=8788&st=&st1> (дата обращения 27.03.2014).

7. Statement by the President Upon Signing Bill Relating to the Railroad Retirement and Unemployment Insurance Systems. October 7, 1963. - URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=9457&st=&st1> (дата обращения 27.03.2014).

8. Люмер Х. Бедность: ее корни и пути устранения. М., 1967.

9. Майроф Б. Лики демократии. Американские лидеры: герои, аристократы, диссиденты, демократы. М., 2000.

10. Мкртчян А.А. Рабочее движение в США: современные проблемы и тенденции. М., 1970.

11. Печатнов В.О. Белый дом и программа «войны с бедностью»: из истории буржуазного реформизма США 1960-х годов // Новая и новейшая история. 1984. № 4. С. 46 - 62.

12. Печатнов В. О. От Джефферсона до Клинтона: Демократическая партия США в борьбе за избирателя. М., 2008.

ЕГИПЕТ В 80-90-Е ГОДЫ XVIII ВЕКА: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Ванягина И.Ю.

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,

г. Владимир, Irina.Vanyagina@ru.teleperformans.com

С последней четверти XVIII в. с особой очевидностью начинает проявляться отставание Османской империи от передовых европейских государств, где быстрыми темпами развивался капитализм. Османская империя стала терпеть крупные поражения в войнах, а внутри страны усилились национально-освободительные движения покоренных народов и центробежные устремления правителей областей [2: 18]. Упадок государства отразился и на положении арабских стран, входящих в его состав.

Политическая структура Египта конца XVIII века была достаточно сложной, но типичной для стран Востока. Во главе государства стоял турецкий султан Абд ал-Хамид ибн Ахмад-хан ал-Османи. Со второй половины XVIII в. осуществление суверенных прав Порты в Египте носило формальный характер, хотя султан считался верховным собственником земель Египта и мог распоряжаться жизнью и имуществом египтян. Паша, назначаемый Портой, должен был осуществлять управление Египтом

совместно с диваном – высшим органом исполнительной, законосовещательной власти. Паша представлял интересы Порты, обязан был обеспечивать поступление дани.

Верховным руководителем всей государственной администрации был Везир Мухаммад-паша Иззат старший – вали Египта, в 1794 г. он был назначен великим везиром Порты [1]. Ослабление Османской империи привело к восстановлению в Египте политической власти мамлюков. Они стали привилегированным сословием феодального Египта. На султанском престоле утвердились мамлюкские династии.

Религиозную элиту Египта составляли имамы, муфтии, фикихи. Государственная элита часто жертвовала движимое или недвижимое имущество на определенных условиях различным религиозным и благотворительным учреждениям. Вакуфные земли, как и другое вакуфное имущество, освобождались от всяких налогов. Вакфы учреждались преимущественно частными лицами. Во всех своих видах вакуфное землевладение было лишь особой формой феодального землевладения, позволившей со временем мусульманскому духовенству располагать огромными владениями [1].

В рассматриваемый период в экономическом развитии страны наблюдались некоторые новые явления. В ряде отраслей промышленности, особенно в отраслях, работающих на экспорт, начался переход к мануфактуре. В некоторых городах, в том числе в Каире, Махалла-Кубре, Розетте, Кусе, Кине были основаны мануфактурные предприятия, изготавливавшие хлопчатобумажные, шелковые и льняные ткани. Высшее духовенство, управители вакуфов часто становились владельцами мануфактур, ремесленных мастерских и лавок [3: 59]. Хотя техника производства была еще примитивной, разделение труда внутри мануфактур благоприятствовало повышению его производительности и увеличению производимого продукта.

Однако, существовали и негативные факторы, замедляющие развитие капиталистических отношений в Египте. Прежде всего, собственность купцов, владельцев мануфактур и ремесленных мастерских не была ограждена от посягательств пашей и беев [1]. Кроме того, огромные налоги, поборы, контрибуции и просто вымогательства разоряли торговцев и ремесленников. Режим капитуляций обеспечивал привилегированное положение европейских купцов и торговцев и, наоборот, вытеснял местных купцов из наиболее прибыльных отраслей торговли. Внутренний рынок был также слаб и узок из-за нещадной эксплуатации крестьянства.

В сельском хозяйстве наблюдались зачатки капиталистических отношений. Крестьянское хозяйство все более втягивалось в рыночные связи. На полевых работах находил свое применение наемный труд. В некоторых районах, особенно в дельте Нила, рента-налог приняла денежную форму. На городских рынках Египта проходила оживленная торговля. Крестьяне свозили сюда сельскохозяйственную продукцию и покупали взамен продукты городского производства (ткани, одежду, домашнюю утварь, металлические изделия). Торговля велась и на деревенских рынках.

Развивались торговые связи между различными районами страны. Современники свидетельствовали, что в середине XVIII в. из южных районов Египта вниз по Нилу, к Каиру и в область дельты шли корабли с сахаром, бобами, зерном, льняными тканями, льняным маслом, а в обратном направлении двигались грузы с сукном, мылом, солью, рисом, медью, железом, свинцом [1].

Наряду с внутренними, росли и внешнеторговые связи. В XVII – XVIII вв. основными статьями экспорта Египта были хлопчатобумажные и льняные ткани, кожа, сахар, нашатырь, а также рис и пшеница. Египет вел торговлю не только с Европой, но и с соседними странами Сирией, Аравией, Магрибом (Алжиром, Тунисом, Марокко), Суданом, Дарфуром [1]. Через Египет проходила внушительная часть транзитной торговли с Индией. В

конце XVIII в. 5 тысяч купцов в одном только Каире занимались внешней торговлей [1].

Развитие торговли неуклонно влекло за собой эксплуатацию крестьянства. К старым налогам и повинностям добавлялись новые. Мультазимы взимали с феллахов налоги для уплаты дани Порте, на содержание армии, местных властей, деревенской администрации и религиозных учреждений, не считая поборов на собственные нужды, а также большого количества других поборов, взимаемых часто без всяких оснований. Кроме налогов, установленных государством, существовали различные поборы, основанные на обычае [1].

Феллахи из-за недостаточного разлива Нила и притеснений покидали свои селения. С женами и детьми они направлялись в города. «Питались они тем, что валяется по улицам, подбирая кожуру арбузов и прочие [очистки]. Мусорщикам нечего подметать на улицах. Положение до того тяжелое, что едят падаль – издохших лошадей, ослов и верблюдов. Если им попадалсядохлый осел, то они, дав друг друга, набрасывались на него и разрывали его на куски. Из-за сильного голода ели [падаль] и в сыром виде. Много бедняков умерло от голода» [1].

Дороговизна росла непрерывно, цены очень повысились. Если бы не ввоз зерна из Сирии и Турции, то население Египта погибло бы от голода. Стоимость ардабба пшеницы достигла тысячи трехсот пара, цена бобов, ячменя была близка к тому же, остальных видов зерна и семян почти не было [1].

Таким образом, междоусобная вражда мамлюкских феодалов тяжело отражалась на экономическом положении Египта. Произвол мамлюкских беев, жесточайшая эксплуатация крестьян и ремесленников усиливали недовольство в стране.

Примечания.

1. Абд Ар-Рахман Ал-Джабарти. Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий - URL:

<http://www.drevlit.ru/texts/d/djabarti1210.php> (дата обращения 15.03.2014).

2. Дулина Н.А. Османская империя в международных отношениях (30-40-е годы XIX в.). М., 1980.
3. Хааг М. История Египта / Пер. с англ. М, 2009.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА Ф.Д. РУЗВЕЛЬТА

Гуськова А.Г.

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,

г. Владимир, nastya0913@yandex.ru

В связи с возникновением финансово-экономического кризиса в 2008 г. возобновился интерес к мировому экономическому кризису 1930-х годов в США и социально-экономической политике «Нового курса» Ф.Д. Рузвельта. Деятельность администрации 32-го Президента по преодолению Великой депрессии всесторонне изучена в исследовательской литературе. Вместе с тем, личность самого Ф.Д. Рузвельта вызывает неоднозначные оценки. На наш взгляд, в проведении новаторских мер во внутренней политике особое значение имело его особое умение взаимодействовать с обществом, нацеливать широкие слои населения на преодоление кризиса.

В этом плане следует выделить особенности политической риторики 32 главы Белого дома и его новаторство в выстраивании «доверительных», открытых взаимоотношений с простыми гражданами. Эффективным инструментом позитивного психологического воздействия на общество, создания атмосферы единства нации, ее причастности к проводимым реформам стали известные «беседы у камина» [1], в которых Президент ясными словами разъяснял американцам, обращаясь непосредственно к каждому из них, политику своей администрации, добиваясь не просто поддержки, а понимания населением ее непростых решений.

Всего Ф.Д. Рузвельт выступал по радио 31 раз с 1933 г. по 6 января 1945 г. и к нему было приковано внимание десятков миллионов американцев.

Выступления Ф.Д. Рузвельта по радио представлены в сборнике «Беседы у камина», содержащем 2 раздела. В первом представлены беседы о политике «Нового курса», во втором основной предмет рассуждений Президента - события Второй мировой войны. Нами был проанализирован первый раздел, который состоит из 13 бесед на самые различные темы: о банковском кризисе, о реформах «ста дней», об оказании помощи жертвам засухи и о многом другом.

Как писал Б. Майроф, Ф.Д. Рузвельт пленял радиоаудиторию своими выступлениями, установив беспрецедентный доверительный тон между лидером и его последователями. Голос Ф.Д. Рузвельта на радио сам по себе был уникальным политическим инструментом. Чистый, твердый, бодрый, он изрекал четкие и ясные истины и при этом нес поистине обольстительное очарование [3: 282]. Самими простыми словами он объяснял американским гражданам суть своей политики, давал оценку своим мерам и действиям, объяснял, что и зачем было сделано. В своих беседах он не раз повторял: «я хочу вам объяснить, прояснить политику»; «без колебаний хочу сказать вам самыми простыми и ясными словами»; «хочу, чтобы вам было ясно» [1].

Он убеждал американцев в правильности своих действий, обещал, что положение простого народа скоро изменится в лучшую сторону, что он сможет облегчить их жизнь. Тем самым он стремился дать почувствовать людям, что о них заботятся, что правительство не забыло о них. «Добиться благосостояния они смогут только совместными действиями» - повторял Ф.Д. Рузвельт [1]. С помощью радио-бесед Ф.Д. Рузвельт добивался не только понимания широкими слоями населения политики администрации, но и ее поддержки: «с вашей помощью мы это сделаем» [1]. В своих выступлениях он даже благодарил слушателей за эту поддержку: «пользуюсь случаем, чтобы сказать спасибо всем вам» [1], что не может не привлекать в нем как в политике.

Ф.Д. Рузвельт не создавал напрасных иллюзий о том, что избранный демократической партией политический курс будет легко реализовать, или

что он принесет только положительные результаты: «я не обещаю вам, что откроются, все без исключения банки»; «следует признать, что, хотя в бизнесе и промышленности дела, определенно, пошли лучше, еще слишком много людей живут на пособия» [1]. Это помогало администрации заручиться доверием американцев, также как признание ошибок, допущенных в ходе претворения в жизни реформ «Нового курса». Но когда Ф.Д. Рузвельт рассказывал об успехах своей политики, он отмечал, что «вы и я можете гордиться» проделанной работой [1].

Он обращался к народу «друзья мои», создавая эффект «задушевной» беседы [2, с. 118], причем делал это не раз. 12 марта 1933 г. в разговоре о банковском кризисе Ф.Д. Рузвельт повторил это обращение 5 раз. Он использовал такие речевые обороты, как «обращаюсь к вам», «позвольте мне поговорить», «хочу вам рассказать», «позвольте мне обратить ваше внимание», «хочу отчитаться перед вами» [1], создавая тем самым ощущение того, что он разговаривает с отдельным американцем и с нацией в целом.

Заявив в своей первой инаугурационной речи 4 марта 1933 г. «единственное чего нам стоит бояться, так это страха», Ф.Д. Рузвельт неоднократно повторял это в своих беседах, уверяя американцев в том, что главное «изгнать страх, избавиться от него» [1] и двигаться только вперед, не боясь ничего.

В своих беседах Ф.Д. Рузвельт приводил множество красочных аллегорий. Вот несколько примеров: «Когда Эндрю Джексон умер, кто-то спросил: “Попадет ли он в рай?”. Ему ответили: “Попадет, если захочет”. Если меня спросят, выберется ли американский народ их депрессии, я отвечу: “Выберется, если захочет”». В другой раз он сравнивал американскую форму правления с «запряжной тройкой лошадей, которую по конституции американский народ использует для возделывания своей нивы». На примерах Ф.Д. Рузвельт любил объяснять сложную информацию: «Позвольте мне пояснить это на примере» [1].

«Честность» и «открытость» - это то, что располагает каждого и завоевывает доверие нации. Они стали одним из лейтмотивов выступлений Ф.Д. Рузвельта: «Те, кто занимает высокое положение, должны быть честными. Ведь они распоряжаются средствами других людей»; «я намерен всегда быть честным с народом нашей страны» [1].

Создавая эффект непосредственного диалога, Ф.Д.Рузвельт довольно часто сам задавал вопросы, которые могли тревожить американцев: «Вы можете спросить: почему не открыть все банки одновременно?»; «Однако нагляднее всего каждый из вас может судить о ходе восстановления экономики, если спросит себя, как изменилось его собственное положение. Разве не улучшилось ваше материальное состояние, по сравнению с прошлым годом?» [1]. В своих беседах он нередко рассказывал о путешествиях по стране, «о фактическом положении дел», делаясь со слушателями своими переживаниями, что способствовало установлению более непосредственного - «человеческого» - контакта.

Так, с помощью искусного взаимодействия Ф.Д. Рузвельта с широкими слоями американского населения, у простого американца возникало убеждение, что находящаяся у власти администрация заботится о нем и даже руководит страной, выполняя волю народа. Выступления Ф.Д. Рузвельта по радио имели немалое практическое значение. «Беседы у камина» успокаивали американцев и вселяли надежду на скорейшее преодоление экономического кризиса. Правильно выбранная риторика и тактика ведения бесед способствовали расширению поддержки «Нового курса» и успешному преодолению Великой депрессии.

Примечания.

1. Рузвельт, Ф. Беседы у камина. М., 2003. [Электронный ресурс] / URL: http://modernlib.ru/books/ruzvelt_franklin/besedi_u_kamina/read/ (дата обращения 20 сентября 2013 г.).

2. Уткин, А.И. Рузвельт. М., 2000.
3. Майроф Б. Лики демократии: Американские лидеры: герои, аристократы, диссиденты, демократы. М., 2000.

МИРНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ СЕВЕРОИРЛАНДСКОГО КОНФЛИКТА В 70-Е – НАЧАЛЕ 90-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Дунаева Е.С.

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,

г. Владимир, dunaewa.len@yandex.ru

Североирландская проблема относится не только к наиболее острым моментам истории Великобритании и Северной Ирландии, но и к пониманию сущности жестких этноконфессиональных противостояний, проявивших себя во многих районах современного мира [6, 7]. Целью данного исследования является выявление эволюции подходов к урегулированию североирландского конфликта на основе анализа ключевых документов, которые были направлены на его разрешение. Это – Саннингдейлское соглашение 1973 г., Англо-Ирландское соглашение 1985 г., Совместная декларация Даунинг-стрит 1993 г.

Развитие обстановки в Ольстере к началу 1970-х годов показывало, что применявшиеся Лондоном методы управления в 1960-е годы в Северной Ирландии не оправдали себя. Попытки политического урегулирования, так же как и надежда на решение конфликта с помощью армии, не приводили к успеху. Ситуация все больше выходила из-под контроля властей в Белфасте. Это выразилось в роспуске в 1972 г. Стормонта, введении прямого правления из Лондона. В этих условиях был проведен референдум в 1973 г., на котором при явке 58% подавляющее большинство высказалось за сохранение провинции в составе Соединенного Королевства, что способствовало принятию Вестминстером Акта о конституционном устройстве Северной Ирландии. Согласно Акту исполнительная власть переходила к государственному секретарю по делам Северной Ирландии [3:

29]. Помимо этого, предусматривалось участие в законодательном собрании провинции широкого круга политических сил на базе многомандатных округов и пропорциональной системы голосования «единого переходного голоса» [4: 196]. Но эта попытка не увенчалась успехом, так как привлечение католиков к власти встречало сопротивление со стороны протестантов.

Помимо военных операций, британское правительство не теряло надежды на политическое урегулирование конфликта. В марте 1973 г. британским правительством был предложен закон о создании Североирландской ассамблеи, в которой предусматривалось «разделение власти» между протестантской и католической общинами и создание Совета Ирландии, что нашло отражение в Саннингдейлском соглашении 1973 г. Оно было подписано британским премьером Э. Хитом, премьер-министром Ирландии Л. Косгрейвом и главой североирландского правительства Б. Фолкнером [5]. В соглашении был подтвержден статус Северной Ирландии. Она оставалась в составе Соединенного Королевства, пока большинство жителей это поддерживали. Помимо этого, предусматривалось создание Совета Ирландии, в который входили представители обеих общин для совместных консультаций. На совет министров возлагался контроль функций Совета [3]. Несмотря на то, что к соглашению удалось привлечь заинтересованные в разрешении конфликта партии Северной Ирландии, протестантские экстремисты восприняли соглашение как попытку создать единую Ирландию, поэтому соглашение было ими сорвано.

С приходом к власти Маргарет Тэтчер появилась надежда на разрешение конфликта. В ноябре 1985 г. было подписано Англо – Ирландское соглашение между британским премьер-министром и ирландским премьер-министром Гарретом Фицджеральдом. Наряду с подтверждением действовавшего статуса Северной Ирландии предусматривалось создание англо-ирландской межправительственной

конференции по проблемам борьбы с терроризмом, правовым вопросам, экономическим связям и др. В соглашении заявлялось о признании правительством Соединенного Королевства того, «что ирландское правительство будет формулировать мнения и предложения по вопросам, относящимся к Северной Ирландии и находящимся в сфере компетенции конференции. В интересах содействия миру и стабильности конференция должна предпринять усилия по устранению любых разногласий» [2]. Соединенное Королевство было согласно передать полномочия в отношении некоторых вопросов Северной Ирландии. Тем самым, это привело к более тесному сотрудничеству между правительствами Северной Ирландии и Ирландской Республикой.

Однако и это соглашение было сорвано юнионистами. Вековая межнациональная междоусобица продолжалась в условиях, когда оружие было одинаково доступно и протестантам, и католикам. Постоянные террористические акты ИРА, среди которых был даже обстрел резиденции премьер-министра на Даунинг-стрит в феврале 1991 г., показали общественности всю серьезность положения.

Следует отметить что, терроризм препятствовал развитию мирного процесса. В разрешении этого вопроса заслуга принадлежит Джерри Адамсу, председателю партии Шинн Фейн. Он пропагандировал принцип ненасилия и выступал за прекращение огня ИРА. Благодаря его переговорам с Дж. Хьюмом, лидером СДЛП, а также продолжавшимся сотрудничеством Ирландской Республики и Соединенным Королевством, в 1993 г. была принята «Декларация Даунинг-стрит», подписанная британским премьер-министром Дж. Мейджором и ирландским премьер-министром Альбертом Рейнолдсом. В Декларации было заявлено, что Британия «не имеет никаких стратегических и экономических интересов в Северной Ирландии. Их основной интерес заключается в установление мира, стабильности и перемирия», а также «британское и ирландское правительства, наряду с правительством Северной Ирландии, будут стремиться в рамках мирного

процесса к политическому диалогу, созданию учреждений и структур, которые, уважая разнообразие народов Ирландии, позволят им работать вместе в областях, представляющих общий интерес» [1]. Касательно терроризма, оба правительства согласились, что достижение мира должно включить отказ военизированных группировок от оружия и насилия. В ответ на это ИРА заявило о прекращении огня, однако на деле она отказалась разоружаться, что обострило переговорный процесс.

Таким образом, в решении североирландского конфликта в 1970-е – 1990-е годы британское правительство акцентировало мирный подход к его урегулированию. Вовлечение заинтересованных партий в разрешении конфликта, «разделение власти» между католиками и протестантами, сотрудничество Британии с Ирландской Республикой и Северной Ирландией, принцип ненасилия и отказ от оружия – вот те механизмы, на которые старалось опираться британское правительство. Хотя не все принципы удалось реализовать, например, отказ от оружия военизированными группировками, в целом была заложена основа для продолжения мирных усилий в этом вопросе.

Примечания.

1. Downing Street Joint Declaration (15 December 1993). – URL: <http://www.parliament.uk> (дата обращения 23.04.2014).
2. The Anglo-Irish Agreement (15 November 1985) – URL: <http://www.parliament.uk> (дата обращения 23.04.2014).
3. The Sunningdale Agreement (December 1973). – URL: <http://www.cain.ulst.ac.uk> (дата обращения 23.04.2014).
4. Громыко А.А. Модернизация партийной системы Великобритании. М., 2007.
5. История Ирландии/ Отв. ред. Л.Н. Гольман. М.,1980. – URL: <http://krotov.info> (дата обращения 23.04.2014).
6. Напалкова И.Е. Североирландская политика неолейбористских правительств Великобритании: стратегические подходы и опыт

урегулирования этноконфессионального конфликта (1997 – 2010 гг.): автореферат. – URL: <http://www.dslib.net> (дата обращения 23.04.2014).

7. Полякова Е.Ю. Ирландия в XX веке. М., 2009.

ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ФАВОРИТИЗМА XVIII ВЕКА

Егорова М.С.

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, nov-ist@vlsu.ru.*

Фаворитизм был свойственен всем абсолютистским монархиям Европы в XVII – XVIII веках. Франция не избежала данного института. Статус фаворита обеспечивался именно монаршей милостью и подкреплялся подарками, в числе которых были и титулы и земли и крепостные и, просто, деньги. Поэтому фаворитизм и являлся почти полностью прерогативой абсолютизма, то есть формой правления государства, когда все находится в рамках «высочайшей воли». Знание основ данного исторического явления, в том числе определенных понятием «правовой статус», на наш взгляд, позволит более четко и внятно понять историческую роль деятелей прошлого, понять их вклад в историю, не затуманенный лишними наслоениями домыслов и досужих рассуждений.

Это исключительно важно для правильного понимания отечественной истории, оценки ее современного состояния и путей движения в наше будущее. В этом мы видим актуальность выбранной темы. Фаворитизм (от франц. *favoritism* – «благосклонность») – один из интереснейших феноменов мировой истории. Явление фаворитизма теснейшим образом связано с особенностями человеческой психологии. Разделяя людей на своих и чужих, на симпатичных и неприятных, на близких и неблизких, мы подсознательно проявляем благосклонность к первым и стараемся отдалить от себя вторых. Своим мы всегда рады, их решения кажутся нам более правильными, а поступки – более справедливыми и благородными, чем

решения и поступки чужих. С симпатичными нам людьми мы более приветливы и вежливы, более сердечны и благожелательны. Мы не всегда можем внятно объяснить, почему один человек вызывает у нас доверие, тогда как другой в лучшем случае оставляет нас равнодушными. Каждый день мы сталкиваемся с мелким бытовым фаворитизмом, не замечая его или не связывая с этим явлением, о котором когда-то слышали на уроках истории.

Обычно, описывая какой-либо феномен, указывают время его зарождения, расцвета и упадка; называют предпосылки его возникновения. Уникальность фаворитизма заключается в том, что он в той или иной форме существовал всегда. Вернее, с тех незапамятных времен, когда среди людей одной группы (семьи, общины, племени) стали выделяться лидеры. Если уж следовать традиции и устанавливать истоки описываемого явления, можно сказать, что фаворитизм зародился в тот момент, когда некоему отцу пришлось в голову разделить своих сыновей на верных и ненадежных. Верные, преданные воспринимались как опора и преемники. Им позволялось и прощалось много больше, чем вторым, ненадежным, которые автоматически попадали в разряд подозрительных и даже опасных. Развивалось общество, развивался и фаворитизм. Из-под крыши семейного дома он перекочевал во дворцы, где обитает и по сей день.

Сегодня феномен фаворитизма подвергается всестороннему изучению. Его пытаются осмыслить и объяснить представители самых разных наук: истории, психологии, социологии, культурологии, политологии. Ученые определили фаворитизм как социокультурное явление, широко распространенное при дворах правителей эпохи абсолютизма. Фавориты, как правило, пользуются особым расположением своего покровителя и часто благодаря его поддержке получают огромные власть, привилегии, деньги. Монархи вовсе не стараются скрыть свою симпатию к фаворитам. Напротив, они одаривают своих любимцев драгоценностями, поместьями, земельными наделами, жалуют им звания,

титулы, ордена и прочие высокие государственные награды – словом, всячески стараются подчеркнуть особое положение этих людей. Таким образом, правители пытаются купить преданность своих приближенных. Однако в душе каждого монарха таится страх того, что фаворит рано или поздно предаст его.

Страхом, подозрительностью, ревностью правителей и обуславливается периодическая смена фаворитов. Судьба многих из них – это череда бесконечных взлетов и падений. Фаворитизм вовсе не обязательно должен быть связан с любовными, эротическими отношениями между покровителем и его протеже. При Иване IV Грозном сложилась особая форма фаворитизма – опричнина. Опричники совмещали в себе роли советников, телохранителей, друзей и наперсников царя. Но, конечно, чаще фаворитами становились любовники или любовницы правителей.

Назначая своих фаворитов на ключевые посты в государстве, монархи передавали им часть своих полномочий. История знает немало случаев, когда фаворит фактически играл роль всевластного государя, в то время как законный правитель развлекался, проводил время за пирами, охотой, балами, нисколько не интересуясь судьбой страны. И тогда участь государства полностью зависела от личности фаворита. Если волей случая на вершине власти оказывался человек мудрый, талантливый, честный и принципиальный, фаворитизм становился для страны огромным благом, спасая ее от недалекого монарха, не желавшего или не умевшего должным образом управлять государственной машиной.

Если же единственным достоинством фаворита была безграничная преданность «монарху-самодуру», то такие правления оборачивались злом для народа и государства и зачастую оканчивались трагически. Так или иначе, деятельность любого правителя, в том числе и фаворита, не может оцениваться однозначно – положительно или негативно.

Часто фигуры фаворитов связывают с определенными мифами, созданными при их жизни или после нее. Отличить мифы от реальности

бывает не просто даже видным ученым. Но тем увлекательнее становится тема фаворитизма в мировой истории. Не случайно же личности людей, волею судьбы оказавшихся у власти, не перестают притягивать внимание не только ученых, но и простых читателей. Овеянные тайнами и легендами, окруженные ореолом недосказанности, неоднозначные и противоречивые, фавориты в меру своих сил и способностей творили Историю.

Организация системы государственного управления в условиях абсолютизма имела отличительную особенность, связанную с формой осуществления государственной деятельности в эпоху «просвещенного абсолютизма». Главой государства являлся монарх, воплощавший в себе все три ветви власти. Императорская власть во Франции, вытесняя традиционные институты управления сословно-представительной монархии учреждениями, непосредственно подчиненными императору, создав вместе с тем своего рода «дублирующую систему» фаворитов – людей, близких к императору и выполнявших его прямые указания как через руководство государственными учреждениями, так и непосредственно.

Фаворитизм – это своего рода универсальная характеристика системы управления абсолютистского государства, которую в полной мере следует считать неформальным институтом власти. Фаворит, как правило, находился в тесных личных отношениях с государем и в связи с этим получал возможность распоряжаться частью его неограниченной власти. Фаворитизм являлся одним из существенных инструментов в системе государственного управления абсолютизма. Его следует определять как назначение на государственные посты и должности, исходя из личной заинтересованности монарха в деятельности того или иного человека. При этом фаворитизм всегда нарушение общего принципа назначения на государственные должности. Вместе с тем он сам являлся принципом функционирования абсолютистского государства. Фаворит мог ограничиться устройством своих личных дел, представляя собой тип

«случайного человека». В то же время, обладая определенными личными качествами: умением рисковать, политической интуицией, предприимчивостью и, наконец, стремлением служить царю и Отечеству, фаворит мог осуществлять свою государственную деятельность, соотнося ее с объективными потребностями страны и внести значительный вклад в реализацию политического курса.

Фаворитизм во Франции XVIII перешёл из разряда личностных отношений в целую социально-политическую систему. Любовные связи стали не просто достоянием общественности, а движущей государственной силой. Занимая важные должности, фавориты обладали огромной властью, нередко играли огромную роль в принятии политических решений. Известно, многие короли не могла ни шагу сделать без своих самых любимых фаворитов, которые имели неизмеримое влияние на государей. Конечно, не всегда фавориты преследовали меркантильные интересы, иногда они руководствовались искренними чувствами к монархии.

Неизмеримы и средства, потраченные на фаворитов, ведь бывали случаи, когда выходцы из бедных семей одаривались чинами и крупными суммами, причем и их родственники тоже не были обижены. Огромный убыток был нанесен Франции фаворитизмом. В подарки входили крестьяне, дворцы, много драгоценностей, посуды. Вообще фаворитизм во Франции считался стихийным бедствием, которое разоряло всю страну и тормозило её развитие. Деньги, которые должны были идти на образование народа, развития искусства, ремесел и промышленности, на открытие школ, уходили на личные удовольствия фаворитов и уплывали в их бездонные карманы.

Таким образом, фаворитизм являлся особенной системой управления, свойственной абсолютизму не только во Франции, но и во всем мире. Именно абсолютизм обеспечивал статус этого института, в рамках своей «высочайшей воли», являлся исключительной принадлежностью абсолютной монархии.

ГЕРМАНСКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНИЕ 1900 ГОДА О ПОЛОЖЕНИИ ЖЕНЩИНЫ В СЕМЬЕ

Еропова Е.В.

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, EroповаKate@yandex.ru*

В современной исторической науке большое внимание уделяется женскому вопросу. Исследователей привлекают его разные аспекты: политика, экономика, семья, общество. Р.Г. Петрова отмечает, что именно женщина становится «главным носителем социальных изменений, ломающих привычный гендерный порядок» [6: 8]. Вопрос о положении женщины в семье и обществе занимает важное место и в общественно-политических дискуссиях современной России.

В зарубежной историографии гендерная истории имеет значительную традицию. Следует упомянуть таких историков как, Б. С. Андерсон, Г. Белл, И. Блом, Г. Бок, В. Булло, А. Дэвин, Н.З. Дэвис, С. Кляйнберг, А. Юон, К. Оффен, М. Перро, Р. Пирсон, Д. Рендалл, Д. Рюссен, Д. Скотт и др. В их работах история женщин представлена от античности до сегодняшнего дня.

Российская историография феминизма и суффражизма представлена работами таких исследователей как, Пушкарева Н. Л., Айвазова С. Г., Темкина А. А., Юкина И. И., Жеребкина И. А., Чикалова И. Р. и др. Нельзя не отметить вклад Н. Л. Пушкаревой в развитии гендерной истории в советской и российской науке как основоположницы данного направления. Большую ценность для изучения проблем феминизма и суффражизма представляют хрестоматии по гендерным исследованиям Жеребкиной И.А. и Чикаловой И.Р.

В отечественной историографии вопрос о положении немецкой женщины на рубеже XIX – XX вв. остается недостаточно изученным. Предметом нашего анализа стало Германское гражданское уложение, подробно раскрывающее различные аспекты семьи и брака в Германии.

Изучение данного источника стало возможным благодаря его частичному переводу и публикации Ермаковым А. М., д.и.н., доцентом кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского в практикуме «Женщины в Германии в первой половине XX века» [3]. Здесь также приводятся выдержки из научных работ немецких исследователей, которые широко используются для изучения разных аспектов истории Германии.

Германское гражданское уложение 1896 г. вступило в силу в 1900 г. Определенное место в нем заняло регулирование женских прав и обязанностей в семье. Кодекс уложения устанавливал главенство мужчины в семье. По статье 1354 уложения мужчина имел право принимать решения по всем вопросам, касающимся совместной жизни в браке. В частности, это касалось определения местожительства. Жена имела право и была обязана работать по дому и на предприятии мужа. Муж же, в свою очередь, был обязан «доставлять жене содержание соразмерно со своим достоянием, своей, трудоспособностью...» [5: 129]. Но если муж был не в состоянии содержать себя и свою семью, то закон, по статье 1360, обязывал женщину «обеспечить ему (мужу) соответствующее его жизненному положению содержание по мере своего имущества и своей работоспособности» [3]. Лидирующее положение мужчины в семье подтверждала статья 1355, определявшая приобретения женщиной фамилии мужа при вступлении в законный брак.

По Германскому гражданскому уложению брак является светским институтом. Причем такой брак носил моногамный характер. Кодекс прямо запрещал «вступать в брак, пока прежний брак не прекращен или не признан ничтожным» [1]. Определение брака в Германском гражданском уложении не дано. Однако в «Мотивах» к проекту уложения говорится, что брак есть «независимый от воли супругов нравственный и юридический порядок» [4].

По германскому гражданскому уложению брачный возраст для женщин составлял 16 лет, для мужчин — 21 год. Чтобы мужчине и женщине

вступить в брак, необходимо было обоюдное согласие обеих сторон. Единственным препятствием, из-за которого брак не мог бы быть заключен, был запрет «вступать в брак разведенному по прелюбодеянию супругу с лицом, с которым разведенный супруг совершил прелюбодеяние, если по решению о разводе признано, что это прелюбодеяние послужило основанием к разводу» [4]. Таким образом, закон наказывал неверных мужей и жен за адюльтер, которые прибегли к разводу для заключения нового союза. Такая мера в каком-то смысле защищала семью от раскола.

Личные взаимоотношения супругов строились на основе § 1354, закрепляющего главенствующее положение мужа в семье: «Мужу предоставлялось решать все вопросы, касающиеся совместной супружеской жизни, в частности, он избирал местожительство» [3]. § 1354 предоставил жене право «не подчиняться решению мужа, если оно представляется злоупотреблением с его стороны своим правом» [3]. Следует отметить, что § 1354 очень важен для осмысления положения женщины в семье. И хотя он подчеркивал главенство мужчины в семье, этот же пункт защищал женщину от злоупотребления властью со стороны мужчины. Само гражданское уложение не провозглашает власти мужа над женой, а всего лишь дает ему право преимущественного решения семейных вопросов.

Замужние женщины не входили в число лиц, лишенных имущественной дееспособности, хотя по статье § 1363 имущество жены после заключения брака переходило под управление мужа. Напротив, согласно § 1356 «жена вправе и обязана заведовать общим хозяйством» [3]. В пределах домашнего хозяйства ей предоставлено право «вести дела мужа вместо него и представлять его» [3]. Однако муж был в праве ограничить или отменить это право жены по § 1356. Предусматривалась возможность регулировать свои имущественные отношения путем заключения брачного договора.

В немецкой семье забота о детях ложилась на плечи обоих супругов, но полная родительская власть над детьми осуществлялась отцом. К матери

она переходила лишь после смерти супруга или в случае лишения его родительской власти [1]. Отец по статьям 1627 и 1631 уложения имел право и обязанность заботиться о личности ребенка. В частности он мог воспитывать его по своему усмотрению, применять различные средства дисциплины, устанавливать место его пребывания [3]. Мать по закону также имела право и обязанность заботиться о личности ребенка. Но здесь жена несколько ущемлялась в правах, так как не имела право представлять права ребенка. «Резолюция съезда женских союзов Германии от 29 июня 1896 года подтверждает факт закрепощения женщины в семье и необходимости реформы: «большинство рейхстага отказывает матери в исполнении родительской власти и тем самым препятствует ее обоснованному законом влиянию на судьбу своих детей, на которое она может претендовать в той же мере, что и отец» [3]. К тому же пункт 1634 уложения также указывал на ограниченность права матери по воспитанию детей, ведь по закону «при различии мнений между родителями преимущество имеет мнение отца» [3]. Внебрачные дети по отношению к матери и к ее родственникам занимали юридическое положение законных детей [1]. Незаконный ребенок и его отец не признавались состоящими в родстве [1]. Правда, внебрачный ребенок мог требовать от отца предоставления содержания соответственно общественному положению матери до достижения 16-летнего возраста [3]. Но такая обязанность отца отпадала, если мать в период зачатия находилась в близости с другим мужчиной [1].

«Новое Германское гражданское уложение, - отмечал видный немецкий социал-демократ Август Бебель, - значительно затруднило развод. Так, оно устраняет развод по взаимному согласию, как это допускалось прусским гражданским правом» [2: 128]. Развод допускался только при наличии особых оснований. «Основаниями для развода признаются прелюбодеяние и некоторые другие «противные нравственности» проступки (§ 1565): посягательство на жизнь другого супруга (§ 1566); злонамеренное оставление (§ 1567); грубое нарушение

брачных обязанностей или «бесчестное поведение, глубоко расшатавшее супружеские отношения, так что стало невозможным требовать от другого супруга продолжения брака» (§ 1568); тяжелая, прервавшая духовное общение супругов и безнадежная душевная болезнь (§ 1569)» [1]. Гражданское уложение такими мерами стремилось предотвратить прогрессирующее разложение семьи в Германии, которое отмечалось на рубеже XIX – XX вв.

Таким образом, Германское гражданское уложение хоть и не провозглашало власти мужа над личностью жены, но закрепляло за ним определяющую роль в семье. Уложение четко устанавливало сферу прав и обязанностей женщины, которые оставались довольно ограниченными. Несмотря на то, что воспитание детей являлось обязанностью обоих супругов, женщина не могла в полном объеме исполнять родительские обязанности. Во всех спорных ситуациях, касающихся проблем воспитания, последнее слово было за мужем. Его главенствующее положение заключалось и в том, что он мог избирать местожительство, распоряжаться имуществом, руководить досугом семьи и т.д. Женские права были ограничены даже в сфере развода. Всем, чем оставалось довольствоваться хозяйке дома, это ограниченным правом в воспитании детей и ведением домашнего хозяйства под контролем мужа. Именно эта тотальная несправедливость и дала толчок к развитию женского движения в Германии за уравнение в правах с мужчинами в конце XIX – начале XX вв..

Примечания.

1. Батыр К. И. История государства и права зарубежных стран. М., 2003. [Электронный ресурс] – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/batur/ (дата обращения 30.04.2014).
2. Бебель А. Женщина и социализм. М., 1959.

3. Ермаков А. М. Женщины в Германии в первой половине XX века: Практикум. Ярославль, 2003. [Электронный ресурс] – URL: <http://yspu.org/hreader/1/> (дата обращения 30.04.2014).
4. Крашенинникова Н., Жидкова О. История государства и права зарубежных стран. М., 2001. [Электронный ресурс] – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/istrp/index.php (дата обращения 30.04.2014).
5. Ливанцев К. Е. Сборник документов по всеобщей истории государства и права. Л., 1977.
6. Петрова Р. Г. Гендерология и феминология. М., 2010.

БЫТ И ПРАВЫ ЭФИОПОВ ГЛАЗАМИ ПОЭТА Н.С. ГУМИЛЕВА (НАЧАЛО XX ВЕКА)

Живулько Е.О.

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, e.zhiwulko@gmail.com*

В 1913 году, накануне своего 200-летнего юбилея, петербургский Музей антропологии и этнографии организовал экспедицию в Эфиопию, по итогам которой в музее планировалось создать экспозицию, посвященную традиционной культуре Африки. Руководителем данного путешествия был назначен молодой поэт Николай Степанович Гумилев, который к этому времени уже дважды побывал в этой стране. Отчетом о поездке для Академии Наук должен был стать «Африканский дневник» Гумилева. «Дневник» содержит ценную информацию об Эфиопии начала XX века и помогает более детально познакомиться с бытовой стороной жизни эфиопов, а также с их нравами. При написании статьи были использованы также некоторые стихотворения поэта, написанные во время его пребывания в Африке, и «Записка об Абиссинии», в которой описываются возможности страны по мобилизации добровольцев из числа чернокожего населения для пополнения французской армии.

Важнейшей составляющей жизни и быта населения каждого государства является совокупность видов деятельности, которыми они занимаются. Основными занятиями эфиопского населения в начале XX века были земледелие и скотоводство. По материалам «Африканского дневника», а также благодаря музейному описанию предметов, привезенных Гумилевым из экспедиции, можно составить представление о том, какие культуры выращивались в Эфиопии. Важнейшей единицей эфиопского экспорта был кофе. Широко была распространена культура хлопка, из которого эфиопы выработывали прекрасные ткани. Также большое распространение имели посевы табака и ката, который представлял собой культивируемые кустарники и являлся наркотическим веществом.

Кроме того, в Эфиопии выращивалось злаковое растение – дурро, а также хлебное растение – маис.

Что касается животных, разведением которых занимались эфиопы, следует сказать, что в «Дневнике» Николай Степанович чаще всего упоминает о наличии в Эфиопии мулов и верблюдов, которые использовались для перевозки различных тяжестей. Также в Эфиопии разводили зебу и ослов. Важную роль в ведении земледельческого хозяйства играли быки. Об этом можно судить по одному из стихотворений поэта, в котором находим такие строки:

И, мыча, от меня убежали быки,
Никогда не выдавшие белых [3: 330].

Большого распространения достигло в стране коневодство. Лошади использовались, в основном, для верховой езды. В стихотворении «Галла» Гумилев упоминает:

Убегающих страусов рубят сплеча
На горячих конях-исполинах [3: 330].

Для Эфиопии земледелие и скотоводство играли большую роль, так как в стране преобладало натуральное хозяйство. Эти виды сельского хозяйства приносили много пользы для эфиопов, но находились они на достаточно низком уровне развития, особенно это касалось земледелия, так как в то время в Эфиопии была самая примитивная сельскохозяйственная техника и это, конечно, затормаживало развитие сельского хозяйства.

Стоит отметить также, что в хозяйстве народов Эфиопии значительное место занимало ремесло. Эфиопы занимались ткачеством, обработкой различных видов металла, кож и дерева, изготовлением глиняной посуды и различных плетеных изделий. По итогам экспедиции Гумилев привез в Музей антропологии и этнографии ткацкий станок, различные кожаные и деревянные изделия, изделия из глины, металла, разнообразные плетеные изделия [4].

Важную роль в жизни эфиопов играла охота. Население охотилось, в основном, на слонов, антилоп, носорогов, птиц. Что касается особенностей одежды, жилья и предметов утвари эфиопов в интересующий нас период, мы можем сказать о том, что уровень их качества зависел от слоя населения, которому они принадлежали. Это качество определялось использованием для их создания более дорогого и прочного материала.

Важнейшей заслугой Н.С. Гумилева является то, что он дал достаточно подробную характеристику черт характера жителей Эфиопии. Наибольшую долю эфиопского населения составляли амхара, то есть чистокровные абиссинцы. Они, по замечанию Гумилева, «обладали следующими качествами: духом дисциплины и подчинения вождям; храбростью и стойкостью в бою (это победители итальянцев); выносливостью и привычкой к лишениям — до такой степени, что человек опережает лошадь на пробеге в 30 километров и что при переходах, длящихся несколько недель, каждый человек несет на себе запас провианта необходимый для его прокормления. Будучи горцами, они способны выносить самый суровый климат» [2: 92]. Население чистокровных абиссинцев было почти сплошь православное.

Близким амхара народом по языку и вероисповеданию были тиграи. Относительно них Н.С. Гумилев указывает: «Это превосходные воины, но, к несчастью, очень независимого и буйного нрава» [2: 92]. Значительную часть всего населения Эфиопии составляли данакильцы, сомалийцы, харрариты и галассы. Все они являются мусульманскими народами, но, как отмечает В.С. Ягья, «значительная часть галла восприняла монофизитское христианство» [5: 27]. Все эти народы были очень воинственные и грозные, но самыми опасными из них считали сомалийцев. Этот народ обладал очень буйным и независимым нравом.

Несмотря на неоднородность эфиопских жителей, были у них общенациональные черты. Стоит отметить их воинские способности. Были они и очень трудолюбивы, хорошо знали свою страну. Несмотря на свой

достаточно буйный нрав, народы Эфиопии в большинстве своем были гостеприимны и приветливы.

По «Африканскому дневнику» Гумилева можно составить и определенное представление о некоторых отрицательных тенденциях развития эфиопского общества. В первую очередь, сюда можно отнести мошенничество и коррупцию. Так, например, при описании судебного процесса Гумилев отмечает: «Судиться в Абиссинии — очень трудная вещь. Обыкновенно выигрывает тот, кто заранее сделает лучший подарок судье, а как узнать, сколько дал противник?» [1: 68]. Кроме того, в стране еще было распространено рабство, еще не прекращалась работорговля, несмотря на то, что она была запрещена императором Менеликом II.

Большой интерес представляют сведения о традициях и обычаях эфиопов. В «Африканском дневнике» поэт упоминает некоторые свадебные эфиопские обычаи. В источнике мы встречаем такую фразу: «по их обычаю жениться может только убивший человека» [1: 64]. Данный жестокий обычай был характерен для сомалийцев и являлся своеобразной инициацией во взрослую жизнь. Также стоит отметить галлаский обычай, который был связан с ношением невестой подаренного женихом кольца-амарти, которое она навсегда снимала в день свадьбы. Можно выделить и другие обычаи, которые связаны с использованием определенных предметов. Например, в день свадьбы жених избивал невесту с помощью кнута (дчеба) в знак своего полного господства над ней [4].

Кроме свадебных, можно выделить и другие обычаи. В «Африканском дневнике» Гумилев отмечает, что «по восточному обычаю все приходили с подарками» [1: 74], что являлось знаком уважения к хозяину и попыткой расположить его к себе. Согласно еще одному обычаю, во время путешествия принято было нанимать ашкеров, предназначенных для сопровождения в пути и для охраны своих нанимателей.

Как видно, по материалам «Африканского дневника», «Записки об Абиссинии», а также некоторым стихам Н.С. Гумилёва можно составить

достаточно полное представление об основных занятиях, особенностях быта, чертах характера эфиопов, их традициях и обычаях в начале XX века.

Примечания.

1. Гумилев Н.С. Африканский дневник // Гумилев Н.С. В огненном столпе. М., 1991.
2. Гумилев Н.С. Записка об Абиссинии // Гумилев Н.С. В огненном столпе. М., 1991.
3. Гумилев Н.С. Избранное. М, 1999.
4. Степанов Е.Е. Неакадемические комментарии–3 // Toronto Slavic Quarterly, 2007, № 17. – URL: [http:// www. utoronto. ca/tsq/20/stepanov20.shtml](http://www.utoronto.ca/tsq/20/stepanov20.shtml) (дата обращения 10.04.2013).
5. Ягья В.С. Эфиопия в новейшее время. М., 1978.

СОЦИАЛЬНОЕ ВИДЕНИЕ В. РАТЕНАУ

Красавина И.Н.

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, irochka_krasavina@mail.ru*

Изучение истории Германии, ее выдающихся политических и общественных деятелей имеет особое значение для нашей страны. Россия и Германия издавна являлись партнерами в экономической, политической и духовной сферах. Несмотря на противоборство во время мировых войн XX века, им всегда удавалось нормализовать отношения. Начиная с 1970-х и особенно с 1990-х годов эта страна является нашим основным торговым и промышленным партнером в Европе.

Одной из ключевых фигур в истории Германии начала XX в. является В. Ратенау – известный немецкий промышленник, общественный и политический деятель, дипломат, который попытался дать общее историко-философское толкование своей эпохи. В. Ратенау сыграл выдающуюся роль не только в истории своей страны, но и в российско – германских отношениях, а его взгляды не теряют своей актуальности и сегодня. Неслучайно эта

личность продолжает вызывать интерес у исследователей [3, 4, 5, 6, 7]. В отечественной историографии хотелось бы выделить работы И.В. Розанова [6], Г.М. Садовой [7], Греков, Б. И. [3, 4]. В них рассматривается деятельность В. Ратенау как социального теоретика, дается оценка его роли в подписании договора в Рапалло, раскрывается восприятие России.

На первое место среди использованных источников в соответствии с заявленной темой следует поставить работы самого В. Ратенау. В первую очередь - такие фундаментальные произведения как «Новое государство» и «Новое общество». Они позволяют раскрыть взгляды В. Ратенау на проблемы государственного устройства страны, развитие современного ему западного общества.

Важное место в источниковой базе занимают дневники В. Ратенау. Они дают возможность судить об источниках формирования его взглядов, позволяют получить представление об эволюции мировоззрения, раскрыть внутренние переживания и борьбу, сопровождавших выбор позиции. Вся источниковая база представлена на языке оригинала и взята с сайта Берлинской государственной библиотеки.

Изучение социально – философских трудов В. Ратенау [1, 2] показывает, что в основе его идей находилось стремление перестроить общественную жизнь в соответствии с системой ценностей, ведущую роль в которой занимали понятия свободы, самоуправления, самовыражения личности. Он исходил из признания необратимости исторического процесса, который привёл человечество в целом и Германию на порог нового времени, названного им «механизацией».

Восприятие В. Ратенау «механизации» как процесса, который не только коренным образом изменил жизнь человека, но и обещающего кардинальную смену прежнего мироустройства, ощущение личной ответственности за будущее экономического и политического положения Германии в новом мире, желание играть активную роль в определении этого положения стали важными факторами, обусловившими содержание его

идей. Он считал социально-экономические проблемы, которые испытывала Германия в начале XX в., болезнью роста, от которых необходимо было быстрее избавиться, выстроив по-новому экономические отношения [1: 15].

В социальном видении В. Ратенау особо привлекает тот факт, что его рассуждения по проблемам социально – экономического характера (необходимость перестройки экономики, изменения отношения к рабочему классу) неразрывно связаны с постановкой морально – этических вопросов. Особое место он отводил нравственному совершенствованию, выделяя роль искусства в деле воспитания народа в духе абстрактного гуманизма; подчеркивал необходимость искоренения праздности, лени и роскоши, осуждал нетрудовые доходы, позорящие, по его мнению людей, живущих в эпоху цивилизации.

Принципиальное место в социальных построениях В.Ратенау отводилось государству, которое должно было отвечать этическим требованиям. «Если люди, - писал Ратенау, - осознают тот факт, что они могут обрести освобождение, доверившись государству, как олицетворению нравственной общей идеи людей данной страны, то путь к их освобождению открыт»[2: 45]. Каким должно быть «государство нравственности», Ратенау не уточнял, но в целом его рассуждения вращались вокруг идеи просвещенного государя или просвещенной элиты. В то же время Ратенау признал, что в современном обществе быть абсолютно свободным невозможно, поэтому процесс «раскрепощения души» человека может совершиться только в результате его больших усилий; направленных на ограничение человеческих потребностей.

Главной чертой «нового общества», по В. Ратенау, должно было стать господство духовных, а не материальных идеалов. В. Ратенау выступал за подъем жизненного уровня низших слоев населения за счет изменения и улучшения условий труда, сочетание умственного и физического труда, сокращение рабочего дня, предоставление трудящимся жилья, досуга, который заполнялся бы «духовной пищей»

Социальные и политические идеи В. Ратенау сформировались в период всеобъемлющей структурной перестройки, связанной с переходом капитализма на новую ступень развития. Их осмысление и оформление проходило во время процесса глубинных изменений в экономике ведущих мировых держав, затронувших и все другие стороны общественной жизни, в момент появления новых тенденций в отношениях между обществом и государством.

В. Ратенау, в отличие от либеральных политиков военного времени, требовавших парламентских реформ, демократизации политического строя и минимальных социальных уступок, предлагал начать немедленно построение нового общества с помощью государства. Он не видел в обществе иной силы, способной навести порядок, кроме государства, и в этом оказался мудрым пророком. Многие авторы ФРГ признают, что его рекомендации успешно были реализованы в Германии в 1960-1980-е годы. Это обстоятельство является лучшим подтверждением того, что В. Ратенау состоялся не только как выдающийся предприниматель и политик, но и как создатель «Нового общества» XX века.

Примечания.

1. Rathenau W. Der neue Staat. Berlin, 1919. 74 S. [Электронный ресурс] // The Project Gutenberg EBook. – URL: <http://archive.org/stream/derneuestaat00rathuoft#page/n5/mode/2up> (дата обращения 20.03.2013).
2. Rathenau W. Die neue Gesellschaft. Berlin, 1919. 102 S. [Электронный ресурс] // The Project Gutenberg EBook. – URL: <http://archive.org/stream/derneuestaat00rathuoft#page/n5/mode/2up> (дата обращения 17.04.2013).
3. Греков Б. И. В. Ратенау и Россия: эволюция внешнеполитических взглядов. 1914-1922 гг. // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 102-113.
4. Греков Б. И. Германский политик и промышленник Вальтер Ратенау. Моделирование его представлений о России в 1900-1922 гг. М., 1996.

5. Драбкин Я. С. Проблемы и легенды в историографии Германской революции 1918-1919. М., 1990.
6. Розанов И. В. Вальтер Ратенау монополист, политик, идеолог буржуазии // Новая и новейшая история. 1986. №3. С. 139-157.
7. Садовая Г. М. Вальтер Ратенау и Рапалльский договор. Самара, 2001. С.88.

РУССКАЯ КОЛОНИЯ В ТУНИСЕ В 20–Е ГОДЫ XX ВЕКА

Макарова Н.П.

*Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, makarova-nataliamakarova2011@yandex.ru*

В 1920 г. Вооруженные силы Юга России под командованием генерала Врангеля оказались на грани поражения в Гражданской войне. В сложившейся критической ситуации 10 ноября 1920 г. была объявлена эвакуация. Франция как союзник России по антигерманской коалиции оказала большую помощь, и более чем на 120 судах военного и торгового флота эвакуировали почти 150 тысяч человек.

Корабли пересекли Черное море и спустя неделю сосредоточились на Константинопольском рейде, где 21 ноября остатки российского флота были сформированы в Русскую эскадру. В начале декабря 33 корабля с офицерами флота и их семьями, а также с воспитанниками Морского корпуса направились в сторону тунисского порта Бизерты, куда полностью прибыли в феврале 1921 г. На борту было около 6000 тысяч беженцев [5]. Все они оказались в полной зависимости от французского правительства, так как Тунис в то время был под протекторатом этой европейской страны. Корабли простояли на карантине около месяца, после чего «кадеты Морского корпуса были размещены в форте Джебель-Кебир, офицеры с семьями – в лагере Сфаят... Часть командного состава осталась на кораблях для их содержания» [3: 12]. Остальных распределили по лагерям приема в Табарке, Надоре и других городах. Раненых и больных отправили в госпиталь.

В 1924 г. французское правительство признало СССР и установило с ним дипломатические отношения. Русская эскадра прекратила свое существование. 9 ноября с кораблей был спущен русский флаг, суда эскадры простояли в тунисском порту еще примерно шесть лет, затем они были проданы на металлический лом. Морской корпус смог закончить учебный год, но 25 мая 1925 г. он также был окончательно ликвидирован [5].

А пока русским нужно было приспособиваться к непривычным нравам и климату, преодолевать языковой барьер. Необходимо было зарабатывать на жизнь, и беженцы из всех сил пытались найти работу. Помощь в этом оказала специально созданная комиссия по русским беженцам в Северной Африке, которая включала представителей Русского Красного Креста и Союза земств и городских управ. Кроме этого, было создано консульское бюро, которое выдавало удостоверения личности русским беженцам. По распоряжению французских властей с конца 1920-х годов непременным условием для приема на работу стало наличие французского гражданства, и большинству пришлось сменить подданство, чтобы выжить [5]. Те, кто не принял французское гражданство, переходили на положение апатридов, у которых не было гражданских прав и социальных гарантий. Тогда люди были вынуждены довольствоваться небольшим доходом от заработка.

Для наибольшего числа беженцев Тунис был временным этапом. Русские уезжали в Европу, в основном, во Францию, или в другие страны Северной Африки – Египет, Марокко, Алжир. «Когда Русский флот и Морской корпус закончили свое существование в 1924 – 1925 годах, только 700 русских людей находилось в Тунисе, из которых 149 – в Бизерте» [7: 127].

В 1924 г. лагеря были закрыты. Беженцы снимали жилье в основном в арабской части города. Часто приходилось ютиться целой семьей в одной съемной комнате. В более редких случаях жилье предоставлялось работодателем. В конце 1920-х годов ситуация с обеспечением жильем

улучшается, так как у большинства русских появляется постоянная работа. Селились в европейской части города, либо в квартирах многоэтажного дома, либо в отдельных виллах. Те, кто жили в пригороде, могли, к тому же, разводить сады, цветники и огороды. Но русские, которые оказались в глухой провинции, обычно жили в палатках и страдали от изоляции и жары.

Тем, кто имел хорошее образование, посчастливилось получить должности инженеров, топографов, начальников строительства, но в основной своей массе русские зарабатывали на жизнь, работая в сельском хозяйстве или на железной дороге, многие были землемерами, столярами, шоферами. Женщины устраивались медсестрами, преподавателями, швеями, кассирами, гувернантками, но к концу 1920-х годов, как вспоминает А.А. Ширинская, «большинство русских дам смотрели за детьми или прирабатывали дома, вышивая мережки» [7: 169].

В 1921 – 1924 годах дети обучались в школах, организованных в лагерях приема, а также на броненосце «Георгий Победоносец». Учителями были адмиралы и офицеры флота. Для кадетов Морского корпуса каждый преподаватель написал свой курс лекций, так как учебников не было.

После расформирования эскадры дети учились в школах Туниса. Образование в начальной школе было обязательным и бесплатным. Кроме местных школ, русские дети обучались в эмигрантских школах в свободные от основных занятий дни. Целью этих школ было сохранение национального самосознания. Здесь дети изучали русский язык и литературу, историю, географию, Закон Божий. Затем после получения сертификата о начальном образовании можно было поступать в средние учебные заведения в столице и больших городах Туниса. В подавляющем большинстве русские отдавали своих детей для получения среднего образования в лицей Протектората. По окончании средней школы молодые люди могли получать образование в высших учебных заведениях Алжира или столицах европейских стран (в Тунисе в то время еще не было университета), а также пройти конкурс в инженерное училище [3: 37].

В первой половине 1920-х годов то небольшое время, которое приходилось на досуг, заполнялось по-разному. Молодежь занималась спортом. Были организованы оркестр, руководителем которого был И. Шадрин. Устраивались спектакли, в которых участвовали офицеры с командой и эскадренные дамы, для детей организовывали праздники и рождественские елки.

«В Бизерте... была создана одна из первых и лучших русских библиотек... Можно указать на нелишенные художественного изящества произведения Н. Кнорринга и В. Берга, созданные на основании пережитого опыта, за время, проведенное в Тунисе», – отмечает Р. Колупаев [1]. Следует особо отметить уникальный труд русских моряков – «Морской сборник» под редакцией Нестора Монастырева, который издавался на борту подводной лодки «Утка» в 1921 – 1923 годах.

Так как большинство русских устроились в столице, именно там был создан Русский клуб, которым заведовал созданный здесь же Союз русских ветеранов [4]. Благодаря артистическим и музыкальным способностям русских эмигрантов, в городе Тунис была весьма оживленная культурная жизнь.

Но именно церковь, являясь очагом духовной жизни, становится центром, объединяющим эмигрантов. «В Тунисе русская православная жизнь продолжалась на кораблях, в лагерях беженцев, в частных квартирах» [5:222]. Корабельную церковь с «Генерала Алексеева» перенесли в форт Джебель-Кебир, там восстановили церковь св. Павла Исповедника, основанную в Санкт-Петербурге еще в 1797 году. В Бизерте службы проходили в одной из частных квартир, куда перенесли часовню с «Георгия Победоносца». А в столице Туниса в 1922 году в одном из дворцов Медины была обустроена церковь Воскресения Христова.

Еще с 1924 года выдвигались идеи строительства настоящего православного храма в Тунисе, но они долгое время откладывались из-за отсутствия средств. Продолжалась и традиция иконописания. В мемуарной

литературе можно встретить упоминание об иконе Божией Матери Покровительницы странников бездомных в Бизерте. «Предположительно эта икона была написана в 1921 – 1922 годах в беженском лагере «Сфаят» [2].

В 1924 г. русской общиной был организован комитет, целью которого было строительство церкви в память об эскадре. К 1937 г. в Бизерте был построен храм Александра Невского, в котором до сих пор сохраняются многие реликвии, связанные с флотом, например, Андреевский флаг, спущенный с корабля «Георгий Победоносец». Также внутри храма есть доска, сделанная из мрамора, на которой высечены названия кораблей, пришедших в Бизерту.

Итак, именно 20-е годы XX века являются периодом становления, пусть и немногочисленной, русской общины в Тунисе. В рассмотренном нами периоде можно четко выделить два этапа. Первый этап включает в себя время от прибытия первых кораблей вплоть до ликвидации эскадры. Это была особенная жизнь, сосредоточенная вокруг эскадры, лагерей приема и Морского корпуса. Многим пришлось принимать непростые решения, определившие их дальнейшую судьбу. Второй этап в жизни русских эмигрантов начинается после спуска Андреевского флага в 1924 г. Русских, для которых Тунис теперь навсегда станет родным домом, останется здесь уже менее тысячи человек.

Примечания.

1. Колупаев В.Е. Русские в Северной Африке. Обнинск, 2004. – URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=410362> (дата обращения 11.11.2013).
2. Колупаев В.Е. Русский след в Африке. Обнинск, 2004. – URL: http://www.pagez.ru/olb/213_1.php (дата обращения 09.11.2013).
3. Махров К.В. Русская колония в Тунисе. 1920 – 2000. М., 2008.
4. Наумов А. «Ле рюс блан» в Тунисе // "Русский мир.ru". 2008. № 3. – URL: <http://ricolor.org/rz/afrika/tu/tr/rus/> (дата обращения 10.05.2013).

5. Панова М. Последний поход Русской эскадры // «Нева». 2006. № 8. – URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2006/8/pa18.html> (дата обращения 01.05.2013).
6. Панова М.А. Православная община русских эмигрантов в Тунисе (1921-1941 гг.) // «Новый исторический вестник». 2008. № 17. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pravoslavnaya-obschina-russkih-emigrantov-v-tunise-1921-1941-gg> (дата обращения 07.11.2013).
7. Ширинская А.А. Бизерта. Последняя стоянка. М., 1999.

БУДНИ И ПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ ПЛАНТАЦИИ ЮГА США В СЕРЕДИНЕ XIX В.

Нам А.М.

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, anastasiyanam@gmail.com*

В США южные штаты с самого основания имели особый тип землевладения – плантационное хозяйство, ставшее основой экономики Юга до середины XIX в. Повседневная жизнь южной плантации является недостаточно изученной в отечественной историографии. Вместе с тем следует отметить работы одного из ведущих российских специалистов по истории американского Юга И.М. Супоницкой, в трудах которой раскрываются менталитет и ценности южного региона, отмечается противоречивость Старого Юга [6, 7].

Целью данного исследования стало изучение особенностей повседневной жизни на плантации Юга США в середине XIX в. При его проведении были использованы неофициальные источники – дневники, мемуары и воспоминания жителей плантаций. Они позволили увидеть эпоху через призму отдельных человеческих судеб, лучше понять взгляды на мир и ценности южан, как плантаторов, так и их рабов, раскрыть характерные черты повседневной жизнедеятельности. В частности, воспоминания преподобного И.Е. Лоури, бывшего раба из Южной

Каролины, дают четкую картину хозяйственной и праздничной жизни плантации [2]. Томас Нельсон Пейдж, писатель из рода обедневших плантаторов Виргинии, оставил воспоминания о полной нравственного благочестия жизни обитателей особняка довоенного Юга и их рабах [4]. Их зарисовки дополняют мемуары Литиции М. Бёрвелл, также раскрывающие жизнь богатой плантации, взаимоотношения между членами семьи и хозяев с рабами [3].

Посредством сравнительного анализа источников было выявлено, что плантации Юга США в основном по своей структуре были одинаковыми. Они различались только площадью, количеством рабов и выращиваемыми культурами. Главным зданием в хозяйстве являлся дом плантатора. Обычно это было двух или трехэтажное кирпичное строение, напоминавшее свои обликом европейские особняки. Дом возвышался над всеми постройками на плантации и был очень красивым [3: 2]. В нем располагалась вся семья плантатора и домашняя прислуга. Недалеко от особняка находилось отдельное здание – кухня. Здесь готовили пищу для господ, хранили продукты в погребе. Также на кухне находились несколько подсобных помещений – прачечная и/или комната для пряжи. Перед зданием разбивали огород для нужд кухни, там же был колодец [2: 30].

На заднем дворе плантаторского дома или в стороне обычно находился фруктовый сад и виноградник [4: 11]. Отдельно располагался скотный двор, конюшни и загоны для крупного рогатого скота. На некотором расстоянии от дома находились различные хозяйственные постройки (сарай, мастерские, амбары для хранения урожая) [2: 32]. «Негритянские кварталы» располагались на некотором отдалении от главного дома. Они представляли небольшие деревянные постройки со всем необходимым для жизни – кровать, стол, стулья, кухонная утварь и т.д. Хижины были общими для мужчин и женщин и отдельные для каждой семьи рабов. Всю пищу и одежду рабы изготавливали для себя сами [3: 3]

На плантации находилось несколько полей, каждое имело свое название. Это делалось для удобства распределения рабов и скота на работы. Все поля были хорошо огорожены, а после сбора урожая они превращались в пастбища. От размера плантации зависело количество полей [2: 33].

Плантация полностью обеспечивала себя, все необходимое для жителей производилось здесь же. Весь инвентарь для земледелия и других работ изготавливалось на плантации. И белые, и черные носили домотканую одежду, которую шили специально обученные девушки-рабыни. Покупали только обувь, кухонную утварь, мебель, различные предметы роскоши (картины, украшения и косметику для женщин и т.д.) и дорогие ткани [2: 31].

Жизнь на плантации была размеренной и зависела от сезонных работ. Физический труд считался уделом рабов. Они освободили своих хозяев от тяжелого труда, и это позволило последним заняться образованием, иметь больше развлечений. Черные рабы были няньками, слугами в домах, и многое из их жизни было воспринято белыми (пища, фольклор, музыка).

Внутри невольничьей среды существовала кастовость. Наиболее привилегированными считались слуги в доме, а особенно «Мамочка» (Mammy), дворецкий и кучер. «Мамочка» являлась ревностной, верной и надежной помощницей хозяйки, можно сказать ее правой рукой. Она была наиболее авторитетной среди рабов. В ее полномочия входили присмотр и воспитание хозяйских детей, управление и контроль над остальными слугами дома [4: 59]. Равный ей по положению являлся дворецкий – верный слуга хозяина, который исполнял все его поручения [4: 60]. И еще один важный человек на плантации - это кучер. Часто они имели аристократические манеры и были хорошо воспитаны. За каждым другим слугой в доме (горничные, повара, садовники и т.д.) закреплялись определенные обязанности. Следующими по положению шли рабы,

которые работали в поле. Они считались низшей кастой среди невольников, и составляли большинство на плантации [4: 64].

Существовал миф об аристократическом происхождении плантаторов. На деле наличествовала только небольшая группа потомков английских кавалеров, французских гугенотов и испанских донов. Основная же часть плантаторов были выходцами из средних слоев – торговцами, ремесленниками и крестьянами. Многие из них собственными силами осваивали целину и тем самым достигли богатства, но управляли своим хозяйством самостоятельно. Только крупные плантаторы нанимали управляющих для своего имения. А многие из них совмещали землевладение с другой профессией – юриста, торговца, священника, политика [5].

Будние дни проходили в хозяйственных заботах – распределялись работы между рабами, раздавались поручения и т.д. Главным днем недели являлось воскресенье, в этот день утром все обязательно посещали церковь. А после приглашали друг друга в гости на обед [4: 78]. На некоторых плантациях в воскресенье читали проповеди и рабам. Обычно это делали наиболее образованные среди самих негров, а иногда молитвы читал хозяин, особенно если он был набожен [2: 70].

Повседневные дни «разбавляли» званые ужины или обеды. Гостеприимство, привязанность к месту, где родился и вырос, стали основой южного национализма. На плантации часто принимали гостей – родственников, соседей, друзей, знакомых. Эти приемы всегда сопровождались пышными обедами и небольшими развлечениями [3: 31]. Мужчины обсуждали политику, экономику и хозяйство за распитием крепких напитков в отдельной гостиной-кабинете [4: 80]. А женщины в это время развлекались за игрой в карты, обсуждением последних новостей и литературы. В общей гостиной все слушали музыку и прекрасное пение девушек [4: 81].

Одним из самых любимых и главных праздников на Юге, как среди белых, так и среди рабов, было Рождество. В это время хозяева одаривали своих невольников новой одеждой, обувью и раздавали еду [4: 83]. Также этот праздник сопровождался богослужением и посещением церкви. В Рождество на плантацию возвращались дети, учившиеся в колледжах, приезжали все родственники. Также возвращались рабы, которых сдавали в аренду, т.к. договор прекращал действовать в Рождество [4: 89]. В эти дни жизнь на плантации была очень оживленной и наполнена радостными настроениями. Дом украшался по всем традициям Рождества, устанавливалась большая ель, вешались чулки для подарков на камин. Канун праздника проходил в сладостном предвкушении. На следующий день утром все получали подарки, а главной кульминацией становился праздничный ужин. Вечером все веселились, танцевали и развлекались различными играми [2: 67].

К торжественным мероприятиям, проводившимся на плантации, относилась свадьба. Свадебное торжество было скромным семейным действием [1: 88]. Обычно оно проходило в доме жениха. На него приглашались самые близкие родственники, которые съезжались из различных городов, соседи из близлежащих плантаций. Всю церемонию проводил священник местного прихода.

На плантациях устраивали и свадьбы рабов. Обычно церемонию бракосочетания проводили только для наиболее любимых невольников из числа домашних слуг [2: 59]. Свадьбу играли во дворе плантации недалеко от «негритянских кварталов», а иногда и в хозяйской гостиной. Конечно, всё мероприятие проводилось с разрешения хозяев, они же готовили приданое для невесты. Для церемонии приглашался священник, а после венчания все шли на праздничный ужин и танцы. Можно сказать, свадьбы для рабов были более веселыми и радостными. Также в этом мероприятии могли участвовать и хозяева [2: 61].

Таким образом, плантация была не только основной ячейкой экономики Юга, но и фундаментом, на котором строились все социальные отношения. Жизнь на плантации была размеренной и зависела от природных условий и сезонных работ. Плантаторы, освобожденные от тяжелого физического труда, имели достаточно много времени для досуга. На наш взгляд, быт южан рассматриваемого периода напоминал европейский быт высших слоев в XVIII веке.

Примечания.

1. Chinn E., McHatten R. Social Life in Old New Orleans. Being Recollections of My Girlhood. New York; London: D. Appleton and Company, 1912. – URL: <http://docsouth.unc.edu/fpn/ripley/menu.html> (дата обращения 23.04.2014).
2. Lowery I. E. Life on the Old Plantation in Ante-Bellum Days or A Story Based on Facts. Columbia, S.C.: The State Co., Printers, 1911. – URL: <http://docsouth.unc.edu/neh/lowery/menu.html> (дата обращения 23.04.2014).
3. Burwell L. A Girl's Life in Virginia before the War. New York: Frederick A. Stokes Company, 1895. – URL: <http://docsouth.unc.edu/fpn/burwell/menu.html> (дата обращения 23.04.2014).
4. Page Th. Social Life in Old Virginia before the War. New York: Charles Scribner's Sons, 1897. – URL: <http://docsouth.unc.edu/southlit/pagesocial/menu.html> (дата обращения 23.04.2014).
5. Пазенко Е.А. Социальная мысль на Юге США в 30-50-е гг. XIX в. Уссурийск, 2005.
6. Супоницкая И.М. Северянин и южанин // История. 2003 – URL: <http://america-xix.org.ru/library/suponitskaia-antebellum/5.html> (дата обращения 23.04.2014).
7. Супоницкая И.М. Север и Юг: два общества в одной Америке // История. 2003 – URL: <http://america-xix.org.ru/library/suponitskaia-antebellum/3.html> (дата обращения 23.04.2014).

ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВЗГЛЯДОВ ТОМАСА ПЕЙНА

Нарейко А.А.

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, nov-ist@vlsu.ru.*

В своих духовных исканиях Пейн опирался на теорию естественных прав человека, которая брала начало еще в античности, но обрела подлинную жизнь в философии Просвещения. Просветители утверждали, что в естественном состоянии не существовало разделения людей. Все индивиды были наделены равными естественными правами, которые были устранены с образованием государства, подчинением одного сословия другому. Теперь было необходимо восстановить естественную справедливость - равные изначально права людей.

Ошибка тех, кто в своих рассуждениях о правах человека ссылается на примеры из древности, состоит в том, что они недостаточно далеко уходят в глубину древности. Они не доходят до конца пути. Они останавливаются за сто или за тысячу лет до нашего времени, и то, что делалось тогда, объявляют законом для современности. Но это отнюдь не авторитет.

Углубившись в древность, мы обнаружим преобладание прямо противоположных мнений и обычаев, можно привести тысячи авторитетов древности, последовательно противоречащих друг другу.

Можно ссылаться на древность пока мы не дойдем до божественного происхождения человека. «... время, когда человек вышел из рук творца. Чем он был тогда? - Человеком? Человек - таков был его высокий и единственный титул, и более высокого ему нельзя присвоить» [2: 202]. Генеалогия Христа восходит к Адаму. Тогда Пейн задается вопросом: «Почему бы в таком случае не возводить права человека ко дням сотворения человека?» [2: 202]. И его ответ состоит в том, что между ними вторглись правительства - узурпаторы, замыслившие погубить человечество. « Если

какое-либо поколение людей вообще обладало правом диктовать образ правления, коего следовало извечно придерживаться миру, то это было первое из существующих поколений; если же оно этого не сделало, то ни одно из последующих поколений не может ни проявить такого авторитета, ни создать его» [2: 202]. Все люди изначально равны, значит никто не претендовал на власть, и не было лучших. Если этого не было сначала, то и потом не должно было быть.

Просвещенный и божественный принцип равенства прав человека (ибо своим происхождением он обязан творцу) приложим не только для живущих, но и сменяющих друг друга людским поколениям. «Каждое поколение равно в правах с предшествовавшим ему, подобно тому, как каждый человек родился равным своим современникам» [2: 203].

Все истории сотворения мира, все традиционные повествования как просвещенного мира, так и не просвещенного, сколько бы не расходились они во взглядах или понимании известных частных фактов, «сходятся в одном - все устанавливает единство человека» [2: 203]; и все люди рождаются равными и имеют равные естественные права. Надо считать, что каждый новорожденный ведет свое существование от бога. Мир для него так же нов, как для первого существовавшего человека, и его естественное право в этом мире - то же самое.

Пейн ссылается на Библию, на рассказ Моисея: И сказал бог: «сотворим человека по подобию нашему. И сотворил бог человека по образу своему, мужчину и женщину сотворил их». Говорится лишь о различии на мужчину и женщину, нет даже намека на другое различие. «Если это не божественный, то во всяком случае исторический авторитет, который доказывает, что равенство людей - отнюдь не современное учение, а напротив, древнейшее в памяти людской» [2: 203].

Все религии в областях о человеке, скованы на единстве людей как единых по своему роду. Где бы человек не существовал, различия лишь между хорошим и дурным. Созданные правительством законы склоняются

к этому принципу, проводя различия между преступлениями, а не между людьми. Просветитель так же говорит о последствиях неравенства. «Непомерное возвышение одних ведет к столь же непомерному принижению других, пока все не станет совершенно противоестественным» [2: 196]. Порочным последствием этого является огромное количество черни во всех странах. Таким образом, он обосновывает принцип равенства людей, как их божественным равным происхождением, так и исторически, и говорит лишь о половом различии, другого быть не может.

Томас Пейн принадлежал к школе тех политических мыслителей XVIII века, отправным тезисом для которых служило утверждение о равенстве людей. Просветитель критически перерабатывал взгляды своих предшественников и современников, отбирая то, что соответствовало его личным убеждениям, и отбрасывая противоположное. Его социальные воззрения в наибольшей степени соприкасались с революционно - демократическими взглядами Руссо, в чьих трудах он находил высокое чувство свободолюбия, которое внушает уважение и воодушевление человека. Равенство людей главное требование века. Равенство людей по природе, не знающей сословных ограничений - это ведущий мотив социальной философии Пейна, «все здание которой построено на фундаменте прав человека» [1: 22].

Он исходил из различия естественных и гражданских прав человека. В произведении «Права человека» Т. Пейн сначала описывает естественные права. Эта те права, которые присуще человеку как таковому в силу его бытия. Но полностью человек обладает этими правами только в естественном состоянии, которое существовало у современных просветителю индейцев Северной Америки. В этом состоянии все люди равны, и отличаются друг от друга только по индивидуальным особенностям. «Все истории сотворения мира, все традиционные повествования как просвещенного мира, так и непросвещенного, сколько бы не расходились они во взглядах или понимании известных частных,»

сходятся в одном: все устанавливают единство человека, все люди по родству своему едины, стало быть, все они рождаются равными и имеют равные естественные права» [2: 203].

«Естественные права суть те, которые принадлежат человеку по праву его существования» [2: 204]. Что же касается гражданских прав, то «Гражданские права суть те, которые принадлежат человеку как члену общества» [2: 204]. «В основе всех гражданских прав лежат права естественные» [2: 204]. «Человек вступил в общество не затем, чтобы стать хуже, чем он был до этого, или иметь меньше прав, чем он прежде, а затем, чтобы лучше обеспечить эти права» [2: 204].

Каждому естественному праву, переданному в «общий фонд», соответствует гражданское право, «осуществление которого не вполне во власти человека, хотя само право присуще ему от природы» [2: 205]. Например: «Человек наделен от природы правом быть судьей в собственном деле; и поскольку речь идет о праве духа, он им никогда не поступает; но что ему за польза судить, если у него нет силы исправлять? По этой причине он отдает свое право обществу, частью которого он является, и отдает силе общества предпочтение перед собственной силой. Общество ничего не дарит ему. Каждый человек собственник в своем обществе и по праву пользуется его капиталом» [2: 205].

При анализе соотношения естественных прав и гражданских прав Пейн приходит к выводу: гражданская власть не может посягать на естественные права, сохраняемые за человеком. Он относит к этим правам те, которые человек в состоянии сам осуществить и которых государственная власть не в праве его лишать. В первую очередь здесь стоит отметить «интеллектуальные права», или права человеческого духа, «право личности добиваться своего благоденствия и счастья, поскольку это не ущемляет естественные права других» [2: 204], свобода совести, религиозных убеждений, слова. Естественные права принадлежат не только отдельному человеку, но и поколению людей. «Каждое поколение равно в

правах с поколением, которое предшествовало ему, подобно тому, как каждый человек родился равным своим современникам» [2: 203]. «Каждое поколение имеет равные права, и потому права, принадлежащие одному поколению, не могут быть узурпированы другими поколениями» [2: 216].

Таким образом, просветитель проследил развитие человека от естественной личности до члена общества и показал, или пытался показать, характер сохраняемых прав и тех, которые обмениваются на права гражданские. Томаса Пейна нельзя считать последователем какого-то определенного политического мыслителя, он занимает свое место в истории политической и правовой мысли, «Пейн хорошо знал политические мысли революционного XVIII века Англии (Гоббса, Мильтона, Сиднея, Локка), так и Франции (Вольтер, Руссо, Монтескье) и критически перерабатывал взгляды своих предшественников и современников» [1: 17].

Примечания.

1. Громаков Б.С. Политические и правовые взгляды Т. Пейна. М., 1960.
2. Пейн Т. Права человека. // Томас Пейн Избранные сочинения. М., 1959.

ЛОРЕТА ДЖАНЕТА ВЕЛАСКЕС - УНИКАЛЬНЫЙ СОЛДАТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В США

Потопнина Н.А.

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, natalya.potopnina@mail.ru*

В историографии существует немалое количество работ, посвященных Гражданской войне в США. Тем не менее, имеющиеся источники позволяют обратиться к менее изученным в отечественной американистике сюжетам, среди них – роли в данных событиях представительниц прекрасной половины американцев. Данная тема заслужено привлекает внимание американской историографии [1, 2, 3, 4]. По данным Р. Холла в

Гражданской войне приняли участие около 400 женщин, выступавших и под мужскими именами [2]. Среди них была и Лорета Джанета Веласкес.

Жизнь этой замечательной и незаурядной личности, недостаточно известной отечественному читателю, представлена в мемуарах «Женщина в битве: повесть о службе, приключениях и путешествиях мадам Лореты Джанеты Веласкес, известной также как лейтенант Гарри Бьюфорд из армии Конфедерации», которые впервые были опубликованы в 1876 г. в Ричмонде (Виргиния). В 2004 г. они стали доступны в электронном варианте благодаря усилиям работников Университета Северной Каролины в Чейпел Хилле. Необходимо отметить, что истинность мемуаров была поставлена под сомнение. Исследователи постарались выяснить степень достоверности представленной в них информации. При всем осторожном отношении к данному источнику, признается, что Лорета Веласкес четко описывала ситуации на полях сражений, ход и итоги боёв, и большинство фактов находят подтверждение. Целью статьи является воссоздание по мемуарам ее боевого пути и деятельности во время Гражданской войны.

Лорета Джанета Веласкес родилась в знатной состоятельной семье. «У меня есть все основания гордиться именем, что я ношу, и родословной, от которой я унаследовала его. Семья моего отца является очень древней, и кровь, которая течет в моих жилах – кровь кастильской знати, чьи дела тесно связаны с некоторыми из самых впечатляющих эпизодов истории Испании», – повествует она о своём происхождении [5: 40]. Среди её предков был Дон Диего Веласкес, завоеватель и первый губернатор Кубы. К семейному клану принадлежал и величайший испанский художник Диего Родригес Веласкес.

Отец Лореты был родом из города Картахена. В 1840 г. он уехал на Кубу, где получил пост чиновника и в Гаване два года спустя появился на свет его шестой последний ребенок – девочка. 26-го июня 1842 г. она была крещена как Лорета Джанета. Показательно, что она с детства занималась стрельбой, ей были интересны дуэли и скачки верхом, она любила

устроить представления, где всегда была в роли мужчин – капитана Кука или Христофора Колумба. «Я тратила свои карманные деньги не на конфеты и пирожные, как большинство девушек, а на покупку книг, которые связаны с событиями жизни королей и принцев, солдат и путешественников. История осады Орлеана, я помню, взволновали моё молодое сердце, усилили моё воображение, и волнение. Жанна д'Арк была моей героиней, и я мечтала о возможности стать такой, как она. Я строила воздушные замки, и в моих мечтаниях я любила представлять себя героем самых потрясающих приключений. Мне было жаль, что я не была таким человеком, как Колумб или капитан Кук, и не могу открыть для себя новые миры, или исследовать неизвестные области Земли», – пишет Лорета [5: 42-43].

Еще до её учебы в школе она была помолвлена с молодым испанцем Рафаэлем Р., «в соответствии с планами, которые мои родственники создали в отношении меня, и без каких-либо действий с моей стороны» [5: 44]. В 7 лет Лорета была отправлена в Новый Орлеан для завершения образования под присмотром своей тети. Там же она поступила в католическую школу, изучала французский, испанский и английский языки. Однако вскоре Лорета сбежала, решив, что должна сама выбрать себе мужа, которым 5 апреля 1856 г. стал Уильям, офицер армии США. Это было страшным ударом для её тети, но больше всего для родителей, особенно для отца.

Пятая годовщина их свадьбы ознаменовалась началом Гражданской войны, Уильям был завербован в войска южан, предполагалось, что Лорета отправится в Галвестон к родителям, но она этого не хотела, Лорету привлекала мысль о том, что она и Уильям вместе отправятся на войну. Уильям не поддерживал её и решил взять с собой в салун, что бы показать, как ведут себя мужчины в отсутствии женщин. Лорета под видом мужчины отправилась с ним, но разговоры мужчин о войне только укрепили в ней желание отправиться на поля сражений.

8 апреля 1861г. Уильям ушел на фронт, уверенный в том, что жена послушает его и вернется к родителям. Вместо этого Лорета заказала две

униформы - одну по фигуре, а другую на размер больше, чтобы скрыть женственность, и постриглась. Далее с помощью друга она сумела получить документы на имя Гарри Бьюфорда и для большей убедительности приклеила усы. Сообщив Уильяму, что она отправляется в Техас к отцу, на самом деле Лорета уехала в Арканзас, где за четыре дня набрала 236 рекрутов и направила их в Пенсаколу (штат Флорида), где находился Уильям. Он, будучи удивлен и огорчен, тем не менее не выдал жену и принял солдат. Неожиданная смерть мужа от несчастного случая только укрепила желание Лорета воевать и отомстить за его смерть [5: 88].

Лорета - Бьюфорд участвовала в нескольких сражениях, оставивших у нее различные воспоминания. Перестрелка у Форда Блекберна запомнилась ей как «серия поединков», отличавшихся от ее представлений о битвах. «Враг сделал резкий выпад, но не нанес большого ущерба... Однако противник начал двигаться с мощной силой, наши пикеты медленно отступали обратно через Форд... В течение некоторого времени быстрые нерегулярные стрельбы были поддержаны между двумя соперничающими армиями. Позже наше войско было усилено, и враг был вынужден отступить с поля. Они побежали, и я выстрелила последний раз в них из мушкета мертвеца, который подняла», – повествует Лорета [5: 97-98]. Вскоре она приняла участие в битве при Булл-Ране: «Я была в восторге и наблюдала за подготовкой происходящего вокруг меня с жадным интересом. Страх был неопишуем, и я отметила пепельные лица и дрожащие конечностями некоторых мужчин. Мне было почти жаль, что я не чувствую страха» [5: 101].

После нескольких часов сражений, в которых Лорета уже успела многое увидеть, она имела огромное желание сопротивляться до последнего, какой бы ни был исход битвы. «Чем острее конфликт становился, тем сильнее мое мужество росло. Пример моих командиров, желание отомстить за убитых товарищей... Это вдохновило меня, чтобы сделать все от меня зависящее, и ни один человек на поле в этот день ни

боролся с большей энергией и решимостью, чем женщина, которая фигурировала в качестве лейтенанта Гарри Бьюфорд» [5:106]. Эти слова многое говорят о героизме Лореты.

Большой отпечаток в жизни Лореты оставила битва при Буфф – Боле. Она не раз упоминала о ней как об одной из самых кровавых страниц своей жизни. После трудных кровопролитных боёв и будней лагерной жизни Лорета призналась, что реальная война отличалась от её представлений, сформированных чтением книг. Её также стало угнетать бездействие в лагере, когда человек изо дня в день пребывал в попытках убить время и ожиданиях, что произойдет что-то поразительное. Это заставило Лорету задуматься о другой деятельности, которая могла бы помочь в продвижении интересов военного дела.

В результате Лорета предложила знакомым командирам услуги «шпионки» – ведь она могла легко превратиться в женщину [3]. Лорета в своих мемуарах рассказывает о поездке в Вашингтон, где она была представлена Аврааму Линкольну и военному министру Сайману Камерону. О президенте она пишет следующее: «Я много о нем слышала, и, конечно, не так много приятного, как в отношении его характера, так и личности военного, и я считала его ответственным за войну больше, чем любой другой человек. Мистер Линкольн, однако, меня приятно удивил... У него было симпатичное, доброе лицо, и он не был плохим человеком» [5: 142-143]. В Мемфисе Лорета собирала различные сведения о вооружении армии [5: 127-154].

Через некоторое время Лорета решила вернуться на военную службу. Там она вместе с войсками конфедератов удерживала осаду форта Донельсон. «Это было, несомненно, одно из самых страшных сражений за всю войну. Факт того, что бой был в разгаре необычно суровой зимы, увеличивал страх в десять раз», – вспоминала она. [5: 172]. Её секрет не был раскрыт даже после ранения в ногу и лечения в Новом Орлеане. Через некоторое время она возвратилась на фронт и участвовала в битве при

Шайло, где снова была ранена осколком от снаряда. Именно тогда осматривавший ее армейский доктор узнал тайну Лореты, и ей пришлось уехать в Новый Орлеан. Она снова занялась шпионажем, но при выполнении задания в Ричмонде ее рассекретили. После этого она уже жила под настоящей фамилией, но чтобы отвести от себя подозрения вышла замуж за капитана Томаса де Кальпа и сменила фамилию.

После окончания войны Лорета Веласкес, оказавшись под угрозой ареста, уехала в Европу, затем снова вышла замуж и переехала в Венесуэлу. Вернуться в США ей удалось только в 1876 г. С собой она привезла книгу, которую написала в путешествиях. Место и дата смерти Лореты Джанеты Веласкес неизвестны, но американский историк Ричард Холл предполагает, что она умерла в 1897 г.

Мемуары Лореты Веласкес являются важными для понимания ее биографии и личности, получения данных об упоминаемых в них военных операциях, а также «закулисных» сторонах некоторых решений. Они дают дополнительные сведения о различных исторических личностях, включая Авраама Линкольна, воссоздают дух и образ эпохи, в которой жила Лоретта Джанетта Веласкес.

Примечания.

1. Hall R. H. Women in the Civil War. – URL: <http://www.cevsite.com/civilwomen.htm> (дата обращения: 23.04.2014);
2. Hall R. H. Women on the Civil War Battlefield. Kansas, 2006. – URL: <http://www.kansaspress.ku.edu/printbyauthor.htm> (дата обращения 12.04.2013).
3. Johnson L. J. Loreta Velazquez. – URL: <http://womenshistory.about.com/od/civilwar/p/loretavelazquez.htm> (дата обращения 20.04.2014).
4. Van Ostrand M. A Confederate Soldier in Texas: Full Metal Corset. – URL: <http://www.texasescapes.com/MaggieVanOstrand/Confederate-Soldier-in-Texas-Full-Metal-Corset.htm> (дата обращения 22.04.2014).

5. The Woman in Battle: A Narrative of the Exploits, Adventures, and Travels of Madame Loreta Janeta Velazquez, Otherwise Known as Lieutenant Harry T. Buford, Confederate States Army. Richmond: Dustin, Gilman and Co, 1876. – URL: <http://docsouth.unc.edu/fpn/velazquez/menu.html> (дата обращения 22.04.2014).

**ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ПУ И В КИТАЕ:
ПОПЫТКА РЕОРГАНИЗАЦИИ ДЕПАРТАМЕНТА ДВОРА
(20-Е ГОДЫ XX ВЕКА)**

Шаповалова А.Э.

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, alika-199@mail.ru*

Двухлетний Пу И стал императором Китая в декабре 1908 г. В 1912 г. он отрёкся от престола. До 1924 г. за Пу И сохранялся титул «нецарствующий император». Многие исследователи справедливо считают последнего императора Китая одним из самых слабых государственных деятелей в истории страны. На наш взгляд, нельзя не отметить, что в жизни Пу И был переломный момент, когда он хотел совершить ряд преобразований в политической системе Китая. Это касается, прежде всего, его попытки провести реорганизацию Департамента двора.

В полном объёме сохранились мемуары Пу И, над которыми он работал довольно много времени: с 1959 г. вплоть до своей смерти в 1967 г. [1]. При написании своих воспоминаний император пользовался архивными документами и материалами цинского двора и правительств, «Набросками по истории цинской династии», дневниками своего отца (великого князя-регента Чуня) и видных придворных сановников, материалами Департамента императорского двора, документальными источниками, относящимися к деятельности марионеточного правительства Пу И и японских властей в Маньчжоу-Го, китайской и иностранной прессой. В работе содержится целая галерея портретов политических деятелей Китая

конца XIX – середины 40-х годов XX веков, приводятся сведения о нравах и обычаях маньчжурского двора накануне революции 1911 г., о закулисной деятельности в стране агентов европейских держав и многое другое.

В своих воспоминаниях Пу И приводит две причины своего негативного отношения к Департаменту: «Первый пример – баснословные расходы... Департаментом двора сумма за заклад золотых, серебряных и антикварных вещей превысила пять миллионов юаней; причем в тот же год вся она была израсходована без остатка... Второй пример связан с залогом вещей... В течение одного года были заложены золотые часы, золотые папки, драгоценности и просто золотые вещи на сумму восемьсот тысяч юаней при одном проценте месячных» [1: 176].

«Крали по-разному, – вспоминал Пу И. – Одни взламывали замки и крали потихоньку, другие пользовались легальными методами и крали средь бела дня. Евнухи больше использовали первый способ, в то время как служащие Департамента двора и сановники прибегали к последнему» [1: 177]. Пу И относился крайне негативно к такому отношению к сокровищам нации. В своих мемуарах он описывает такой яркий случай: «Когда мне исполнилось шестнадцать лет, однажды из простого любопытства я попросил евнуха открыть хранилище возле дворца Цзяньфугун. Ворота хранилища были опечатаны и, по крайней мере, несколько десятков лет не открывались. Я увидел, что помещение до потолка сплошь заставлено большими ящиками, на которых были наклеены ярлыки, датированные годами правления Цзяцина... Я велел евнухам открыть один из них. В ящике оказались свитки надписей и картин и необычайно изящные антикварные изделия из нефрита. Позднее выяснилось, что это были драгоценности, которые больше всего любил сам император Цяньлун (1736-1796)» [1: 179].

Пу И приводит много сведений о сокровищах цинского двора, собранных императорами двух династий – Мин и Цин, и признаётся, что большинство из накопленного не было описано и никем не проверялось.

Этим пользовались и «грабили все без исключения». Чиновники создавали антикварные магазины, где продавались ценные вещи.

Император вспоминает, что однажды ему доложили, что на улице Дианьмэнь открылось много новых антикварных магазинов, часть из которых принадлежала евнухам. Тогда он принял решение провести инвентаризацию хранилищ дворца. Как только началась инвентаризация хранилища дворца Цзяньфугун, в ночь на 27 июня 1923 г. возник внезапный пожар, который уничтожил все дотла [1: 181].

Пу И хотел самостоятельно провести расследование поджога (который случился далеко не в первый раз). Он начал подслушивать разговоры евнухов. Оказалось, что они подозревают самого Пу И. А как раз в это время во дворце только что было совершено новое злодеяние. Один из евнухов по доносу был наказан главным управляющим за какой-то проступок. Однажды утром, воспользовавшись тем, что доносчик еще спал, евнух проник к нему в комнату, насыпал ему в глаза негашеную известь, а затем исполосовал лицо бритвой. Все это заставило Пу И прийти к мысли о необходимости распустить всех евнухов за ненадобностью. Было решено оставить только небольшое число евнухов, которые обслуживают императорских наложниц и наложниц-матерей [1: 185].

Остановимся на вопросе о том, каким способом Пу И хотел реорганизовать Департамент. Члены Департамента относились крайне негативно к императору. Пу И, чувствуя настроение чиновников, начал действовать. Он выбрал из приверженцев монархии «самых преданных и талантливых» людей в качестве своих ближайших доверительных помощников. «Таким образом, в Запретном городе количество кос увеличилось на 12-13 штук» [1: 179]. Также Пу И назначил министрами двора двух маньчжуров – Цзинь Ляпа и Жун Юаня. Эти люди давали советы императору в устной и письменной формах. Позднее у императора появилось еще одно доверительное лицо – Чжан Сяо-суй. Он стал членом палаты Маоциньдянь.

Чжан Сяо-сюй предоставил план реорганизации. Согласно этому плану, в Департаменте двора следовало оставить только четыре отдела и значительно уменьшить число чиновников [2: 89]. Также предполагалось снизить расходы, что не только приостановило бы утечку денег, но и послужило бы источником дохода. «Другими словами, при осуществлении этого плана идея реставрации прежде всего обретала финансовую основу» [1: 181].

В итоге в парламенте республики вновь образовалась группировка, предложившая аннулировать «Льготные условия» и передать Запретный город республике [3: 149]. Приближенные Пу И чиновники также подверглись ожесточенным нападкам. Из всего этого следует, что Пу И не имел твердых позиций в Китае и внутривластная ситуация была крайне нестабильна.

Политическая обстановка в Китае в 20-е годы XX века в немалой степени обострилась из-за оказавшейся безуспешной попытки императора Пу И провести реорганизацию Департамента двора.

Примечания.

1. Пу И. Первая половина моей жизни. Воспоминания Пу И – последнего императора Китая / ред. Л.С. Тихвинский. М., 1968.
2. Тихвинский С.Л. Реформы и революции в Китае // Новая и новейшая история. 1999. № 2.
6. Тихвинский С.Л. Новая история Китая. М., 1972. – URL: <http://xreferat.ru/35/5891-1-reformatorskoe-dvizhenie-v-kitae-v-xix-veke.html> (дата обращения 12.02.2014).

Сведения об авторах.

Аболмасов Вадим Владимирович – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина

Агафонов Антон Романович – студент 4 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Аронина Наталья Викторовна – к.и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Бельчикова Наталья Олеговна – студентка 5 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Ванягина Ирина Юрьевна – студентка 6 курса заочного обучения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Гуськова Анастасия Геннадьевна – студентка 5 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Добровольский Евгений Сергеевич – преподаватель Череповецкого технологического техникума

Дунаева Елена Сергеевна – студентка 4 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Дэвис Дон Е. – доктор наук, Почетный профессор Университета штата Иллинойс, г. Нормал, США

Егорова Маргарита Сергеевна – студентка 5 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Еропова Екатерина Владимировна – студентка 3 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Живулько Евгения Олеговна – студентка 4 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Жолудов Михаил Валентинович – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина

Ищенко Анна Андреевна – преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Каркозашвилли Нелли Шалвовна – к.и.н., старший преподаватель кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова

Клюквин Михаил Андреевич – аспирант кафедры новой и новейшей истории Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Костылева Елена Николаевна – аспирант кафедры истории России Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина

Кошелева Елена Александровна – к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена

Красавина Ирина Николаевна – студентка 5 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Лабутина Татьяна Леонидовна – д.и.н., ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры новой и новейшей

истории Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Лапшин Александр Геннадьевич – к.и.н., доцент кафедры истории и культуры древнего мира и средних веков Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Лапшина Ирина Константиновна – д.и.н., профессор кафедры новой и новейшей истории Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Макарова Наталья Павловна – студентка 4 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Макеев Дмитрий Алексеевич – д.и.н., профессор кафедры новой и новейшей истории Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Минаев Андрей Иванович – д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина

Мостяев Юрий Николаевич – к.и.н., доцент кафедры социального управления, права и политологии Рязанского государственного радиотехнического университета

Нам Анастасия Михайловна – студентка 4 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Нарейко Анастасия Анатольевна – студентка 5 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Новиков Сергей Степанович – д.и.н., доцент Владимирского юридического института ФСИН РФ

Осяев Александр Геннадьевич – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина

Петелин Борис Валентинович – д.и.н., профессор кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета

Писчикова Наталья Петровна – к.и.н., доцент кафедры истории России Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина

Потопнина Наталья Анатольевна – студентка 4 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Пылёнок Светлана Сергеевна – учитель истории и обществознания МБОУ «СОШ № 15» г. Гусь-Хрустальный с углубленным изучением отдельных предметов

Райкова Вера Алексеевна – к.и.н, доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена

Савосина Юлия Вячеславовна – к.и.н., старший преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина

Смирнов Андрей Андреевич – аспирант кафедры новой и новейшей истории Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Соколов Александр Станиславович – д.и.н., профессор кафедры истории и философии Рязанского государственного радиотехнического университета

Соколов Василий Иванович – к.э.н., старший научный сотрудник Института США и Канады Российской академии наук

Толмачев Юрий Олегович – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина

Усманов Сергей Махмудович – д.и.н., профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Ивановского государственного университета

Шаповалова Анастасия Эдуардовна – студентка 4 курса очного обучения Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г.Столетовых

Щербаков Вячеслав Юрьевич – к.и.н., доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Южного Федерального университета

Эрлихсон Ирина Мариковна – д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина